ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Курганова Маргарита Сергеевна

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОГЛАШЕНИЯ НА РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Новиков Дмитрий Николаевич

Москва – 2026

Оглавление

Введение 6

Глава 1. Теоретические основы лингвокогнитивного анализа текстов разноязычных аутентичных документов с инвариантным содержанием 18

1.1. Аутентичный текст международного договора как объект лингвистического анализа **19**

1.1.1. Понятие аутентичности в международном праве. Аутентичный текст как вариант актуализации международного договора на конкретном языке . **21**

1.1.2. Процедура установления аутентичности и роль аутентичных текстов в международных отношениях **24**

1.1.3. Категории лингвистической эквивалентности и адекватности применительно к обладающим равной юридической силой разноязычным аутентичным текстам международного договора как основного источника международного права **32**

1.2. Экстралингвистические и лингвистические особенности текстов международных документов **36**

1.2.1. Виды международных договоров и порядок их принятия **36**

1.2.2. Структура текста международных договоров **43**

1.2.3. Язык международных документов. Стилистические и лексико-грамматические особенности текстов международных соглашений на русском, английском и французском языках **46**

1.3. Лингвокогнитивный подход к анализу текстов международных соглашений и проблема межъязыкового инварианта текста международного договора **55**

1.3.1. Подходы к пониманию взаимодействия концептуальной и языковой картин мира и их роль в восприятии положений документов участниками международных отношений **55**

1.3.2. Характеристики концептуальных метафор и их роль в установлении степени эквивалентности единиц аутентичных текстов международных документов с инвариантным содержанием **62**

1.3.3. Место международных соглашений в сфере охраны окружающей среды в рамках экологического дискурса **69**

1.4. Семантико-когнитивный анализ текстов международных соглашений .. **73**

1.4.1. Компонентно-инвариантный анализ лексики как инструмент установления сходства концептуального содержания текстов международных документов **73**

1.4.2. Актантно-предикатная структура текста международного документа как средство достижения интенциональной эквивалентности разноязычных текстов международных соглашений **77**

1.4.3. Темпоральные характеристики текстов международных документов на русском, английском и французском языках **81**

1.4.4. Категория модальности в установлении когнитивной эквивалентности разноязычных вариантов текста международного документа **84**

1.4.5. Роль грамматической категории залога в обеспечении структурно-семантической эквивалентности аутентичных текстов **86**

1.5. Когнитивно-прагматический подход к установлению эквивалентности аутентичных текстов международных документов с инвариантным содержанием **89**

1.5.1. Взаимосвязь эксплицитного и имплицитного компонентов высказывания и их влияние на восприятие реципиентом аутентичного текста с инвариантным содержанием **89**

1.5.2. Иллокутивный речевой акт как прагматический компонент анализа текстов международных документов **91**

1.6. Семиотические аспекты анализа аутентичных международных текстов **94**

1.6.1. Текст международного договора как сверхсложный знак **94**

1.6.2. Содержательный инвариант аутентичного текста международного договора и вариативность средств его выражения **98**

Выводы по Главе 1 ..... **100**

Глава 2. Когнитивно-прагматическая и лексико-грамматическая эквивалентность аутентичных документов на примере текстов международных договоров, репрезентирующих экологический дискурс на русском, английском и французском языках (в период с 2000 по 2024 гг.) **. 103**

2.1. Метафорическая концептуализация положений разноязычных текстов международных документов в сфере защиты окружающей среды как показатель их лингвокогнитивной равнозначности **104**

2.1.1. Ориентационные метафоры как инструмент структурирования правового поля международных соглашений **105**

2.1.2. Роль онтологических метафор в концептуализации абстрактных понятий в аутентичных текстах международных договоров **112**

2.1.3. Структурная метафора и ее влияние на степень когнитивной эквивалентности разноязычных документов **122**

2.2. Языковая модальность и средства ее выражения в международных соглашениях, репрезентирующих экологический дискурс **131**

2.2.1. Прагматическая эквивалентность при передаче модальности обязательства в разноязычных документах **131**

2.2.2. Выражение модальности разрешения в текстах международных соглашений **162**

2.2.3. Выражение модальности запрета **177**

2.3. Категория залога как показатель степени вовлеченности сторон в усилия по сохранению окружающей среды **183**

2.4. Равноценность актуализации категории темпоральности в разноязычных текстах международных соглашений..... **208**

Выводы по Главе 2..... **221**

Заключение..... **223**

Список литературы **227**

Список принятых сокращений **249**

Приложения..... **250**

Приложение 1. Анализ модальности разрешения в международных экологических соглашениях..... 250

Приложение 2. Иерархическая таблица частотности способов выражения деонтической модальности в семи экологических соглашениях..... 252

Приложение 3. Универсальные модели метафорической концептуализации 254

Приложение 4. Категория залога как средство достижения структурно-семантической и функциональной эквивалентности. Результаты количественно-статистического анализа..... 256

Приложение 5. Примеры, иллюстрирующие передачу категории темпоральности в аутентичных текстах на трех языках..... 265

Введение

В условиях глобализации и усложнения геополитического ландшафта международный договор выступает ключевым инструментом регулирования межгосударственных отношений. Особый статус в системе международного права имеют многосторонние соглашения, аутентичные тексты которых составлены на нескольких языках и обладают равной юридической силой. С юридической точки зрения такие тексты признаются идентичными по содержанию и правовому применению. Однако с позиций современной лингвистики, и, в частности, лингвокогнитивного подхода каждый естественный язык выступает не просто средством «кодирования» информации, но и отражает уникальную для его носителей языковую картину мира, характерные модели восприятия и категоризации действительности.

В связи с этим представляется важным исследование способов достижения смыслового тождества (инвариантности содержания) в условиях объективных различий лексико-семантических, грамматических и стилистических систем русского, английского и французского языков. Особую значимость этот аспект приобретает в сфере экологического дискурса. Глобальный характер экологических вызовов требует предельной точности в координации действий государств, где любая лингвистическая двусмысленность может привести к расхождению в интерпретации обязательств.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления лингвокогнитивных механизмов, обеспечивающих эквивалентность аутентичных текстов, что имеет принципиальное значение как для развития теории языка и переводоведения, так и для практики международного нормотворчества. Согласно статье 33 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, аутентичные тексты на разных языках (в рамках ООН – на шести официальных языках) обладают абсолютно равной юридической силой. Как отмечают правоведы и лингвисты

(К. Бернер, П. Тирсма, Б. Гарнер), презумпция идентичности текстов часто вступает в противоречие с объективной асимметрией языковых систем. Любая неоднозначность (особенно в сфере глобальных экологических вызовов, где координация действий государств должна быть предельно точной) способна привести к международным спорам и уклонению от выполнения обязательств. В связи с этим создание научно обоснованной типологии когнитивно-прагматических соответствий является необходимой базой для работы переводчиков-международников, экспертов-лингвистов и дипломатов.

Степень научной разработанности темы. Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых. Общетеоретические вопросы когнитивной лингвистики, взаимодействия языка и мышления, языковой картины мира освещены в работах Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 1996]], Н. Н. Болдырева [Болдырев, 2004], В. З. Демьянкова [Демьянков, 2001], Дж. Лакоффа, М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004]. Специфика биокогнитивного подхода к языку обоснована в трудах У. Матураны, Ф. Варелы [Матурана, Варела, 2019], С. Коули [Cowley, 2011], Э. Томпсона [Thompson, 1991], получивших развитие в отечественном языкознании в исследованиях А. В. Кравченко [Кравченко, 2008], И. К. Архипова [Архипов, 2008], О. А. Березиной [Березина, 2014], А. С. Дружинина [Druzhinin, 2025]. Проблемы теории перевода, эквивалентности и инварианта содержания рассматривались в трудах В. Н. Комиссарова [Комиссаров, 1990], Л. С. Бархударова [Бархударов, 1975], А. В. Федорова [Федоров, 2002], Л. А. Черняховской [Черняховская, 2022], С. А. Песиной [Песина, 2014].

Характерные черты юридического дискурса и языка международных договоров исследовались С. Е. Максимовым [Максимов, 1984], П. Тирсмой [Tiersma, 1999], Б. Гарнером [Garner, 2013], Н. В. Алонцевой [Алонцева, 2012], В. Г. Степанец [Степанец, 1999]. Вопросы эколингвистики и экологического дискурса представлены в работах А. Стибби [Stibbe, 2021],

Дж. Лакоффа [Lakoff, 2010], А. Филла [Fill, 2001], Е. В. Ивановой [Иванова, 2007].

Вопрос о когнитивных основах языкового конструирования ирреальности исследовался А.С. Дружининым [Дружинин, 2024]; лингвокогнитивное моделирование на материале англо- и русскоязычного политического дискурса исследуется в диссертационном исследовании Д. И. Касимовой [Касимова, 2023]; процессы лингвопрагматической нейтрализации маркированных языковых средств описаны в работе К.А. Мельниковой [Мельникова, 2024]. Грамматическая специфика текстообразования, включая проблемы вариативности глагольных профилей текста рассмотрена в работе А.Н.Таушевой [Таушева, 2025], сопоставительный анализ темпоральных категорий, в частности одновременности, в английском и русском языках приведен в диссертационном исследовании А.Е. Антроповой [Антропова, 2025]. Несмотря на высокую значимость перечисленных трудов, в науке о языке рассматриваемые проблемы до сих пор изучались преимущественно изолированно (либо в рамках политического или медиадискурса, либо как отдельные аспекты грамматики и прагматики) и, как правило, на материале двух языков. Исчерпывающий ответ на вопрос о том, какие именно лингвокогнитивные механизмы обеспечивают функциональную эквивалентность многосторонних аутентичных документов в условиях разницы правовых культур, в данных работах отсутствует. Комплексный сопоставительный анализ лингвокогнитивных оснований эквивалентности на материале трех языковых версий на русском, английском и французском языках современных конвенций и соглашений, репрезентирующих экологический дискурс, ранее не проводился.

Содержание работы соответствует паспорту научной специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, в частности, следующим направлениям исследований:

- пункт 4 (Исследование языка, мышления и познания методами психолингвистики, нейролингвистики и когнитивной лингвистики);
- пункт 11 (Исследование языка как системы знаков. Языковая форма, семантика и прагматика языка. Семиотические аспекты коммуникации. Исследование поликодовых текстов);
- пункт 15 (Контрастивная лингвистика и лингвистическая типология. Методы сопоставительного и типологического изучения языков. Типологические классификации);
- пункт 21 (Лингвистическое переводоведение и его основные направления. Языковые и экстралингвистические аспекты перевода. Формы, виды и методы перевода. История перевода и переводческой мысли).

Диссертационное исследование выполнено в рамках Приоритетных направлений научных исследований МГИМО (утверждены Ученым советом в 2021 г.), соответствуя пункту 8 «Современные языки. Профессиональная коммуникация. Перевод / Modern Languages. Professional Communication. Translation Studies».

Объектом исследования является процесс обеспечения и достижения эквивалентности разноязычных аутентичных текстов международного соглашения в сфере охраны окружающей среды.

Предметом исследования выступают лингвистические (лексико-семантические, грамматические, стилистические) и когнитивно-прагматические факторы, определяющие функциональную эквивалентность аутентичных текстов на русском, английском и французском языках.

Цель исследования – разработка комплексной теоретической модели и типологии межъязыковых когнитивно-прагматических соответствий, обеспечивающих прагматическую и функциональную эквивалентность аутентичных текстов международных экологических соглашений на русском, английском и французском языках.

Для достижения поставленной цели решены следующие **задачи**:

- Определить лингвистический и правовой статус аутентичного текста международного договора, проанализировать институциональную процедуру установления аутентичности и выявить причины возникновения смысловых расхождений при многоязычном нормотворчестве.
- Уточнить содержание категорий «эквивалентность» и «адекватность» применительно к текстам, обладающим равной юридической силой, и теоретически обосновать понятие «межъязыковой содержательный инвариант».
- Раскрыть роль концептуальной и языковой картин мира в процессе восприятия и конструирования положений международных документов с позиций биокогнитивного подхода.
- Выявить и проанализировать характерные черты метафорической концептуализации в глобальном экологическом дискурсе и определить ее влияние на достижение когнитивной тождественности разноязычных текстов.
- Провести сопоставительный и компонентный анализ лексико-грамматических средств выражения деонтической модальности (обязательство, рекомендация, разрешение, запрет) в аутентичных текстах на трех языках.
- Исследовать роль грамматических категорий залога и темпоральности в формировании единого прагматического смысла в разноязычных юридических документах.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- Впервые проведен комплексный трехсторонний (русско-англо-французский) анализ аутентичных текстов ключевых международных соглашений в сфере экологии (за период с 2000 по 2024 гг.) с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы.
- Теоретически обоснована и доказана на эмпирическом материале гипотеза о существовании межъязыкового содержательного

инварианта текста международного договора не как суммы значений, а как динамической когнитивной макроструктуры, обеспечивающей консенсуальность взаимодействия при восприятии положений документа субъектами международного права.

- Выявлены, описаны и систематизированы доминирующие модели метафорической концептуализации в юридическом экологическом дискурсе (ориентационные, онтологические, структурные метафоры), формирующие единый концептуальный «каркас» договора вне зависимости от языка изложения.
- Установлены и статистически подтверждены закономерности функциональной эквивалентности, которая достигается при наличии формальной лексико-грамматической асимметрии в выражении деонтической модальности, категории залога и темпоральности в русском, английском и французском языках.
- Впервые применен метод компонентно-инвариантного анализа для установления функционального тождества модальных глаголов и лексических единиц, используемых для вербализации положений документов в рамках юридического дискурса.

Теоретическая значимость работы состоит в углублении положений общей теории перевода и эквивалентности за счет интеграции положений биокогнитивного и когнитивно-дискурсивного подходов. Результаты исследования вносят существенный вклад в развитие сопоставительного языкознания, юридической лингвистики и эколингвистики. В работе описаны механизмы вербализации инвариантного правового содержания в условиях несовпадения языковых картин мира. Доказано, что аутентичный текст международного договора выступает как сверхсложный макрознак, который служит средством не только описания, но и конструирования социальной и правовой реальности.

Практическая значимость исследования заключается в возможности прямого применения полученных результатов, выявленных закономерностей

и моделей межъязыковых соответствий в практике юридического перевода, составления и редактирования многоязычных международных правовых актов. Результаты исследования могут быть внедрены в вузовский учебный процесс при разработке курсов лекций и семинаров по теории и практике перевода, дипломатическому и юридическому дискурсу и сопоставительной типологии.

Методология и методы исследования. Диссертационное исследование выполнено в русле антропоцентрической, когнитивно-дискурсивной парадигмы с опорой на базовые принципы биокогнитивного подхода. Для решения поставленных задач и обработки эмпирического материала был применен комплексный аналитический инструментарий: **анализ и синтез; описательно-аналитический метод; сравнительно-сопоставительный метод** применен в качестве базового инструмента для выявления структурно-семантических и прагматических асимметрий в аутентичных текстах на трех языках, а также для установления функциональных межъязыковых соответствий; **метод когнитивного моделирования** в сочетании с **концептуальным и метафорическим анализом** использовался для реконструкции глубинных ментальных репрезентаций и разработки типологии метафорических проекций, посредством которых в экологическом дискурсе структурируются и объективируются абстрактные правовые категории; м**етод компонентно-инвариантного анализа** в сочетании с **методом контекстуального анализа** использован с целью определения содержательного ядра (инварианта) лексических единиц и определения границ семантического варьирования в условиях объективной нетождественности когнитивных и языковых картин мира; **количественно-статистический метод** реализован для определения частотности использования конкретных грамматических форм (категорий залога, модальности и темпоральности). Выявление статистических доминант позволило определить системные способы вербализации правовых предписаний, на основании чего была выстроена итоговая классификация

соответствий, обеспечивающих функциональную эквивалентность разноязычных документов.

Материалом исследования послужили аутентичные тексты семи международных договоров, конвенций и протоколов ООН, репрезентирующих экологический дискурс, на русском, английском и французском языках. В корпус исследования вошли:

1. Картахенский протокол по биобезопасности (2000 г.);
2. Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях (2001 г.);
3. Протокол по стратегической экологической оценке (СЭО) (2003 г.);
4. Протокол о регистрах выбросов и переноса загрязнителей (РВПЗ) (2003 г.);
5. Протокол о гражданской ответственности и компенсации за ущерб, причиненный трансграничным воздействием промышленных аварий (2003 г.);
6. Международное соглашение по тропической древесине (2006 г.);
7. Парижское соглашение об изменении климата (2015 г.).

Гипотеза исследования основывается на предположении о том, что абсолютная эквивалентность аутентичных текстов на формальном лексико-грамматическом уровне недостижима ввиду объективной нетождественности языковых систем. Достижение полной юридической и прагматической равнозначности становится возможным благодаря существованию межъязыкового содержательного инварианта – глубинного ментального конструкта, который нивелирует лингвокультурные различия и обеспечивает формирование области консенсуального понимания правовой нормы всеми участниками договора.

Положения, выносимые на защиту:

1. Аутентичный текст международного договора представляет собой сверхсложный знак, функционирование которого обеспечивается

непрерывным взаимодействием эксплицитных языковых средств и имплицитных когнитивных структур как компонентов когнитивного опыта. Эквивалентность как единообразное понимание таких текстов на различных языках базируется не на формальном поиске словарных эквивалентов, а на поддержании содержательного инварианта как фактора совместимости межъязыкового опыта реципиентов текста, следствием чего становится тождественность перформативной силы, интерпретации реципиентами и правового воздействия текста на русском, английском и французском языках.

2. Ключевым когнитивным инструментом преодоления межъязыковой асимметрии и структурирования правовой реальности в рамках экологического дискурса является концептуальная метафора. Универсальные метафорические модели обеспечивают базовую когнитивную эквивалентность, позволяя проецировать абстрактные глобальные вызовы на универсальный физический опыт.
3. Категория модальности в аутентичных текстах на русском, английском французском языках характеризуется системной межъязыковой асимметрией, которая нивелируется на функционально-прагматическом уровне.
4. Грамматическая категория залога в аутентичных текстах выполняет функцию деперсонализации, объективации нормы и смещения коммуникативного фокуса. Русскоязычный юридический узус характеризуется высокой частотностью использования страдательных конструкций, акцентирующих внимание на объекте правового воздействия. В английской и французской версиях наблюдается тенденция к использованию действительного залога, где в роли инициатора действия выступают абстрактные институциональные субъекты. Подобного рода асимметрия не нарушает общей прагматической эквивалентности.

5. Темпоральная эквивалентность в текстах достигается за счет преобладания «вневременного настоящего», конструирующего правовую реальность. Вместе с тем французский узус тяготеет к эксплицитному использованию будущего времени (Futur simple), при актуализации смысла неизбежности наступления события, тогда как в русском и английском языках будущее событие концептуализируется как уже установленная, перманентная норма и актуализируется посредством использования форм инфинитива или настоящего времени.

Апробация результатов исследования. Достоверность результатов обеспечивается опорой на признанные лингвистические теории, репрезентативностью и значительным объемом проанализированного аутентичного эмпирического материала, а также применением комплекса методов, соответствующих поставленным целям. Основные положения и выводы исследования докладывались, обсуждались и получили положительную оценку на международных научных конференциях: «Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации» (2025 г.), «Англистика в третьем тысячелетии: новые подходы и пути развития» (2024 г.), «Жизненно важные навыки 21 века: новые подходы к иноязычному образованию и переводу» (2024 г.), XV Конвент РАМИ (2023 г.), а также на конференции «Герценовские чтения. Иностранные языки» (2023 г.). По теме диссертации опубликовано восемь научных работ, в том числе пять статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России:

1. Курганова М.С. Способы реализации инвариантного содержания в аутентичных текстах международного договора на русском, английском и французском языках (на примере Картахенского протокола по биобезопасности) / М.С. Курганова, Д.Н. Новиков //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2026. – Т. 19. – Вып. 4. – С. 1759–1769. – DOI: 10.30853/phil20260222.

2. Курганова М.С. Метафорическая концептуализация в текстах международных документов на примере аутентичных текстов Парижского соглашения по климату (2015 г.) на русском, английском и французском языках / М.С. Курганова, Д.Н. Новиков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17. – № 9. – С. 3232-3238.
3. Курганова М.С. Иллокутивный речевой акт как прагматический компонент анализа текстов международных документов (на примере Парижского соглашения по климату (2015 г.) на русском, английском и французском языках) / М.С. Курганова // Российский лингвистический бюллетень. – 2024. – № 11(59). – Ст.№27
4. Курганова М.С. Концептуальные метафоры в текстах международных документов, репрезентирующих экологический дискурс (на примере Протокола по стратегической экологической оценке на русском, английском и французском языках) / М.С. Курганова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2024. – Т. 15. – № 3. – Ст.№25
5. Курганова М.С. Роль категорий модальности, темпоральности и залога в обеспечении эквивалентности аутентичных текстов международного договора (на примере Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях 2001 г.) / М.С. Курганова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2026. – Т. 17. – № 2.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и четырех приложений.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель, задачи и гипотеза, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе рассматривается правовой статус аутентичного текста в международном праве, уточняется содержание категорий лингвистической эквивалентности и адекватности, обосновывается понятие межъязыкового содержательного инварианта. Особое внимание уделяется теоретическим аспектам метафорической концептуализации и роли грамматических категорий (модальности, залога, темпоральности) в формировании единого поля взаимодействия.

Во второй главе проводится комплексный сопоставительный анализ семи соглашений в области экологии на русском, английском и французском языках. На практическом материале выявляются универсальные и специфические модели метафоризации, а также анализируется функциональная эквивалентность средств выражения деонтической модальности и залогово-темпоральных отношений.

В заключении обобщаются результаты исследования, подтверждается гипотеза о существовании когнитивного инварианта и формулируются основные выводы.

Глава 1. Теоретические основы лингвокогнитивного анализа текстов разноязычных аутентичных документов с инвариантным содержанием

Центральной проблемой настоящего исследования выступает выявление лингвокогнитивных оснований эквивалентности аутентичных текстов международных соглашений. Международный договор, составленный и принятый на нескольких языках (в данном случае – на русском, английском и французском), представляет собой уникальный объект лингвистического анализа ввиду своего особого статуса. С юридической точки зрения, разноязычные версии договора признаются равными по силе и идентичными по содержанию. Однако поскольку с позиций когнитивной лингвистики каждый язык отражает уникальную для его носителей картину мира, модели восприятия и категоризации действительности, встает вопрос о принципиальной возможности достижения эквивалентности таких разноязычных документов. В связи с этим возникает необходимость исследования способов достижения смыслового тождества (инвариантности содержания) в условиях объективных различий лексико-семантических и грамматических систем сопоставляемых языков. За основу взято предположение о том, что эквивалентность аутентичных текстов не может быть сведена исключительно к формальному соответствию языковых единиц, и основывается на когнитивных механизмах, обеспечивающих одинаковое восприятие условий и обязательств всеми подписантами документа. Особую значимость этот аспект приобретает в сфере экологического дискурса, в рамках которого от составителей текстов требуется высокая точность для координации действий государств. Различия в концептуализации отношений человек - окружающая среда в русской, английской и французской лингвокультурах могут создавать потенциальные риски для интерпретации правовых норм, и, следовательно, обращение к текстам экологических конвенций и протоколов позволяет наиболее полно выявить механизмы вербализации инвариантного содержания и определить пределы допустимой вариативности.

Для построения теоретической модели, объясняющей феномен эквивалентности в разноязычных юридических документах, необходимо прежде всего определить сам статус исследуемого материала. Понятие «аутентичный текст» в международном праве и в лингвистике имеет различные грани интерпретации, которые требуют уточнения в контексте антропоцентрической лингвистической парадигмы. В связи с этим представляется важным в начале исследования обратиться к рассмотрению специфики аутентичного текста как особой лингвистической и правовой единицы.

1.1. Аутентичный текст международного договора как объект лингвистического анализа

В рамках настоящей работы представляется целесообразным рассмотрение международных соглашений, принятых в рамках ООН, начиная с 2000-го года и по настоящее время, поскольку в 2000-м году были приняты Цели тысячелетия в области развития (ЦТР). Настоящее событие имело важное значение для формирования глобальной повестки устойчивого развития, которая впоследствии значительным образом повлияла на борьбу с изменением климата посредством включения вопросов изменения климата в более широкий контекст устойчивого развития. Несмотря на то, что в начале нового тысячелетия основные усилия в борьбе с изменением климата были направлены на принятие международных соглашений, таких как Киотский протокол, а не на формулирование глобальной климатической повестки, в этот период была заложена основа для комплексного понимания проблемы климатических изменений. Таким образом, изучение экологического дискурса в период с 2000-го года и до настоящего времени позволяет определить актуализацию и деактуализацию ключевых терминов и концептов, представляющих основу международных документов, репрезентирующих экологический дискурс.

Тексты каждого договора составлены на шести языках, имеющих статус официальных языков ООН: на русском, английском, французском,

испанском, арабском и китайском языках, при этом тексты договора на каждом из официальных языков имеют одинаковую юридическую силу (each text being equally authentic, chaque texte faisant également foi). В работе будут рассмотрены аутентичные тексты документов на русском, английском и французском языках.

В соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (далее – Венская конвенция), признается рост важности международного договора как «источника международного права и средства развития мирного сотрудничества между нациями» [Венская конвенция о праве международных договоров, 1969]. Значимость международных договоров в международных отношениях и международно-правовом регулировании увеличивается, и в связи с этим растет необходимость проведения лингвистического анализа текстов международных договоров. В частности, все большую актуальность приобретает когнитивно-прагматический анализ текста.

По мнению С. Е. Максимова, тексты международных договоров необходимо в первую очередь рассматривать с точки зрения реализации коммуникативной функции языка в договоре, поскольку «только в коммуникации реализуются все качества языка» [Максимов, 1984].

Для наиболее полной реализации коммуникативной функции языка текст международных договоров предполагает использование специфических лексических, грамматических и стилистических средств, характерных для данного типа текстов. При этом сопоставление такого рода специфических особенностей текстов международных договоров на нескольких языках является более объективным, если для анализа выбраны именно аутентичные, а не переводные тексты.

1.1.1. Понятие аутентичности в международном праве. Аутентичный текст как вариант актуализации международного договора на конкретном языке

Международные договоры, являющиеся фундаментальным источником международного права, служат ключевым инструментом, позволяющим государствам формулировать взаимные права и обязанности, а также регулировать сложный комплекс межгосударственных отношений [Бальхаева, 2011, С. 56; Legum, Crevon-Tarassova, 2022, С. 34]. В контексте применения международных договоров, особенно тех, которые заключаются на нескольких языках, определяющее значение приобретает понятие аутентичности текста, поскольку именно аутентичный текст формирует основу для толкования и последующего применения договора, тем самым обеспечивая единство его правового значения [Legum, Crevon-Tarassova, 2022, С. 33; Mortenson, 2013, С. 80; Regan, 2014, С. 1055].

Посредством процедуры установления аутентичности международного договора подтверждается, что текст договора является окончательным и не подлежащим изменению, приобретая, таким образом, статус аутентичного. Эта процедура имеет решающее значение для придания договору не только юридической силы, но и необходимой правовой определенности, и регулируется положениями Венской конвенции, уделяя особое внимание как самой процедуре установления аутентичности, так и ее правовым последствиям.

Правила толкования, зафиксированные в статьях 31–33 Венской конвенции, получили широкое признание в международном праве [Капустин, 2021, С. 105; Berner, 2016, С. 848]. Несмотря на то, что вопрос о полном признании их нормами обычного международного права до сих пор остается предметом доктринальных дискуссий, Международный суд ООН и многие другие международные судебные и арбитражные органы систематически ссылаются на эти положения, рассматривая их как кодификацию уже существующих обычных норм [Berner, 2016, С. 852].

Венская конвенция четко разграничивает «аутентичные» материалы для толкования, предусмотренные статьей 31, и «дополнительные» средства толкования, описанные в статье 32. Аутентичные материалы, включающие сам текст договора, его контекст, объект и цель, любую последующую практику, а также применимые нормы международного права, обладают «аутентичным и обязательным характером» [Regan, 2014, С. 1062]. В отличие от аутентичных, дополнительные средства толкования, к которым относятся подготовительные работы (preparatory works, travaux préparatoires) и обстоятельства заключения договора, не являются «автономными средствами толкования», а служат лишь «средствами для содействия толкованию», руководствующемуся принципами статьи 31.

Особая сложность возникает при толковании договоров, аутентичность текста которых установлена на двух или более языках. В подобных ситуациях главной целью становится обеспечение единства договора, несмотря на возможные лингвистические расхождения, что достигается посредством его «актуализации», то есть придания ему единого правового значения во всех его аутентичных языковых версиях [Legum, Crevon-Tarassova, 2022, С. 34, 45].

Статья 33(1) Венской конвенции четко устанавливает, что в случае, если договор аутентифицирован на двух или более языках, его текст обладает одинаковой юридической силой на каждом из этих языков. Это принципиально означает, что ни одному из аутентичных текстов не должно придаваться преимущественное значение лишь потому, что, например, именно он был языком переговоров или основным языком разработки договора. Однако статья 33(1) предусматривает важное исключение, позволяя сторонам либо непосредственно в договоре, либо иным образом договориться о том, что в случае расхождений какой-либо определенный текст будет иметь преимущественную силу.

Статья 33 Венской конвенции, несмотря на отказ от установления иерархии между аутентичными текстами, тем не менее, определяет иерархию

принципов толкования, которые применяются, если сравнение аутентичных текстов выявляет различие в значении, которое не может быть устранено посредством статей 31 и 32. Первым шагом в этом процессе является презумпция того, что термины договора сохраняют одно и то же значение в каждом аутентичном тексте. Международные суды и трибуналы, как правило, не проводят систематического сравнительного анализа всех аутентичных текстов по собственной инициативе, если стороны спора сами не указывают на возможное расхождение [Legum, Crevon-Tarassova, 2022, С. 46].

Тем не менее, подобная судебная практика подвергается критике со стороны исследователей (в частности, К. Кунера, Ф. Прието Рамоса, Л. Мартино). Основной их аргумент заключается в том, что отказ судов от инициативного сопоставления текстов нарушает фундаментальный принцип их равной аутентичности, тем самым объективно существующие смысловые расхождения становятся неявными. С теоретической и лингвистической точек зрения такая критика представляется абсолютно справедливой. Однако с практической позиции действия судов объясняются принципом экономии: международные инстанции зачастую не располагают ресурсами и компетенциями для инициативного анализа всех языковых версий (например, всех шести официальных языков ООН) без прямого ходатайства сторон спора.

Если применение статей 31 и 32 оказывается недостаточным для устранения различия в значении, то в соответствии со статьей 33(4) принимается то значение, которое «лучше всего примиряет тексты, с учетом объекта и цели договора». Этот принцип выступает в качестве окончательного средства толкования, когда другие методы не позволяют определить единое значение оспариваемого термина. Главная задача заключается в том, чтобы сохранить договор как единое целое, а не просто выбрать одну из языковых версий.

Даже в тех ситуациях, когда договор был согласован на одном языке, но впоследствии аутентифицирован на других языках (являющихся языками сторон, не участвовавших в переговорах на основном языке), статье 33 придается существенное значение. Считается, что аутентичные версии на этих языках отражают понимание соответствующими государствами содержания одобренного ими договора, и, следовательно, им должен быть придан соответствующий вес. Такой подход еще раз подчеркивает, что аутентичный текст, независимо от используемого языка, является важнейшей формой актуализации воли сторон и обеспечения единства международного договора.

Вместе с тем признание разноязычных версий текста равнозначными и наделение их статусом единственно верного источника правовых норм требует соблюдения строго регламентированных юридических процедур, трансформирующих лингвистический объект (проект документа) в обязательный правовой инструмент. Понимание того, посредством каких механизмов достигается эта легитимация и какую функцию выполняют уже утвержденные тексты в дипломатической практике, является необходимым условием для дальнейшего анализа их когнитивной структуры.

1.1.2. Процедура установления аутентичности и роль аутентичных текстов в международных отношениях

В соответствии со статьей 10 Венской конвенции, текст договора устанавливается в качестве аутентичного и окончательного либо посредством процедуры, предусмотренной непосредственно в его тексте или согласованной между государствами-участниками составления, либо, при отсутствии таковой, путем подписания, подписания *ad referendum* или парафирования представителями этих государств текста договора или заключительного акта конференции, включающего этот текст [Венская конвенция..; Проскурин, 2010, С. 131]. Следует отметить, что даже простое подписание договора (simple signature) порождает для государства определенные юридические обязательства, закрепленные в статье 18 Венской

конвенции, обязывая его воздерживаться от действий, способных лишить договор его объекта и цели [Венская конвенция о праве международных договоров, 1969]. В свою очередь, окончательное подписание (definitive signature) является непосредственным выражением согласия государства на обязательность договора. Парафирование текста, заключающееся в скреплении инициалами уполномоченных лиц каждой страницы договора, может также приравниваться к подписанию, если государства-участники переговоров достигли соответствующей договоренности.

Крайне важно, что положения договора, касающиеся установления аутентичности его текста, применяются незамедлительно, даже если сам договор еще не вступил в силу, что подчеркивает фундаментальное значение аутентичности для правового статуса документа [Бальхаева, 2013, С. 13]. Аутентичность придает тексту исключительную юридическую силу, закрепляя его как «окончательный». На практике, многосторонние договоры, заключаемые под эгидой Организации Объединенных Наций, традиционно аутентифицируются на всех шести официальных языках ООН, тогда как двусторонние договоры, как правило, получают аутентичность на языках договаривающихся сторон.

В международном праве определяющим фактором возникновения договора является выраженная и согласованная воля сторон, проявляющаяся в их общих позициях как субъектов международного права. Интерпретация договора, таким образом, направлена на выявление именно того значения, которое стороны вкладывали в используемые слова, а не на абстрактную реконструкцию их политических целей. В этом контексте аутентичный текст признается «подлинным выражением» намерений сторон [Бальхаева, 2013, С. 13; Mortenson, 2013, С. 800], что неразрывно связывает понятие аутентичности текста с принципом согласования волеизъявления государств.

Комиссия международного права ООН (КМП ООН) отмечает, что «различие свойств языков, отсутствие полного *consensus ad idem* или недостаток времени для координации текстов может привести

к незначительным или даже существенным расхождениям в значении текстов» [Prieto Ramos, Pacho Aljanati, 2018, С. 182; Kuner, 1991, С. 953]. Таким образом, существование расхождений в аутентичных текстах многоязычных договоров является не исключением, а скорее неизбежной реальностью [Margiotta Broglio, 2024, С. 504].

Тем не менее, Венская конвенция в статье 33(3) устанавливает презумпцию эквивалентности [Венская конвенция…, 1969], согласно которой «положения договора считаются имеющими одинаковое значение в каждом аутентичном тексте» [Kuner, 1991, С. 963]. Презумпция, изначально призванная «обеспечить единство договора», парадоксальным образом может усугублять проблему, поскольку она «фиксирует и скрывает различия между языковыми версиями, которые могут проявиться в конфликте десятилетия или даже столетия спустя» [Margiotta Broglio, Ortino, 2024, С. 498]. Кристофер Б. Кунер указывает, что эта презумпция «активно препятствует» правильной оценке намерений государств-участников. Другие авторы называют эту презумпцию «правилом принудительного игнорирования» [Tabory, 1980, С. 199] и «бомбой замедленного действия» [Martino, 2024, С. 476].

Расхождения в многоязычных договорах могут возникать по ряду причин, включая как объективные лингвистические и правовые различия, так и субъективные факторы, связанные с процессом перевода и согласования текстов. Одной из фундаментальных причин расхождений является присущая языку неопределенность и вариативность значений слов и фраз, а также различия в правовых концепциях между разными правовыми системами [Prieto, Morales, 2025, С. 109]. Это может проявляться в намеренно или ненамеренно расплывчатых формулировках, которые являются результатом компромиссов в ходе переговоров, когда стороны не могут прийти к единому точному определению.

Лингвистические расхождения могут быть глубоко укоренены в истории создания договоров или обусловлены политическими

обстоятельствами. Так, например, между США и СССР возникли разногласия из-за расхождений в английской и русской версиях Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах 1963 года [Kuner, 1991, С. 953]. Кроме того, в статье 22 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (ЮНКЛОС) были зафиксированы расхождения между английским и русским текстами относительно права мирного прохода военных кораблей, которые были урегулированы дипломатическими средствами.

Несмотря на то, что русский язык является одним из официальных языков ООН, он часто оказывается в положении, когда ему не уделяется должное внимание или он упускается из виду в аутентичных версиях международных договоров или при их толковании. Историческое исследование практики составления двусторонних договоров в период с 1920 по 1970 гг. показало, что из 3033 договоров, в которых использовался язык, отличный от национальных языков обеих сторон, русский язык был применен в качестве официального текста всего шесть раз. Для сравнения: английский язык использовался 903 раза, а французский – 2009 раз [Gamble, Ku, 1993, С. 243].

Международные суды, включая Международный Суд (МС) ООН, при сравнении аутентичных текстов имеют тенденцию обращаться к вариантам, составленным на рабочих языках этого органа – английском и французском, даже если доступны другие официальные языки ООН, включая русский. Такой подход, например, наблюдался в деле *LaGrand*, которое считается одним из самых значимых для применения статьи 33 Венской конвенции [Legum, Crevon-Tarassova, 2022, С. 51; Martino, 2024, С. 483]. МС ООН разрешал расхождение между английской *(ought – следует)* и французской (*doivent – должны*) версиями статьи 41 своего Статута, касающейся временных мер [Hansen-Lohrey, 2025, С. 482]. Суд пришел к выводу, что французский вариант, имеющий императивный характер, лучше соответствовал объекту и цели. Германия, обосновывая свои доводы, ссылалась на все пять аутентичных языковых версий Статута (английскую,

французскую, испанскую, русскую и китайскую) [Martino, 2024, С. 485]. Однако Суд в своем решении не ссылался на русскую, китайскую или испанскую версии [Margiotta Broglio, Ortino, 2024, С. 494].

Тем не менее, в региональном контексте русскому языку отводится ведущая роль. Например, в Договоре о Евразийском экономическом союзе 2014 года, аутентифицированном на белорусском, казахском и русском языках, имеется прямое указание, что в случае расхождений в толковании текста преимущественную силу имеет русский текст [Legum, Crevon-Tarassova, 2022, С. 41].

Редакционные правки к тексту Парижского соглашения, которое в том числе рассмотрено в рамках настоящей работы, в английской [Editorial corrections to the text of the Paris Agreement (English), б.г.], французской Editorial corrections to the text of the Paris Agreement (French), б.г.] и русской Editorial corrections to the text of the Paris Agreement (Russian), б.г.] версиях наглядно демонстрируют типы расхождений, которые могут возникнуть в многоязычных договорах, и необходимость их устранения для обеспечения юридической определенности. Эти исправления касаются как незначительных грамматических и стилистических несоответствий, так и более существенных различий в значении или модальности.

Так, например, в английской версии исправления минимальны и носят преимущественно технический характер. Тем не менее, в процессе согласования окончательного текста Парижского соглашения по климату от 2015 г. были выявлены несоответствия в английском тексте договора. В статье 4.4 представлены рекомендации для развитых и развивающихся стран по необходимым действиям для предотвращения изменения климата:

*Developed country Parties **should** continue taking the lead by undertaking economy-wide absolute emission reduction targets.*

Однако в первоначальном тексте на английском языке вместо глагола *should* был использован глагол *shall* в отношении развитых стран, принципиально меняющий содержание статьи: при употреблении глагола

shall положение договора носит не рекомендательный, а юридически обязательный характер. Данное несоответствие было признано опечаткой [How a 'typo' nearly derailed the Paris climate deal, 2015], и в окончательный текст соглашения вышеупомянутое положение вошло как рекомендация, выраженная глаголом *should*.

В русском и французском текстах это положение изначально было закреплено именно как рекомендация [Курганова, 2024]:

Сторонам, являющимся развитыми странами, ***следует*** *продолжать выполнять ведущую роль путем установления целевых показателей абсолютного сокращения выбросов в масштабах всей экономики.*

Les pays développés Parties ***devraient*** *continuer de montrer la voie en assumant des objectifs de réduction des émissions en chiffres absolus à l'échelle de l'économie.*

Стоит отметить еще один случай расхождения во мнении сторон по лингвистическим вопросам, имеющим отношение к Соглашению, на этапе согласования. Во время заключительных переговоров по Климатическому пакту Глазго, принятому на КС-26 10 ноября 2021 года, между участниками Конференции сторон возникли разногласия в отношении положения, регулирующего сокращение используемого сторонами угля для борьбы с изменением климата: в первоначальном варианте положения был употреблен глагол *phase out*, подразумевающий безотлагательное полное прекращение использования угля, и представитель Индии выступал за ее изменение и включения в текст глагола *phase down*, который подразумевал бы поэтапное сокращение использования этого вида топлива [Draft Cop27 agreement fails to call for 'phase-down' of all fossil fuels, 2022].

Что касается редакционных правок, во французской версии они направлены на уточнение сути договоренностей. Так, например, в статье 4.19 формулировка *Toutes les Parties s'emploient à formuler et communiquer* («Все Стороны стремятся формулировать и сообщать») была заменена на *Toutes les Parties devraient s'employer à* (*Всем Сторонам следует стремиться*).

Прескриптивное настоящее, имеющее большую юридическую силу, заменено на глагол *devoir* в форме *Conditionnel present*, отражающий деонтическую модальность рекомендации.

В статье 13.9 формулировка *Les pays développés parties et les autres Parties qui apportent un appui* ***devraient*** *communiquer* (*Развитые страны-участницы и другие Стороны, оказывающие поддержку, должны сообщать*) была заменена на *Les pays développés Parties* ***doivent****, et les autres Parties qui apportent un appui* ***devraient****,* communiquer (*Развитые страны-участницы обязаны, а другим Сторонам, которые предоставляют поддержку, следует сообщать*). Это одно из наиболее значимых изменений, так как оно вводит прямое юридическое обязательство (*doivent*) для развитых стран по предоставлению информации о поддержке, в то время как для других сторон сохраняется рекомендательная форма (*devraient*). В английском варианте этой формулировке соответствует конструкция *shall*+инфинитив, а в русском – настоящее время, выполняющее прескриптивную функцию.

В русской версии отмечается наибольшее количество правок по сравнению с английским и французским вариантами. Одним из наиболее существенных исправлений в русской версии документа является замена принципа «равенства» в исходной версии на принцип *справедливости* в исправленной. Принцип *справедливости* (*equity*) является фундаментальным для Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) [Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата, 1992]. Он подразумевает признание исторической ответственности развитых стран за выбросы и, соответственно, дифференцированный подход к обязательствам разных стран. Термин *равенство* (*equality*) мог бы трактоваться как одинаковые требования ко всем сторонам, что противоречит духу и букве международного климатического режима. Таким образом, правка привела русский текст в соответствие с этим основополагающим принципом.

В преамбуле Соглашения, когда речь идет о правах человека, формулировка *Стороны должны* заменена на *Сторонам следует*. Эта правка несколько смягчает обязательный тон положений, касающихся прав человека, делая их скорее призывом к действию, нежели строгим требованием. Кроме того, в статье 3.2. изменено грамматическое время глагола: фраза *усилия... представляют собой* заменена на *усилия... будут представлять собой*. В английской и французской версиях использованы Future Simple и Futur simple соответственно. Добавление будущего времени подчеркивает, что обязательство по наращиванию амбициозности является непрерывным и относится к будущим циклам определяемых на национальном уровне вкладов (ОНУВ), что придает положениям документа более динамичный характер.

Таким образом, для эффективного функционирования международного права и предотвращения конфликтов, вызванных лингвистической неопределенностью, необходим систематический подход к сравнительному анализу аутентичных текстов [Hansen-Lohrey, 2025, С. 473], включающий не только юридическую, но и лингвистическую экспертизу, а также готовность международных акторов и судов к использованию многоязычия как ценного инструмента для достижения межъязыковой эквивалентности и стабильности в международных отношениях [Margiotta Broglio, Ortino, 2024, С. 505]. Реализация подобного подхода требует четкого теоретического осмысления качественных характеристик сопоставляемых текстов. В контексте межъязыкового взаимодействия в правовой сфере ключевую роль играют не только вопросы сохранения инвариантного содержания, но и соответствия коммуникативным нормам каждого из языков. В связи с этим, для всестороннего анализа аутентичного текста необходимо обратиться к комплексному рассмотрению категорий эквивалентности и адекватности, чье диалектическое единство обеспечивает как семантическую точность, так и функциональную полноценность разноязычных версий договора.

1.1.3. Категории лингвистической эквивалентности и адекватности применительно к обладающим равной юридической силой разноязычным аутентичным текстам международного договора как основного источника международного права

В контексте международного права договоры выступают основополагающим источником норм, регулирующих отношения между государствами. В этой связи особую сложность для толкования представляет многоязычный характер таких договоров, аутентичные тексты которых на разных языках (в частности, на английском, французском и русском, как официальных языках ООН) обладают равной юридической силой. Перед началом исследования было выдвинуто предположение о том, что наиболее важной характеристикой аутентичных текстов международных договоров является их эквивалентность, обеспечиваемая за счет лексико-грамматических, стилистических и когнитивно-прагматических особенностей, что гарантирует эффективность функционирования договора как инструмента международного права.

Поскольку положения таких документов должны иметь идентичное применение независимо от языка варианта документа, на основе которого принимается решение, встает вопрос об эквивалентности и адекватности разноязычных текстов международных документов. Понятия лингвистической эквивалентности и адекватности представляют собой категории из области переводоведения, отражающие степень соответствия текста перевода исходному тексту. На настоящий момент ввиду комплексной природы исследуемого объекта не существует единого общепринятого определения лингвистической эквивалентности и адекватности, поскольку разные исследователи вкладывают в эти понятия различный смысл в зависимости от подхода к изучению явления. Этот «терминологический хаос», как отмечает Т. А. Казакова, обусловлен «расплывчатостью» языка переводоведения, в котором одни и те же термины используются в разных значениях внутри одной системы или же разные термины обозначают одно

понятие, что усложняет проведение эффективной научной дискуссии как на национальном, так и на международном уровне, когда общение ведется на английской языке [Казакова, 2016, С. 75].

Лингвистическая эквивалентность традиционно понимается как степень соответствия между исходным и целевым текстами на уровне лексики, грамматики и семантики. В работе В. Н. Комиссарова «Теория перевода (лингвистические аспекты)» эквивалентность определяется как «смысловая общность» приравниваемых друг к другу единиц языка и речи с выделением пяти уровней по линии усложнения: от эквивалентности на уровне семантики (соответствие значений) до эквивалентности цели коммуникации (функциональное равенство) [Комиссаров, 1990, С. 47, 70]. В рамках этого подхода прослеживается четкая иерархия: на нижних уровнях внимание уделяется формальному соответствию языковых единиц (лексико-грамматическая эквивалентность), на верхних – прагматическому эффекту, оказываемому на реципиента, что представляется особенно актуальным для аутентичных текстов международных договоров, где точность передачи исходного смысла должна обеспечивать юридическую идентичность документа. В. Н. Комиссаров отмечает, что эквивалентность не может быть абсолютной; на ее достижение в значительной степени влияют культурные и когнитивные факторы [Комиссаров, 1990, С. 39]. Так, восприятие норм договора носителями разных языков должно активировать аналогичные ментальные модели.

В то же время в рамках скопос-теории, разработанной К. Райсом и Г. Вермеером, основной акцент сделан именно на функцию текста в новой социокультурной среде, на которую ориентирован текст. Для описания достижения этой цели авторы используют понятие «адекватность», которая по их определению представляет собой «отношение текста оригинала к тексту перевода, возникающее из цели перевода», в то время как эквивалентность подразумевает формальное соответствие [Vermeer, 2012, С. 193].

Некоторые исследователи отказываются от термина «эквивалентность». Так, Л. К. Латышев в своей работе «Технология перевода» вводит понятие «оптимальность» вместо эквивалентности для обозначения качественно выполненного перевода [Латышев, 2005, С. 25]. Аналогичным образом А. В. Федоров в «Основах общей теории перевода» использует «полноценность» для обозначения «исчерпывающей передачи смыслового содержания подлинника», подчеркивая отсутствие потерь в информативности [Федоров, 2002, С. 4].

Еще одним классическим подходом к достижению эквивалентности является поиск инварианта – набора первостепенных значимых элементов для полноценной передачи содержания. Л. С. Бархударов в работах по теории перевода определяет инвариант как «неизменяемую семантическую основу», за пределами которой вариативность (трансформации) допустима, но не должна искажать смысл [Бархударов, 1975, С. 8, 29].

Т. А. Казакова, рассматривая проблемы метаязыка переводоведения, отмечает логико-семантическую двойственность понятия эквивалентности: с одной стороны, это понятие включает в себя приравнивание языковых единиц, с другой – текстов оригинала и перевода [Казакова, 2016, С. 77-78]. Автор приводит ссылку на толковый переводоведческий словарь, где эквивалентность трактуется как «особый случай адекватности при функциональной константе», что приводит к синонимии между понятиями: «эквивалентность», «адекватность», «идентичность» и «функциональная константа» [Нелюбин, 2003, С. 27, 32, 47]. Т. А. Казакова справедливо подчеркивает «металингвистическую путаницу»: эквивалентность знаков не гарантирует эквивалентности текстов, и наоборот.

В контексте международного права договоров отсутствие четкого понимания эквивалентности текстов может вызвать споры в интерпретации различных версий документа (например, в деле Международного суда ООН по разным версиям текста) [Капустин, 2021, С. 106]. Как продуктивный выход автор предлагает концепцию «динамической эквивалентности»

Ю. Найды, в рамках которой приравнивается не форма, а эффект на реципиента – смысл и эмоциональное воздействие [Nida, 1964, С. 157; Казакова, 2016, С. 80].

На основе проведенного анализа теоретических подходов можно заключить, что обеспечение равнозначности аутентичных текстов международных соглашений представляет собой многоуровневую задачу, в центре которой находится взаимосвязь понятий адекватности, эквивалентности и инварианта. Конечной целью является достижение функционального тождества, при котором разноязычные тексты обеспечивают идентичное правовое толкование и применение. Ключевым условием для достижения этой цели выступает сохранение инварианта – смыслового ядра документа, которое при переводе с одного языка на другой остается неизменным.

В этой системе эквивалентность является не самоцелью, а необходимым инструментом для точной и полной передачи инварианта. Однако, как показывает исследование, рассмотрение эквивалентности исключительно на формальном лексико-грамматическом уровне является недостаточным. Подлинная эквивалентность, гарантирующая адекватность, достигается на более глубоком, лингвокогнитивном уровне. Это подразумевает, что юридически значимые единицы текста должны активировать у носителей разных языков и правовых культур сопоставимые когнитивные механизмы и ментальные модели. Теоретическим обоснованием настоящего тезиса служит семиотическая концепция М. В. Никитина, согласно которой значение не может быть транслировано напрямую даже при общении на одном языке. Коммуникация представляет собой процесс «индукции сходных информационных процессов», где языковая форма выступает лишь внешним стимулом, побуждающим реципиента к самостоятельной реконструкции смысла [Никитин, 2007, С. 14]. В контексте международного права это означает, что аутентичный текст должен обеспечивать то, что в биологии познания У. Матураны определяется

как «консенсуальность» – создание области согласованных реакций и поведения участников [Матурана, Варела, 2019, С. 172]. На философском уровне подобное тождество восприятия описывается через категорию «конгениальности» – способности различных сознаний, находящихся в разных культурных условиях, порождать эквивалентные смысловые структуры [Мамардашвили, 2000, С. 25].

Следовательно, в рамках сопоставительного анализа разноязычных аутентичных текстов международных соглашений под эквивалентностью может пониматься идентичное юридическое воздействие положений вне зависимости от языка, при соблюдении когнитивно-прагматической равнозначности содержания, выраженной лексико-грамматическими средствами конкретного языка.

Таким образом, именно лингвокогнитивный подход позволяет перейти от формального языкового соответствия языковых единиц к тождеству юридического смысла, что обеспечивает эффективное и предсказуемое функционирование международного соглашения. Вместе с тем когнитивные механизмы порождения и интерпретации смысла в международных договорах не функционируют изолированно: они определяются в том числе условиями дипломатического дискурса, глобальной экологической повесткой и правовыми традициями, а также собственно языковой системой. Следовательно, для выявления механизмов обеспечения эквивалентности необходимо установить характер их взаимосвязи с элементами контекста.

1.2. Экстралингвистические и лингвистические особенности текстов международных документов

1.2.1. Виды международных договоров и порядок их принятия

Международные договоры являются основным источником международного права и неотъемлемым элементом современного миропорядка [Курашвили, 2019, С. 20]. Они служат правовой основой межгосударственных отношений, способствуя поддержанию всеобщего мира, безопасности и развитию международного сотрудничества

в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций (ООН). По своей сути, международные договоры направлены на определение и точное закрепление взаимных прав и обязанностей их участников, обеспечивая стабильность и предсказуемость международного правового регулирования.

Как отмечалось выше, ключевым нормативным актом, кодифицирующим нормы права международных договоров, является Венская конвенция. Согласно статье 2 этой Конвенции, международный договор означает «международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования» [Венская конвенция о праве международных договоров, 1969].

Разнообразие международных отношений привело к появлению множества форм и наименований международных договоров. Хотя Венская конвенция не проводит строгих юридических различий между ними, на практике сложились определенные особенности в их употреблении [Калина, 2013, С. 132; Пенчева, 2012, С. 63].

«Договор» является наиболее общим и родовым понятием, охватывающим все международные соглашения, заключенные в письменной форме [Руководство по международным договорам, 2002]. Термин «договор» часто используется для документов, обладающих значительным весом и имеющих важное политическое и юридическое значение. Классическая схема договора обычно включает название, преамбулу, цели и задачи, понятийный аппарат, содержательную часть, положения о вступлении в силу, урегулировании споров и другие заключительные положения [Пенчева, 2012, С. 63]. «Соглашение», как и «договор», может быть тождественно по своему значению в контексте Венской конвенции и российского законодательства.

«Конвенция» – термин, применяемый к официальным многосторонним договорам с большим числом сторон. Конвенции, как правило, открыты для участия широкого международного сообщества или значительного числа государств и зачастую принимаются под эгидой международных организаций, таких как ООН, ЮНЕСКО, МОТ или Совет Европы, и посвящены существенным вопросам, например, правам человека или охране окружающей среды [Калина, 2013, С. 137]. Более того, конвенции отличаются широтой охвата объекта регулирования, что делает их схожими с кодексами.

Помимо этих основных наименований, существуют и другие формы международных договоров:

«Протокол» часто конкретизирует, дополняет или разъясняет основной договор. Протоколы могут быть менее официальными, чем договоры или конвенции, и обычно открыты для участия всех сторон основного соглашения [Руководство по международным договорам, 2002, С. 125]. «Меморандум» или «Меморандум о взаимопонимании (МВ)» это дипломатический документ, который с известной долей условности может быть рассмотрен как договор, поскольку содержит соглашение по вопросу о понимании положения или о намерениях следовать ему [Калина, 2013, С. 137]. Меморандумы могут регулировать практические или технические вопросы и рассматриваются ООН как юридически обязательные документы, подлежащие регистрации. Для важных политических договоров обычно используется термин «пакт». Для широкого круга документов, в международном праве применяется термин «хартия», а также к рекомендательным актам с высокой значимостью, схожим с международными декларациями [Калина, 2013, С. 138]. Несмотря на рекомендательный характер, хартии могут иметь солидный международно-правовой вес, как, например, Европейская хартия местного самоуправления. «Декларация» представляет собой краткий, но значимый акт, который с точки зрения юридической техники отличается простотой формы, но

содержит положения высокой значимости, например, Всеобщая декларация прав человека [Калина, 2013, С. 138].

При сопоставлении русскоязычной номенклатуры международных договоров с названиями, принятыми в англо- и франкоязычной среде, наблюдается высокая степень терминологического параллелизма, обусловленная кодификацией права международных договоров. Как отмечает британский юрист Э. Ост, с юридической точки зрения «название не имеет значения», однако в дипломатической практике выбор конкретного термина не является случайным и указывает на степень формальности и цель документа [Aust, 2013, С. 20]. В отношении многосторонних документов прослеживается наиболее полная эквивалентность. Русскому термину *конвенция* соответствуют английский *convention* и французский *convention*. Э. Ост указывает, что этот термин традиционно используется для формальных многосторонних договоров с большим числом участников [Aust, 2013, С. 23]. Аналогичная симметрия характерна для терминов *протокол (protocol / protocole*) и *декларация* (*declaration/ déclaration*).

Однако в группе родовых понятий существуют заметные различия в узусе. Термину *договор* в значении торжественного акта соответствуют английское *treaty* и французское *traité*. Термин *соглашение* (*agreement / accord*) часто используется как более гибкий инструмент. В английской традиции *agreement* является родовым понятием для любых обязательств, но в качестве названия конкретного документа оно, как правило, указывает на меньшую торжественность по сравнению с *treaty* [Aust, 2013, С. 24]. В французской доктрине термин *accord* также часто применяется к межправительственным, а не межгосударственным актам, что требует учета при переводе и анализе [Droit international public, 2009, С. 143]. Особого внимания заслуживают случаи отсутствия прямой лексической параллельности, обусловленные историческими традициями. Так, для обозначения торжественных пактов о правах человека в английском языке закрепился термин *covenant* (например, *International Covenant on Civil and*

Political Rights), в то время как во французском языке используется прямой эквивалент *pacte*, а в русском – *пакт*.

Также примечательна асимметрия в передаче термина *устав*. Учредительный акт ООН на русском языке именуется *устав*, тогда как в аутентичных текстах используются термины *charter* и *charte*. При этом учредительный акт МОТ или ЮНЕСКО в английском варианте именуется *constitution*, во французском – *acte constitutif* или *constitution*, а на русский язык традиционно переводится как *устав* [Aust, 2013, С. 28].

Хотя Венская конвенция и другие международные документы не устанавливают строгой детальной последовательности заключения договоров [Курашвили, 2010, С. 70], в науке международного права выделяют ряд основных этапов, которые охватывают создание, согласование и приведение в действие договорных норм.

Заключение международного договора представляет собой многоэтапный процесс, начинающийся с выдвижения договорной инициативы, в рамках которой стороны определяют общие проблемы и намечают пути сотрудничества. После назначения уполномоченных лиц и проведения переговоров ключевым этапом становится подготовка текста договора, где правовые нормы получают своё материальное воплощение. На этой стадии особое внимание уделяется выверке формулировок, терминов и понятий для обеспечения их однозначной интерпретации, что является критически важным для последующей реализации соглашения [Калина, 2013, С. 132].

Логическим завершением согласования является принятие текста договора. Если двусторонние соглашения, как правило, принимаются единогласно, то для многосторонних договоров предусмотрены процедуры консенсуса или голосования, требующего, по общему правилу, большинства в две трети голосов присутствующих и участвующих в голосовании представителей [Курашвили, 2010, С. 72]. С момента принятия текст договора приобретает статус окончательного.

Следующей необходимой процедурой является установление аутентичности текста, подтверждающей его подлинность и достоверность [Курашвили, 2010, С. 73]. Данная цель достигается путём парафирования (скрепления инициалами уполномоченных лиц), подписания или принятия специальной резолюции, открывающей договор для подписания. После установления аутентичности внесение изменений в положения договора допускается исключительно через официальную процедуру принятия поправок.

В практике организаций системы ООН выработан следующий подход: после завершения переговоров текст документа передаётся на хранение Генеральному секретарю, который обеспечивает подготовку аутентичных текстов. Далее следуют такие стадии, как открытие для подписания, окончательное подписание, ратификация и вступление договора в силу [Руководство по международным договорам, 2002, С. 23]. В соответствии с Руководством ООН по международным договорам, аутентичность документа устанавливается в ходе процедуры удостоверения подлинности. В случаях, когда такая процедура не предусмотрена, аутентичность может быть установлена через подписание или парафирование текста представителями стран-участниц [Руководство по международным договорам, 2002, С. 70]. При необходимости внесения исправлений в уже принятый текст Генеральный секретарь ООН уведомляет государства об ошибке и предлагает пути её исправления, после чего у сторон есть 90 дней для представления возражений.

Российское законодательство также уделяет внимание этому вопросу. Приказ МИД РФ от 04.12.2020 № 25621 предписывает проведение обязательной предварительной лингвистической сверки текстов международных договоров, если они составлены на нескольких языках [Об утверждении порядка подготовки текстов международных договоров Российской Федерации от 04.12.2020].

Отсутствие аутентичного текста на русском языке может порождать значительные трудности. Как справедливо отмечает В. К. Собакин, для ратификации международного договора текст вносимого документа должен быть в первую очередь доступен с лингвистической точки зрения для лиц, уполномоченных принимать соответствующее решение [Собакин, 1997, С. 9]. Автор подчёркивает, что, согласно Конституции РФ, на ратификацию должен быть представлен текст документа на русском языке, возможно, наравне с аутентичными версиями на других языках.

В федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации» используется термин «официальный текст» как тождественный термину «аутентичный текст» в международном праве [Федер. закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ]. Таким образом, если существует аутентичный текст договора на русском языке, он признаётся официальным. В противном случае возникает правовая коллизия, поскольку для ратификации требуется именно официальный текст, а не его перевод. Для решения этой проблемы официальный перевод может быть приравнен в статусе к официальному тексту, однако для полноценной реализации прав российских граждан и защиты национального толкования положений Конвенции необходим именно вариант, признанный аутентичным на международном уровне на русском языке.

Также представляется важным отметить, что аналогичные механизмы строгого лингвистического контроля и верификации аутентичности существуют и в практике западных стран, чьи языки являются объектом настоящего исследования.

В Соединенных Штатах Америки процедура заключения международных договоров детально регламентируется разделом 11 «Руководства по иностранным делам» (Foreign Affairs Manual – FAM), в частности главой 720 («Циркулярное письмо № 175»). Согласно параграфу 11 FAM 723.3, до подписания любого соглашения, составленного на двух и более языках, ответственные ведомства обязаны провести процедуру

удостоверения их соответствия. В рамках настоящего документа Государственного департамента также требуется подготовка «заявления, удостоверяющего соответствие», подтверждающего, что иноязычная версия находится в «сущностном соответствии» (substantive conformity) с английским проектом [Foreign Affairs Manual, 2006]. В рамках юридической практики в США предполагается, что подписание документа на иностранном языке без такой экспертизы создает недопустимые риски неверного толкования обязательств страны.

В Великобритании контроль за аутентичностью возложен на Договорную секцию Форин-офиса (FCDO Treaty Section). Процедура регламентируется ведомственным «Руководством по практике и процедурам заключения договоров». Настоящий документ содержит императивное требование: любая версия договора на иностранном языке должна быть заблаговременно передана в Службу переводов FCDO для проведения «сравнения и верификации» (comparison and verification) с английским текстом. Цель данной процедуры – гарантировать полную смысловую идентичность текстов до момента их подписания. Согласно британской юридической практике, ответственность за соответствие языковых версий лежит на ведущем департаменте, который обязан согласовать сроки лингвистической экспертизы, чтобы исключить подписание документа, содержащего расхождения в значении [Treaties and MoUs: Guidance on Practice and Procedures, 2022].

1.2.2. Структура текста международных договоров

Структура международного договора представляет собой сложную семиотическую систему, которая не только организует содержание документа, но и отражает его правовую природу и прагматические цели. В науке международного права и лингвистике нет единого подхода к анализу этой структуры; одни исследователи фокусируются на формально-юридических компонентах, другие – на их лингвистических и функциональных особенностях. Несмотря на разнообразие содержания,

большинство современных договоров следуют унифицированной композиционной схеме, что обусловлено необходимостью стандартизации в международной правовой практике [Alontseva, Ermoshin, 2020, С. 534]. Эта унификация создает макроструктурный «каркас», или, как его определяет В. Г. Степанец, «прагматическую рамку» [Степанец, 1999, С. 10] , который служит когнитивной основой для юристов и переводчиков при работе с документом [Khachatryan, Voskanyan, 2022, С. 8].

Структура международного договора представляет собой сложную семиотическую систему, которая не только организует содержание документа, но и отражает его правовую природу. Для понимания специфики такого текста целесообразно обратиться к понятию дискурсной гетерогенности. Как отмечает Е. В. Белоглазова, опираясь на концепцию Т. ван Дейка, структуру дискурса можно разделить на два уровня: макроструктуру (абстрактное семантическое описание глобального содержания) и суперструктуру (общую форму и правила порождения речевых произведений на грамматическом и синтаксическом уровнях) [Белоглазова, 2009, С. 15]. Текст международного экологического соглашения являет собой яркий пример такой гетерогенности: его суперструктура принадлежит к официально-деловому (юридическому) дискурсу, что проявляется в композиционной схеме (преамбула, диспозитивная часть, заключительные положения) и специфической грамматике. Однако его макроструктура (глобальное содержание) вбирает в себя элементы экологического, юридического, дипломатического и политического дискурсов.

Анализ структуры договора позволяет выделить как облигаторные (обязательные), так и факультативные элементы. К облигаторным компонентам, формирующим юридическую сущность документа, относятся диспозитивная часть (основной текст, содержащий права и обязанности) и протокольная часть (заключительная формула и подписи). Такие элементы, как название и преамбула, хотя и являются практически неотъемлемыми, с

формальной точки зрения могут считаться факультативными [Степанец, 1999, С. 3].

Как правило, документ начинается с названия (титула), которое кратко идентифицирует его предмет и стороны, а также преамбулы. Этот вводный раздел играет ключевую прагматическую роль: в нем перечисляются договаривающиеся стороны и излагаются мотивы и цели заключения договора [Пенчева, 2012, С. 63]. Преамбула не просто предваряет основной текст, но и задает контекстуальные рамки для его толкования. Именно в ней, как правило, формулируются «объект и цель» договора – категория, которая, согласно статье 31 Венской конвенции о праве международных договоров, является фундаментальной для толкования всего документа [D'Acquisto, D'Avanzo, 2009, С. 38].

Далее следует основной (диспозитивный) текст, представляющий собой нормативное ядро договора, в котором закреплены конкретные права и обязанности сторон. Эта часть структурирована по статьям, которые для удобства могут быть сгруппированы в разделы, главы или части. С лингвистической точки зрения, такое членение текста на статьи представляет собой деление на сверхфразовые единства (СФЕ) или микротексты, объединенные одной микротемой. Такая рубрикация обеспечивает логическую ясность, а связность внутри таких микротекстов поддерживается за счет актуального членения: исходные смысловые компоненты (тема) служат основой для актуализации новых (рема) [Пенчева, 2012, С. 67].

Особое место в структуре договора занимают заключительные положения (статьи). Этот процедурный блок регулирует жизненный цикл договора и, вопреки возможному восприятию как формальности, имеет большое практическое значение, поскольку именно в нем содержатся механизмы, обеспечивающие функционирование соглашения как правового инструмента [Пенчева, 2012, С. 67]. Эти положения вступают в силу с момента принятия текста, даже если сам договор еще не начал действовать.

Здесь регулируются такие ключевые вопросы, как порядок выражения согласия на обязательность договора (подписание, ратификация, присоединение), условия и дата его вступления в силу, функции депозитария, а также возможность и порядок формулирования оговорок [Бальхаева, 2013, С. 57-58].

Завершается документ заключительной формулой и подписями. В этом блоке удостоверяется подлинность согласованного текста. Завершающая формула обычно содержит указание на место и дату подписания, а также количество подлинных экземпляров. Подписи уполномоченных представителей сторон окончательно подтверждают их согласие с текстом [Руководство по международным договорам, 2002, С. 10; Степанец, 1999, С. 3]. Договор также может сопровождаться приложениями, содержащими технические детали или списки, которые являются его неотъемлемой частью

Унифицированная структура документа неизбежно детерминирует его языковое наполнение, накладывая строгие ограничения на выбор лексико-грамматических средств. Следовательно, для понимания механизмов обеспечения эквивалентности в подписанных и ратифицированных аутентичных текстах представляется целесообразным перейти от анализа макроструктуры к детальному рассмотрению тех лингвистических инструментов, посредством которых эта структура вербализуется в каждом из рассматриваемых языков.

1.2.3. Язык международных документов. Стилистические и лексико-грамматические особенности текстов международных соглашений на русском, английском и французском языках

Язык международных соглашений в первую очередь ориентирован на выполнение директивной и перформативной функций: он предписывает действия, создает новую правовую реальность и фиксирует волеизъявление сторон. Главная прагматическая задача таких текстов – обеспечить адекватное и однозначное понимание текста всеми участниками коммуникации, исключив возможность «коммуникативных неудач» с

серьезными юридическими последствиями. Несмотря на общность прагматических целей, лингвистические средства их достижения в русском, английском и французском языках зачастую различаются, что отражает не только типологические особенности самих языков, но и глубинные различия правовых культур, прежде всего англосаксонского (общего) и романо-германского (континентального) права [Piszcz, Sierocka, 2020, С. 534].

Независимо от конкретного языка, тексты международных соглашений обладают универсальными стилистическими характеристиками, формирующими их уникальный облик и обеспечивающими выполнение их прагматических задач.

Для стиля документов характерна подчеркнутая официальность, объективность и деперсонализация, а также преднамеренное дистанцирование от разговорной речи. Это достигается за счет консерватизма языка, проявляющегося в сохранении архаичных лексических единиц (например, *hereinafter*, *thereto*, *whereby* в английском) и заимствований (латинизмов, галлицизмов), которые служат маркерами официального юридического дискурса [Muravev, 2020, С. 1708; Ярмухамедова, 2013, С. 41]. Объективность изложения подчеркивается полным отсутствием эмоциональности и экспрессивности, что также становится возможным за счет использования эвфемизмов, которые позволяют смягчить потенциально конфликтные формулировки и сохранить дипломатический тон [Логунова, 2015, С. 125]. Безличность изложения достигается через активное использование пассивных конструкций (*it is agreed*, *les mesures sont prises*), которые смещают фокус с субъекта действия на само действие, и номинализаций – замены глагольных конструкций отглагольными существительными (*the entry into force*), что придает тексту статичный и констатирующий характер.

Для языка права также характерна высокая степень стандартизации, что проявляется в использовании устойчивых формул и клише, которые выполняют роль своеобразных сигналов, указывающих на юридическую

природу текста и облегчающих его восприятие специалистами [Биленко, 2007; Большакова, 2023, С. 47]. Такие обороты, как русское *нижеподписавшиеся, действуя от имени*, английское *in witness whereof* или французское *de plein droit*, являются функционально значимыми элементами, обеспечивающими юридическую силу документа.

На лексико-семантическом уровне наиболее ярко проявляются как системные различия языков, так и расхождения в правовых культурах.

Основная сложность заключается в том, что юридические термины – это не просто ярлыки для объектов, а «конденсированные правовые концепты», глубоко укорененные в своей правовой системе [Максимов, 1984]. Отдельной проблемой при формулировании положений аутентичных текстов выступает выбор между транслитерацией англоязычных концептов и поиском русских функциональных аналогов. Исследуя влияние англоязычных заимствований на русскую языковую картину мира, Н. В. Юдина и О. А. Селиверстова отмечают, что создание неологизма путем профилирования концепта на родном языке является «целенаправленным словотворчеством», тогда как прямое заимствование (калькирование) часто прикрывает отсутствие точного содержательного эквивалента [Юдина, Селиверстова, 2022, С. 3355].

Поэтому при переводе часто возникает проблема не просто лексических, а концептуальных лакун. Так, например, для ключевого термина общего права *consideration* в русскоязычной юридической практике закрепился эквивалент «встречное удовлетворение», однако, как отмечает Ю. А. Муравьев, это понятие отсутствует в доктрине континентального права [Muravev, 2020, С. 1708]. Следовательно, настоящий термин является по своей сути функциональным аналогом, что подтверждает тезис о системной неэквивалентности правовых терминосистем [Piszcz, Sierocka, 2020, С. 535]. Эта проблема рассматривается исследователями с двух позиций. Одни настаивают на необходимости поиска или создания наиболее близкого функционального эквивалента в языке перевода для обеспечения понятности

текста. Другие, особенно при переводе для специалистов, отстаивают метод транслитерации или калькирования с последующим пояснением, чтобы сохранить аутентичность исходного правового концепта и избежать ложной аналогии [Stepanova, 2017, С. 1331]. Более того, как отмечает О. А. Вдовина, терминология в сфере международных отношений динамична и исторична: лексический состав текстов отражает этапы становления и развития международных отношений как системы, где каждая стадия характеризуется своими специфическими терминами и номенклатурными образованиями [Вдовина, 2010, С. 239].

К характерным особенностям англоязычного юридического дискурса традиционно относят использование парных конструкций (например, *terms and conditions*, *null and void*). С одной стороны, это исторически сложившаяся традиция, направленная на создание максимально полного семантического поля для исключения неоднозначности в толковании [Ярмухамедова, 2013, С. 38]. Вместе с тем интерпретация любых подобных парных конструкций как абсолютных синонимов не всегда представляется корректной с правовой точки зрения. Так, в отношении устойчивого сочетания *terms and conditions* исследователи отмечают, что составляющие его компоненты могут нести различную юридическую нагрузку: если *term* часто трактуется как положение договора в широком смысле, то *condition* в английском контрактном праве обычно понимается как существенное условие, нарушение которого дает пострадавшей стороне право на расторжение соглашения [Garner, 2011, С. 196].

С другой стороны, с позиций современного движения за «ясный язык» (plain language mouvement), сохранение подобных конструкций нередко подвергается критике как проявление избыточности. Таким образом, их использование отражает конфликт между традиционной юридической риторикой, стремящейся к исчерпывающей полноте, и современной прагматикой, требующей ясности и лаконичности.

Широкое использование латинизмов и галлицизмов (*inter alia, force majeure*) также является предметом дискуссий. Сторонники их сохранения подчеркивают, что эти термины придают тексту авторитетность и интернациональный статус, являясь частью общего тезауруса юристов по всему миру [Алонцева, 2012, С. 36]. Противники же указывают на их элитарность и непонятность для неспециалистов, что противоречит принципу доступности права.

Синтаксическая организация международных документов не является произвольной, а коррелирует с типом правовой культуры. Как отмечают компаративисты (К. Шмиттгофф, В. К. Бхатия), синтаксис английских юридических текстов исторически формировался под влиянием индуктивной логики системы общего права, стремящейся к детальному перечислению всех казусов внутри одного предложения. В то же время, синтаксические структуры, характерные для романо-германской традиции (французский, русский языки), тяготеют к большей абстракции и дедуктивной логике изложения. Таким образом, синтаксис выступает не просто средством структурирования информации, а когнитивным механизмом, отражающим специфику правового мышления той или иной лингвокультурной общности.

Традиционно считается, что для юридических текстов характерен сложный синтаксис: длинные, громоздкие предложения с разветвленной структурой подчинения и многочисленными однородными членами [Пенчева, 2012, С. 64]. Сторонники такого подхода (Д. Кристал, Д. Дэйви) [Crystal, Davy, 1988, С. 201] утверждают, что подобная структура функционально обусловлена: она позволяет поместить все юридически значимые элементы (условия, исключения, оговорки) в единую синтаксическую рамку. Это создает «закрытый», самодостаточный текст, внутри которого исчерпывающим образом регламентированы все возможные сценарии и минимизирована свобода толкования.

Однако этот подход подвергается резкой критике со стороны влиятельного международного движения за «ясный язык». Его сторонники,

такие как Р. Уайдик и Б. Гарнер, утверждают, что сложность не является синонимом точности [Garner, 2013, С. 92]. Напротив, чрезмерно усложненный синтаксис часто является лишь «прикрытием» для неясной мысли и приводит к обратному результату: неоднозначности, риску судебных разбирательств и нарушению прав граждан, которые не могут понять документы, регулирующие их жизнь [Timofeeva, Morozova, Potapova, 2021, С. 293]. Движение за ясный язык призывает к использованию коротких предложений, действительного залога и простой, понятной лексики, утверждая, что правовая точность и ясность для читателя – взаимодополняющие, а не взаимоисключающие цели.

Различие правовых систем наиболее ярко проявляется при выражении деонтической модальности. Так, в английском языке существует строгое распределение модальных глаголов: *shall* используется для выражения обязательства, долженствования, а *may* – для предоставления права или разрешения [English Style Guide: A handbook for authors and translators in the European Commission, 2016, С. 59]. Эта система является перформативной: сама формулировка создает правовое последствие. В русском и французском языках обязательство чаще выражается с помощью глаголов в изъявительном наклонении настоящего времени (*Стороны обязуются...*, *Le présent Accord entre en vigueur...*). Эти глагольные формы можно рассматривать не как простую констатацию факта, а как результат контекстуальной актуализации: специфика договорного дискурса «перенастраивает» восприятие реципиента, заставляя интерпретировать грамматическое настоящее время как императив. С. Е. Максимов также отмечает, что отличительной грамматической чертой текстов международных договоров является использование настоящего времени, поскольку для такого рода текстов характерна «направленность в денотативное будущее» [Максимов, 1984].

Относительно международных договоров, составленных на французском языке, будет справедливо отметить, что для выражения обязательства с большей степенью вероятности будут использованы глаголы

в настоящем или будущем времени индикатива, чем глаголы в сочетании с модальным глаголом *devoir*. Таким образом стороны выражают, что выполняют обязательства по доброй воле, а не по принуждению [Скребцова, 2018, С. 92].

Рассматривая особенности выражения модальности долженствования в английском языке, С. Е. Максимов отмечает, что в условиях межгосударственного общения, где отсутствует иерархия подчинения, глагол *must*, обладающий директивным значением, уступает место глаголу *shall*, который в данном контексте маркирует принятие обязательства по собственной воле. При этом наблюдается сближение функций *shall* и *will*, что свидетельствует о перформативном характере договорных норм: фиксация действия в будущем времени юридически приравнивается к обязательству его выполнить [Максимов, 1984].

Однако по этому вопросу существуют и иные точки зрения. Так, например, в своей статье, посвященной модальным глаголам в юридических текстах, М. С. Медведева отмечает, что глагол *shall* чаще всего имеет значение долженствования, в то время как модальный глагол *will* выражает намерение, решимость и наиболее часто употребляется в рабочих документах обсуждений для выражения повторяющегося действия [Медведева, 2014, С. 165].

Кроме того, в рекомендациях по составлению официальных документов, разработанных Федеральным Правительством США [Plainlanguage.gov, б.г.], содержится настоятельный призыв к использованию глагола *must* вместо глагола *shall* в текстах официальных документов для выражения обязательности действия, поскольку глагол *shall* недостаточно ясно отражает обязательный характер того или иного действия. По мнению А. В. Федорова, выбор между глаголами *shall* и *will* определяется в первую очередь не лексическим, а контекстуальным значением. Любое предложение имеет определенное коммуникативное задание, и именно контекст играет решающую роль при передаче значения речевого произведения с одного

языка на другой [Федоров, 2002, С. 303] – в его рамках происходит актуализация конкретных значений (в случае международного договора – императивности).

Именно специфика дипломатического контекста обусловливает еще одну важную характеристику модальности в международных документах. Как отмечает О. А. Вдовина, для языка дипломатии и международных отношений, где важна гибкость и избегание прямой конфронтации, характерна некатегоричность, или understatement [Вдовина, 2010, С. 242]. Эта черта реализуется через широкий спектр языковых средств, в том числе, модальных глаголов, выражающих возможность и вероятность, а не уверенность и строгое предписание.

В результате анализа характерных лексико-грамматических особенностей можно сделать вывод, что они представляют собой системно организованные средства, отражающие прагматические цели и культурно-правовые традиции. Различия в лексике, грамматике и синтаксисе между русским, английским и французским языками являются отражением фундаментальных различий в способах концептуализации правовой реальности.

Утверждение о том, что язык не является простым кодом для передачи информации, подтверждается не только когнитивной лингвистикой, но и современной нейробиологией. Как отмечает А. Я. Каплан [Каплан, 2019, С. 25], мозг человека давно перестал рассматриваться наукой как «механический коммутатор», пассивно отвечающий на внешние физические раздражители. Восприятие всегда обусловлено внутренними целевыми установками системы. Аналогичным образом текст международного договора (как макростимул) не «вкладывает» готовый смысл в голову адресата. Текст выступает как сложный ориентирующий стимул, запускающий в сознании реципиентов процесс конструирования правового смысла с опорой на их собственный внутренний опыт и специфику лингвокультуры. С позиций биологии познания и современной теории

семиозиса, развиваемой, в частности, в работах А. А. Кутузова, процесс восприятия текста международного договора также не может рассматриваться как извлечение «готовой» информации из слов-контейнеров. Семиозис понимается как динамическое ориентирующее взаимодействие, центральной фигурой которого выступает Наблюдатель [Кутузов, 2025 С. 826].

Таким образом, восприятие положений документов реципиентом представляет собой не пассивное декодирование знаков, а активное конструирование смысла, детерминированное уникальными особенностями его когнитивной деятельности. В результате нетождественности концептуальной и языковой картин мира представителей различных лингвокультур текст международного документа воспринимается каждой из сторон сквозь призму собственных фоновых знаний и прагматических установок, что приводит к активации различных «переменных фокусов» значения (согласно Е. Г. Беляевской). Следовательно, учет картин мира участников международных отношений является не отвлеченной задачей, а фундаментальным условием для понимания самой природы эквивалентности, что позволят выявить потенциальные зоны смысловых расхождений, заложенные в самой основе речемыслительной деятельности. Признание неизбежной вариативности в процессе конструирования смысла делает понятие инварианта ключевым теоретическим основанием для установления эквивалентности аутентичных текстов. При этом инвариант рассматривается не просто как сохраняемый информационный комплекс, а как более глубокая когнитивная структура, чья способность активировать сходные «прототипы» в сознании носителей разных языков и обеспечивает функциональную равнозначность текстов, несмотря на расхождения в концептуальной и языковой картинах мира.

1.3. Лингвокогнитивный подход к анализу текстов международных соглашений и проблема межъязыкового инварианта текста международного договора

1.3.1. Подходы к пониманию взаимодействия концептуальной и языковой картин мира и их роль в восприятии положений документов участниками международных отношений

Интерпретация положений текстов международных соглашений, как было сказано выше, представляет собой комплексный когнитивный процесс, который не сводится исключительно к декодированию языковых знаков и пассивному извлечению объективного смысла из текста, а представляет его активное конструирование реципиентом [Кравченко, 2008, С. 148]. Ключевую роль в этом процессе играют концептуальная и языковая картины мира, и, поскольку у представителей различных лингвокультур они нетождественны, возникает фундаментальный вопрос о возможности достижения эквивалентности аутентичных текстов, который не может быть решен исключительно на уровне формального сопоставления языковых знаков.

Понятие «картина мира» имеет длительную традицию изучения в лингвистике, восходящую к идеям В. фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера, однако до настоящего времени не сформировалось единого мнения относительно его содержания. В классической традиции (Г. В. Колшанский [Колшанский, 1990, С. 15], В. И. Постовалова [Постовалова, 1982, С. 32]) картина мира трактовалась преимущественно как идеальное образование, фиксирующее результаты познавательной деятельности. В более поздних когнитивных исследованиях (Е. С. Кубрякова [Кубрякова, 1999, С. 56], Ю. Д. Апресян [Апресян, 2006]) акцент сместился на структурирование информации и роль языка в этом процессе. Для целей настоящего исследования наиболее продуктивным представляется биокогнитивный подход, представленный в трудах, И. К. Архипова, А. С. Дружинина, А. В. Кравченко, Д. Н. Новикова, С. А. Песиной и др., в рамках которого

картина мира рассматривается как динамическая среда взаимодействий организма с окружающим миром.

Концептуальная картина мира представляет собой целостную, глобальную систему знаний и представлений о мире, являющихся результатом всей познавательной деятельности человека. Она формируется на основе чувственного опыта и взаимодействия с окружающей средой, предшествуя языковому оформлению. Картина мира постоянно конкретизируется и дополняется, в ней находит отражение мыслительная и творческая деятельность человека в процессе всей его жизни. Одной из отличительных черт картины мира также является ее безусловная достоверность для субъекта этой картины: субъект воспринимает сложившийся у него образ мира как саму реальность [Архипов, 2008, С. 11], а иное понимание мира представляется ему иллюзией или заблуждением.

Языковая картина мира, в свою очередь, является вербализованной частью концептуальной картины мира. Она не просто пассивно отражает мир, но и активно участвует в его конструировании. Как отмечает И. К. Архипов, «в его [языка] недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубинных слоев картины мира у человека» [Архипов, 2008, С. 8]. Язык, таким образом, выступает не как «инструмент для воспроизведения мыслей», а как система, которая сама «формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума», который, используя языковые ресурсы, осуществляет выбор поведенческих стратегий и конструирует смыслы «здесь и сейчас» для эффективной адаптации к текущей ситуации [Кравченко, 2008, С. 238].

Формирование концептуальной картины мира является более сложным процессом за счет задействованных в ее формировании различных типов мышления. Кроме того, объем понятия «концептуальная картина мира» значительно превосходит объем понятия языковой картины мира, так как в рамках концептуальной картины мира аккумулируются все имеющиеся знания о мире. Концептуальная картина мира богаче языковой, однако они

находятся в тесной взаимосвязи, поскольку язык является средством, объясняющим и означивающим отдельные элементы содержания концептуальной картины мира [Архипов, 2008, С. 18]. Общность концептуальной картины мира формирует единое коммуникативное пространство, однако феномен языковой относительности обусловливает специфику восприятия действительности в разных культурах. Носители языка склонны неосознанно отождествлять языковую репрезентацию с объективной реальностью, что при межъязыковом сопоставлении неизбежно обнаруживает существенные когнитивные расхождения [Кравченко, 2008, С. 237].

В рамках биокогнитивного подхода, представленного в работах А. В. Кравченко, язык рассматривается не как абстрактная система, а как неотъемлемое свойство человека как биологического вида. По А. В. Кравченко, «человеческий субъект должен рассматриваться как эмпирический феномен, являющийся составной частью того мира, который им концептуализируется и категоризируется» [Кравченко, 2008, С. 237]. В рамках этого подхода, основанного на идеях У. Матураны, преодолевается «картезианский дуализм», разделяющий разум и тело, субъект и объект, и утверждается, что познание есть эффективное действие в биологической области, а не пассивное отражение внешнего мира [Кравченко, 2008, С. 237].

Этот тезис находит прямое эмпирическое подтверждение в нейрофизиологических исследованиях Н. П. Бехтеревой. В ее работах разрабатываются положения о том, что человеческий мозг функционирует не как пассивный регистратор внешней информации, а как активная, самоорганизующаяся система, которая постоянно конструирует внутреннюю модель реальности. Творчество, в этом контексте, предстает не как исключительная способность, а как фундаментальный принцип работы мозга, его имманентное свойство [Бехтерева, 1999, С. 26]. Мозг не просто обрабатывает данные, а постоянно генерирует гипотезы, создает новые нейронные связи и активно ищет решения, что и составляет суть феномена,

который автор метафорически обозначает как «магия мозга». Данное положение нейрофизиологии напрямую коррелирует с идеей И. К. Архипова о «творческой речемыслительной деятельности языковых личностей» [Архипов, 2008, С. 115]. Следовательно, любой акт интерпретации текста, включая текст международного соглашения, является не пассивным декодированием, а уникальным творческим актом, обусловленным не только формой и содержанием самого текста, но и уникальной нейрокогнитивной деятельностью индивида в совокупности.

Как отмечает А. В. Кравченко, в «традиционной лингвистике» доминировала так называемая «кодовая модель», согласно которой коммуникация рассматривалась как обмен информацией, а язык – как код для ее передачи [Кравченко, 2008, С. 82, 271]. Эта модель, хотя и является полезной для определенных уровней анализа, оказывается недостаточной для объяснения всей сложности речемыслительных процессов. С точки зрения биокогнитивного подхода, языковой знак рассматривается не как «контейнер», содержащий в себе готовый смысл, а как «стимул», который лишь «провоцирует» генерацию смысла в сознании реципиента [Кравченко, 2008, С. 116].

Автор отмечает, что значение не существует «отдельно от структуры знака», а «семантическая проблема есть семиотическая проблема» [Кравченко, 2008, С. 160]. Следовательно, значение не является объективной, предопределенной сущностью, вложенной в слово, а представляет собой динамический феномен, рождающийся в процессе взаимодействия знака с сознанием человека, которое, в свою очередь, сформировано его уникальным опытом. Как следствие, возникает неизбежная нетождественность смыслов: смысл, который вкладывает в высказывание отправитель, никогда не будет абсолютно идентичен смыслу, извлеченному получателем [Кравченко, 2008, С. 94]. Таким образом, коммуникация предстает не как передача, а как совместное конструирование смысла

[Курбакова, 2023, С. 223], успешность которого зависит от степени совпадения когнитивных систем участников этого процесса.

В работах А. С. Дружинина, где также развиваются принципы философии У. Матураны, предлагается подход, в рамках которого сама наша воспринимаемая реальность является моделью [Druzhinin, 2025, С. 189]. С этой точки зрения, любой текст также можно рассматривать как когнитивную модель, которая не просто описывает реальность, но и становится этой реальностью для участников коммуникации. Ключевым для этого процесса является понятие суперсессии, когда «модель вытесняет и заменяет собой моделируемое» [Druzhinin, 2025, С. 189]. В контексте международных отношений это означает, что текст соглашения становится первичной операциональной реальностью для его участников. Более того, такой текст-модель, как и всякий акт номинации, «скрывает» (obscures) сложный процесс своего создания, что порождает иллюзию его объективности [Druzhinin, 2025, С. 186]. Этот подход позволяет рассматривать текст не как статичное хранилище смысла, а как динамический инструмент, который структурирует рамки для взаимодействий и сам становится первичным объектом для интерпретации. Именно по той причине, что каждая сторона взаимодействует не с абстрактной реальностью, а с текстом-моделью, неизбежно возникают различные интерпретации, основанные на уникальных концептуальных картинах мира участников.

Структурно-грамматическая когнитивно-метафорическая асимметрия аутентичных текстов при их юридической равнозначности находит убедительное объяснение в рамках системной психофизиологии, в частности, в трудах Ю. И. Александрова. Согласно положениям системно-эволюционного подхода, внешне идентичные поведенческие акты могут обеспечиваться принципиально различными функциональными системами, структура которых обусловлена историей их формирования в конкретной культурной среде [Александров, 2011, С. 19]. Следовательно, логично

утверждать, что достижение единого правового результата не требует структурного тождества языковых единиц. Различные грамматические конструкции (например, выбор залоговых или темпоральных форм в английском, французском и русском языках) представляют собой «кристаллизованный опыт» конкретной лингвокультуры, который, несмотря на свою структурную специфику, гарантирует достижение единой прагматической цели.

Механизм субъективной интерпретации текста-модели детально раскрывается в теории семантического микрофрейма Е. Г. Беляевской. Она показывает, что значение языковой единицы обладает как стабильным ядром (фиксированный фокус), так и гибкой периферией (переменный фокус), которая активируется в зависимости от контекста и интенций говорящего [Беляевская, 2013, С. 43]. Таким образом, текст соглашения имеет свой стабильный «каркас», но его реальное значение конструируется каждым участником через активацию тех «переменных фокусов», которые соответствуют его прагматикону и тезаурусу.

Признание неполной тождественности смыслов, конструируемых различными реципиентами, актуализирует один из значимых вопросов для международного права: если абсолютная эквивалентность значений невозможна, то на каком основании можно утверждать об эквивалентности аутентичных текстов? В этой связи вновь представляется полезным обратиться к исследованиям межъязыкового инварианта – стабильной, неизменной основы, которая, по-видимому, могла бы обеспечивать саму возможность перевода текста с одного языка на другой и достижения эквивалентности.

В соответствии с положениями работ Л. А. Черняховской информационный инвариант смысла текста представляет собой смысловую структуру, которая «только косвенно связана с выражающими его языковыми средствами» и потому может подвергаться межъязыковым трансформациям, сохраняя свою сущность [Черняховская, 2022, С. 120].

Точность воспроизведения этого инварианта в переводе определяется уровнем фонового знания получателя [Черняховская, 2022, С. 120]. При таком подходе эквивалентность достигается не через формальное тождество языковых единиц, а через сохранение этого инвариантного информационного комплекса.

В то же время современная когнитивная лингвистика предлагает более фундаментальный взгляд на настоящий вопрос. Предполагается, что за информационным инвариантом текста стоят глубинные когнитивные инварианты – структуры сознания. Так, С. А. Песина подчеркивает, что именно инвариантные языковые структуры являются теми единицами, «с помощью которых формируется и функционирует сознание человека» [Песина, 2014, С. 45]. На уровне лексической семантики инвариант проявляется как лексический прототип, или «содержательное ядро значения», объединяющее все его контекстуальные реализации [Песина, 2010, С. 154]. Сходным образом И. К. Архипов определяет лексический прототип как семантический инвариант всех лексико-семантических вариантов слова, который хранится в сознании коммуникантов [Архипов, 2008, С. 115]. Наряду с прототипическим подходом, продуктивным для анализа грамматических инвариантов представляется теория функционально-семантических полей, разработанная в отечественной лингвистике А. В. Бондарко. Согласно данной концепции, инвариантом выступает не конкретная грамматическая форма, а абстрактная семантическая категория (например, темпоральность, модальность, аспектуальность), которая имеет «план содержания», общий для сопоставляемых языков. Грамматические средства при этом рассматриваются лишь как вариативные способы выражения этого глубинного смыслового инварианта [Бондарко, 2007, С. 11]. Применительно к сопоставительному анализу эту идею развивал выдающийся романист В. Г. Гак. Он утверждал, что грамматический инвариант следует искать на уровне «ситуации». В процессе межъязыковых преобразований грамматическая структура может полностью меняться, но

инвариантной остается описываемая экстралингвистическая ситуация. Так, в текстах международных договоров английская конструкция с модальным глаголом (*shall enter*) и французская форма настоящего времени (*entre*) признаются эквивалентными не в силу грамматического тождества, а потому что они отсылают к одной и той же инвариантной «категориальной ситуации» императива, реализуемой в каждом языке своими узуальными средствами [Томашпольский, 2010, С. 18-20]. В соответствии с этим подходом, можно предположить, что межъязыковая эквивалентность основывается не столько на передаче информации, сколько на активации сходных прототипических представлений в сознании носителей разных языков.

Однако в сфере международного права, оперирующего категориями высокой степени абстракции, формирование таких ментальных репрезентаций редко происходит напрямую. Важнейшим когнитивным инструментом, позволяющим структурировать абстрактные смыслы и придать им форму, доступную для восприятия, выступает метафоризация. Именно через метафорические модели (проекции знаний из одной конкретной области в другую, более сложную) создается тот общий когнитивный контекст, который необходим для понимания текста. Следовательно, вопрос об эквивалентности неизбежно трансформируется в вопрос о совпадении или расхождении концептуальных метафор, организующих ткань правового документа в разных лингвокультурах.

1.3.2. Характеристики концептуальных метафор и их роль в установлении степени эквивалентности единиц аутентичных текстов международных документов с инвариантным содержанием

Значимым элементом картины мира в современной лингвистике признается концепт, который представляет собой знания, представления человека о предметах действительности и прочие проявления мира мыслей, не облеченные в языковую форму, но при этом знакомые всем членам языкового коллектива. В настоящий момент не существует единой точки

зрения о соотношении терминов «концепт» и «понятие». Так, например, И. К. Архипов, В. З. Демьянков [Архипов, 2008; Демьянков 2001] отмечают, что концепт – явление, отличное от понятия, поскольку о концепте люди не договариваются, в то время как к формулировке понятия люди приходят в процессе обсуждения и договора, чтобы легче находить общий язык. А. В. Кравченко, в свою очередь указывает, что понятие «концепт» остается достаточно размытым, и сам по себе этот термин – заимствованный, представляет собой дублет термина «понятие», и разница в употреблении этих терминов обусловлена исключительно узусом [Кравченко, 2008, С. 147]. Так, например, А. П. Бабушкин считает, что в русских текстах вместо термина «концепт» могут быть употреблены термины «понятие» или «значение» без какого-либо ущерба для смысла. Для целостного анализа структуры концепта целесообразно обратиться к модели, разработанной З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [Попова, Стернин, 2007, С. 108]. Авторы предлагают рассматривать структуру концепта как полевую, организованную по принципу «ядро – периферия». В ядре (информационном содержании) сосредоточены наиболее существенные, дефиниционные признаки объекта, обеспечивающие взаимопонимание носителей языка. Периферию же составляет «интерпретационное поле» – зона, включающая когнитивные метафоры, оценочные суждения, утилитарные установки и культурные коннотации. Однако сами исследователи признают, что границы между зонами подвижны: признак, находящийся на периферии в одном контексте (или в одной культуре), может перемещаться в ядро в другом [Попова, Стернин, 2007, С. 61, 113]. В контексте составления аутентичных текстов международных договоров на нескольких языках это может приводить к тому, что «несущественные» периферийные смыслы исходного концепта могут трансформироваться в смыслообразующие в другой лингвокультуре, что ставит под сомнение возможность эквивалентности, основанной лишь на совпадении «ядерных» признаков.

По мнению С. А. Песиной, «концепт» и «понятие» не являются взаимозаменяемыми терминами ввиду их разного содержания: концепт представляет собой отражение опыта, индивидуальных ассоциаций и не обязательно существенных признаков объекта познания, в то время как понятие относится к универсальным знаниям и отражает наиболее общие признаки предмета [Песина, 2004]. На данный момент сложно дать четкое и однозначное определение концепта, ненаблюдаемой категории, дающей возможность различного толкования, и авторы зачастую вкладывают в данный термин смысл в зависимости от направленности их исследования (философия, психология, лингвистика и т.д.).

И. К. Архипов отмечает, что вербализация концепта становится возможной благодаря языку, как и исследование, анализ и описание данного явления. Вместе с тем концепт не является собственно языковым феноменом, поскольку включает в себя все аспекты когнитивной деятельности человека (перцептивная, сенсомоторная, языковая составляющие) [Кравченко, 2008, С. 155].

Поскольку о концепте люди не договариваются, это явление не выходит за рамки индивидуального сознания; однако система концептов отдельного человека может изменяться и дополняться на протяжении всей жизни в результате его взаимодействия с окружающим миром [Архипов, 2008, С. 61]. В то же время, ядро концепта, представляющее собой его логический центр, понятийную константную часть, характеризуется стабильностью. С. А. Песина отмечает, что ядром концепта является когнитивый прототип, отличный от лексического прототипа, существующего на уровне многозначного слова, и покрывающий основную суть содержания концепта.

В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин указывают, что ядро концепта составляют наиболее актуальные для носителей языка ассоциации, а лексическая единица, которой актуализируется центральная точка концепта, служит его именем [Карасик, Слышкин, 2001, С. 77].

Т. Г. Скребцова выделяет культурный, отражающий специфические черты определенной картины мира, и базовый концепты, включающий первичные понятия, составляющие основу понятийной системы человека. Культурные концепты служат ключом к пониманию важных особенностей народа, без них немыслимо существование определенной культуры и языка. Как отмечает Ю. С. Степанов, «концепт – это сгусток культуры в сознании человека». Культурным концептам противопоставляются базовые, существующие исключительно в сознании человека и обладающие универсальным характером для всех людей. По мнению А. Д. Кошелева, в случае базовых концептов «значение – есть концепт», и количество таких базовых единиц одинаково во всех языках [Скребцова, 2018, С. 336].

Можно предположить, что попытки изолированного описания ментальных единиц не всегда позволяют эксплицировать глубинные связи, организующие сознание в целостную систему. В этом отношении теория концептуальной картины мира, по-видимому, обладает большим интегрирующим потенциалом, позволяя обеспечить целостность и когерентность при описании понятийной системы. Принципиально новым в этой связи представляется подход к изучению концептуальной метафоры, представленный Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, в рамках которого метафора рассматривается не как средство образной выразительности, а как феномен мышления и культуры. Концептуальная система, в рамках которой мы живем, думаем и действуем, по сути своей метафорична [Лакофф, Джонсон, 2004, С. 25]. Метафора принадлежит не только языку, но и всей системе мышления человека, поскольку она помогает структурировать явления действительности и концептуализировать события.

По мере своего развития человек сталкивается с все более сложными явлениями, концептуализировать которые в значительной степени помогает первичный опыт взаимодействия с физическими объектами, существующими в реальном мире, а также базовые когнитивные структуры, формирующиеся в результате такого взаимодействия. Эти базовые структуры, служащие

своего рода «сеткой координат», применяются сознанием для концептуализации новой сферы опыта, состоящей из более сложных, абстрактных явлений действительности.

В когнитивной науке процесс переноса когнитивных структур с более познанной области (области-источника) на менее познанную область (область-цель) получил название метафоризациии. Результатом этого процесса является метафорический концепт, представляющий собой набор воспроизводимых соответствий между двумя сферами опыта. В языке метафорические концепты репрезентируются за счет метафорического выражения, однако за счет сложной структуры такого вида концептов только их часть находит регулярное отражение в языке, а часть остается невостребованной в связи с коммуникативной нерелевантностью.

Концепты системно структурируются метафорически, что проявляется в лексике языка. Например, фразеологизм *to be without foundation – быть безосновательным* вербализует концепт ТЕОРИЯ = СТРОЕНИЕ, следовательно, в этой связи становится возможным использование других концептов, связанных с данной тематикой, таких как строить (*to construct*), основание (*foundation*) и т.д. [Лакофф, Джонсон, 2004, С. 89]

Международные договоры представляют собой результат политического процесса. В настоящем исследовании проводится анализ результата этого политического процесса в рамках юридического дискурса. Метафоры занимают важное место в политическом дискурсе, интерпретируя политические действия, давая им оценку [Катаева, 2009, С. 42], и упрощая понимание сложных процессов, представляя их как простые и конкретные явления. Кроме того, благодаря метафорам становится возможным вычленить как эксплицитную, так и имплицитную информацию в речи, а также понять его позицию и установки. В рамках когнитивной теории принято полагать, что метафора влияет на процесс анализа проблемы и принятия решения [Лакофф, Джонсон, 2004, С. 16].

Так, например, для периодов общественных потрясений, преобразований и переходных периодов характерно более частотное употребление метафор, чем для эпохи экономического и социального роста и процветания. Ярким примером этого утверждения служит русскоязычный политический дискурс периода перестройки [Скребцова, 2018, С. 76], когда на смену советским «военным» метафорам (например, *фронт работ, борьба за мир и т.п*) приходят лексические единицы, иллюстрирующие диалог между правительством и обществом (например, *политическая деятельность*, а не *борьба).* Следовательно, можно отметить, что в политическом дискурсе концептуальная метафора применяется преимущественно для изменения картины мира адресата сообщения.

Таким образом, именно благодаря совпадению концептуальной картины мира, которая сама по себе метафорична, при общении людей становится возможным создание единого прагматического поля для их общения. Особенно важным представляется совпадение картины мира при составлении договоров и соглашений участниками международных отношений. Поскольку картина мира вербализована, концептуализирована и структурирована посредством языка [Иовенко, 2013, С. 304], отраженная в языке понятийная система может стать причиной расхождений в описании и восприятии мира на разных языках, что может препятствовать взаимопониманию сторон и приводить к разногласиям и даже конфликтам.

Чтобы избежать конфликтов и удостовериться в совпадении картины мира или, как минимум, отдельных ее фрагментов представителям различных культур при составлении международных договоров, представляется целесообразным определить, выражают ли лексические единицы, используемые в текстах договоров на разных языках, одни и те же понятия и раскрывают ли в полной мере их содержание. Установить сходство концептуального содержания аутентичных текстов, как представляется, возможно благодаря когнитивному анализу их лексики, в частности, на

основе компонентно-инвариантного анализа системных значений ключевых лексических единиц разноязычных текстов.

В рамках обсуждения принципиальной возможности достижения полной эквивалентности международных документов крайне важно учитывать, что в языке неизбежно вербализуется часть концептов, представляющих собой сложные ментальные структуры. Будучи образованиями, включающими культурно-специфические, ценностные и ассоциативные компоненты, концепты предполагают наличие имплицитных смыслов, не поддающихся полному формальному переносу в другую лингвокультуру. Можно предположить, что даже при наличии устоявшихся терминологических соответствий в текстах договора, стоящие за ними когнитивные структуры в сознании носителей разных правовых культур могут не быть тождественными в полной мере. В связи с этим абсолютную смысловую тождественность текстов, по-видимому, следует рассматривать скорее как теоретический конструкт, тогда как на практике речь идет о достижении функциональной эквивалентности – такой степени сближения концептуальных систем, которая достаточна для консенсуального понимания правовых обязательств несмотря на определенную степень вариативности.

Обобщая изложенное выше, можно заключить, что концептуальные системы во многом организованы метафорически. Концептуальная метафора, являясь базовым когнитивным механизмом, структурирует восприятие абстрактных реалий, включая правовые. Расхождения в глубинных метафорических моделях приводят к формированию несовпадающих интерпретационных рамок, которые не всегда поддаются согласованию. Следовательно, предел эквивалентности в значительной степени определяется степенью совместимости концептуальных систем различных культур.

Сфера охраны окружающей среды представляет собой комплексное дискурсивное пространство, где когнитивные модели взаимодействия

человека и природы, а также правовые механизмы их регулирования, вербализуются наиболее отчетливо. В связи с этим представляется важным рассмотреть специфику международных соглашений в рамках глобального экологического дискурса, чтобы выявить экстралингвистические факторы, влияющие на формирование их смысловой структуры.

1.3.3. Место международных соглашений в сфере охраны окружающей среды в рамках экологического дискурса

Экологический дискурс представляет собой неотъемлемый компонент современной лингвокогнитивной парадигмы, в рамках которой происходит формирование отношения социума, экспертных сообществ и политических элит к критически значимым проблемам антропогенного воздействия на окружающую среду. В настоящем контексте международные соглашения, нацеленные на минимизацию глобальных экологических угроз, занимают центральное положение. Их функция не сводится исключительно к юридической; они представляют собой механизмы конструирования социальной реальности, поскольку именно лингвистические средства детерминируют формирование политической воли, артикуляцию целей и легитимацию практических действий на национальном и глобальном уровнях [Бергер, Лукман, 1995, С. 32, 45; Шейгал, 2000, С. 75].

Теоретико-методологическим фундаментом для анализа языка в экологическом контексте выступает эколингвистика – научная дисциплина, сформировавшаяся в XX веке на пересечении экологии и лингвистики. На начальном этапе своего развития ее предметное поле было ограничено изучением роли языка в вербализации экологических проблем. Однако в рамках современного эколингвистического подхода наблюдается смещение лингвистического фокуса исследования: язык рассматривается не как экзогенный фактор, влияющий на отношение человека к экосистемам, а как имманентная составляющая самих этих экосистем [Stibbe, 2021, С. 8].

Развитие экологического дискурса обусловлено актуализацией в общественном сознании глобальных проблем XXI века, таких как утрата

биоразнообразия, угроза продовольственной безопасности, климатические изменения и загрязнение окружающей среды. Несмотря на это, на текущем этапе развития дисциплины не достигнуто единого определения этого типа дискурса. Одни исследователи ограничивают его объем проблематикой сохранения окружающей среды [Иванова, 2007, С. 6], тогда как другие предлагают более широкую трактовку, включающую политико-экономические аспекты взаимодействия в системе «человек – мир» [Lakoff, 2010, С. 74].

В широком смысле экология интерпретируется как система взаимодействий живых организмов между собой и со средой обитания [Иванов, Винник, Снакин, 2016, С. 8]. У. Матурана и Ф. Варела отмечали, что селективное взаимодействие между живыми организмами и средой является фундаментальным условием для их существования и развития при сохранении «операциональной независимости» [Матурана, Варела, 2019, С. 95]. Для человека доминантной формой такого взаимодействия, необходимого для поддержания жизни, является язык, порождающий феномены сознания и рефлексии. Поскольку лингвистическое поведение «пронизывает весь наш онтогенез как индивидуумов» [Матурана, Варела, 2019, С. 215], его роль в решении современных экологических проблем, являющихся частью взаимодействия человека со средой, становится особенно значимой.

Именно эту идею о языке как фундаментальной, биологически обусловленной форме взаимодействия развивает в своих работах А. В. Кравченко. В отличие от традиционного взгляда на язык как на инструмент для репрезентации внешнего мира, автор утверждает, что язык представляет собой важнейшую часть самой среды и формирует первичную экологическую нишу человека [Кравченко, 2008, С. 145]. Ключевая функция языка, таким образом, заключается не в передаче информации, а в оказании ориентирующего воздействия, которое координирует совместную деятельность индивидов и создает их общую, консенсуальную область

взаимодействий [Кравченко, 2008, С. 152]. В этом контексте экологический дискурс обретает особое значение: он предстает не как совокупность текстов об экологии, а как сама деятельность по конструированию и поддержанию определенного типа отношений в системе «человек-среда», определяя, что именно в этой среде признается ценностью, проблемой или ресурсом.

В рамках эколингвистического подхода, в частности в работах А. Стибби, язык трактуется не как нейтральный инструмент репрезентации мира, а как активная сила, детерминирующая перцептивные процессы, социальные конструкты и, как следствие, человеческую деятельность. Автор демонстрирует, что посредством таких лингвистических механизмов, как фрейминг, метафоризация, оценочность и элиминация (*erasure*), формируются устойчивые дискурсивные механизмы, способствующие продвижению определенных установок в отношении окружающей среды [Stibbe, 2021, С. 16]. Таким образом, в рамках экологического дискурса не только вербализуется экологическая проблематика, но и активно моделируется онтологический статус природы и определяется спектр допустимых по отношению к ней действий. Как справедливо отмечает В. Мурсалова, изучение экологического дискурса вышло далеко за пределы структурного анализа. Сегодня эколингвистика требует интеграции критического дискурс-анализа и когнитивной лингвистики, в частности, изучения концептуальных метафор, которые напрямую формируют экологическое мышление и поведение (например, «природа как живой организм») [Mursalova, 2024, С. 543].

Настоящий подход представляется важным применительно к текстам международных экологических соглашений, поскольку именно эти документы призваны формировать консенсусную основу для глобальных действий. Семантический и прагматический выбор конкретных формулировок в таких текстах имеет решающее значение. Так, например, восприятие репрезентации природы посредством концептов ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛУГИ (ECOSYSTEM SERVICES) или ПРИРОДНЫЙ

КАПИТАЛ (NATURAL CAPITAL) непосредственно делает ее элементом экономического дискурса [Lakoff, 2010, С. 75], таким образом подчеркивая ее утилитарную ценность для человека, что потенциально приводит к элиминации непреходящей ценности, которую представляет собой окружающая среда. Лингвокогнитивный анализ выбора средств вербализации позволяет выявить характерные черты экологического дискурса, кодифицируемого в международном праве, и потенциальную возможность перехода к экоцентрическим (гармоничным) моделям в системе «человек-среда» или, напротив, легитимации моделей, в которых окружающая среда коцептуализируется исключительно как объект управления и источник ресурсов для человека.

Согласно теории Дж. Лакоффа, фундаментальная роль языка в формировании дискурса отводится его способности к активации в сознании реципиента имплицитных когнитивных структур – фреймов [Lakoff, 2010, С. 71]. Механизм фреймирования имеет критическое значение для экологического дискурса, в особенности при анализе текстов международных соглашений, где терминологический выбор предопределяет концептуализацию проблемы и объем принимаемых обязательств. Так, например, термин *глобальное потепление* (*global warming*) был сознательно изменен на термин *изменение климата* (*climate change*), что снижает важность проблемы и осознание ответственности [Lakoff, 2010, С. 71]. Более того, сам термин *окружающая среда*, по Дж. Лакоффу, имплицитно позиционирует природу как внешний по отношению к человеку объект, который осмысляется как ресурсный комплекс, подлежащий управлению или охране, что создает когнитивную дистанцию и ослабляет чувство онтологической сопричастности человека экосистеме [Lakoff, 2010, С. 76].

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что взаимодействие в системе «человек-природа» неразрывно опосредовано языком, который выступает не просто инструментом репрезентации, но фундаментальным механизмом ее когнитивного и социального

конструирования. В развитие тезиса о языке как биологической основе для координации действий, можно утверждать, что именно посредством языка формируется та консенсуальная область взаимодействий, в рамках которой природа концептуализируется как ресурс, партнер или внешняя среда. Данная лингвокогнитивная деятельность по формированию и поддержанию этой консенсуальной области и конституирует экологический дискурс как таковой.

Вместе с тем терминологический аппарат международных соглашений выведен за рамки непосредственного сопоставительного анализа. Подобное ограничение предметной области обусловлено тем, что терминология, в том числе в официальных документах ООН, характеризуется высокой степенью лексико-грамматической унификации [Иконникова, 2013, С. 325]. Использование терминов строго регламентировано и закреплено в соответствующих институциональных базах данных, ввиду чего их межъязыковая эквивалентность устанавливается априори. В фокусе внимания настоящего исследования находятся те лингвокогнитивные механизмы, которые в меньшей степени поддаются жесткой стандартизации и, как следствие, формируют потенциальную зону функционально-прагматической неоднозначности при интерпретации аутентичных текстов.

1.4. Семантико-когнитивный анализ текстов международных соглашений

1.4.1. Компонентно-инвариантный анализ лексики как инструмент установления сходства концептуального содержания текстов международных документов

Как представляется, информация (как совокупность накопленных человеком знаний и представлений об окружающей действительности) в сознании человека структурирована в систему и хранится не в виде развернутых словарных определений, а в более сжатом виде категорий с последующей актуализацией значений в речи. Классическая теория категорий Аристотеля являлась преобладающей на протяжении двух

тысячелетий: первые попытки ее критического анализа были предприняты в 1953 году Л. Витгенштейном. В своей работе «Философские исследования» автор доказал, что не может существовать общих характеристик для всех членов одной и той же категории, а границы категорий зависят от уровня знаний, накопленных в обществе.

Неполнота классической теории категоризации также подтверждается экспериментом У. Лабова, в результате которого был сделан вывод, что более рациональным представляется не перечислять свойства, отличающие один предмет от другого, а описать признаки, свойственные типичному представителю категории. Ввиду того, что категоризация возможна благодаря средствам языка, ее связь с когнитивной лингвистикой вполне естественна.

Наиболее широкое распространение получила когнитивная теория «прототипов и категорий базового уровня», значительный вклад в которую внесла американский исследователь Э. Рош. Поскольку мир не хаотичен, в сознании человека он отражается в виде категорий и их членов – когнитивных прототипов, с которыми человек сравнивает предметы для определения категориального сходства. В когнитивно-прагматическом языкознании под прототипом понимается «наилучший представитель категории» [Новиков, 2007, С. 12], следовательно, по прототипу можно узнать всю категорию, поскольку для него характерно сходство сразу со многими членами категории. Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что концепты в первую очередь могут быть определены именно на основе интерактивных характеристик, то есть прототипами и типами связи с ними [Лакофф, Джонсон, 2004, С. 155]. В соответствии с теорией Э. Рош, для описания различного статуса членов одной категории используются понятия «центр» и «периферия». Наиболее типичный представитель какой-либо категории занимает центральное положение и представляет собой прототип данной категории, ее смысловое ядро, в то время как остальные, менее типичные представители, находятся на периферии.

Как отмечает И.К. Архипов, еще Г. Гийом указывал, что до рассмотрения контекстного значения какой-либо единицы необходимо восстановить ту систему, составной частью которой она является и где берет свое значение, содержащееся в мысли и предшествующее контекстному значению, реализуемому в речи [Архипов, 2008, С. 107]. В семантической структуре слова, которая представлена набором взаимосвязанных элементов – лексико-семантических вариантов (ЛСВ), – эту функцию выполняет лексический прототип (ЛП). В отличие от когнитивного прототипа, ЛП направлен не во внешний мир, а во внутренний мир языка [Новиков, 2010].

Условием функционирования любого многозначного слова в речи, как демонстрируют исследования семантической структуры слова конца XX – начала XXI вв., является наличие постоянного смыслового ядра, существующего вне контекста. Именно таким содержательным ядром и единицей языковой категоризации окружающих предметов и явлений выступает ЛП – «минимальный пучок интегральных и дифференциальных признаков, необходимых для идентификации предмета» [Архипов, 2008, С. 107].

В соответствии с положениями современных лингвистических исследований, ЛП является основой для формирования всех значений слова, при этом признаки ЛП не могут быть выведены один из другого. ЛП выступает как содержательный инвариант всех лексико-семантических вариантов многозначного слова, который может проявляться, а не изменяться в зависимости от контекста: слушающий проводит параллели между услышанным и прототипами в его сознании [Новиков, 2001, С. 42].

В рамках положений прототипической семантики с целью выявления ЛП может быть проведен компонентный анализ. Выделяется два типа ЛП: дальнейший лексический прототип (выражающий более общую сущность и представляющий осмысление всех ЛСВ на высоком уровне абстракции) и ближайший лексический прототип (в его роли выступает номинативно-

непроизводное значение (ННЗ), которое в дальнейшем становится базой для появления остальных значений). Ближайший лексический прототип представляет собой именно то значение, которое первым возникает в голове у носителя языка, когда он слышит то или иное слово. В то же время, дальнейший лексический прототип, в обязательном порядке включает в себя ближайший лексический прототип, поскольку переносное значение возможно вывести только благодаря ННЗ.

В соответствии с учением традиционной лингвистики многозначное слово представляет собой сумму иерархически организованных значений на основе прямого номинативного значения; структуру, в которой все элементы связаны отношением семантической производности ЛСВ. Однако механизмы сужения, расширения значения (семантический сдвиг), метонимии или метафоры (семантический перенос) не всегда позволяют определить, какое значение является первичным, а какое производным [Новиков, 2010, С. 37]. Еще более усложняет эту задачу явление «метафтонимии», описанное Л. Гуссенсом. Суть его заключается в том, что метафора и метонимия часто функционируют не как отдельные единицы, а в тесном взаимодействии (например, когда метафорический образ строится на метонимической основе). Взаимодействие этих механизмов подтверждает, что провести четкое разграничение значений и выстроить их в строгую иерархию порой невозможно, так как они образуют единый, неразрывный комплекс [Goossens, 2002, С. 323]. Кроме того, современные лингвистические исследования показывают, что выявление ННЗ представляет трудность не только в связи с невозможностью определить разновидность семантического сдвига или переноса, но и ввиду того, что образование слова может происходить из некогда омонимов [Новиков, 2001, С. 42].

Иерархическая структура значений не является стабильной: в качестве семантического ядра может выступать любой ЛСВ, в зависимости от ряда социокультурных характеристик, присущих языковой личности: пол, географическое положение, сфера деятельности и т.д., как и в целом

образование и функционирование языковых систем происходит в индивидуальном сознании языковой личности, а не в сознании общества, в зависимости от опыта и мотивации [Новиков, 2010, С. 63].

Во второй главе данной работы будет предпринята попытка на основе компонентно-инвариантного анализа, предполагающего выявление лексического прототипа единиц аутентичных текстов международных соглашений, репрезентирующих ключевые концепты экологического дискурса на русском, английском и французском языках, определить, являются ли лексические единицы анализируемых текстов полностью эквивалентными. Подобный анализ поможет сделать вывод о схожести или различии восприятия и трактовки текста международного документа сторонами-участницами, для которых свойственна разная когнитивная среда, обусловленная национальными и культурными особенностями, и, следовательно, разные пути вербализации их концептуальной картины мира.

Особенности концептуальной картины мира и цели коммуникации субъектов общения выражаются не только лексическими, но и синтаксическими средствами. Следовательно, синтаксическая организация предложения также представляет собой важный компонент анализа для установления эквивалентности текстов международных договоров.

1.4.2. Актантно-предикатная структура текста международного документа как средство достижения интенциональной эквивалентности разноязычных текстов международных соглашений

Под основными категориями реальной действительности понимаются существующие в реальном мире объекты и явления, их свойства и отношения, выражаемые посредством языка и речи, основные свойства которых возможно определить через друг друга. Осуществлять полноценное общение возможно именно благодаря предложениям, а не отдельным словам, поэтому представляется важным рассмотреть особенности взаимоотношений частей предложения на глубинном уровне и проанализировать процесс

мыслительной деятельности человека в целом. Такой анализ возможен благодаря исследованиям в области семантического синтаксиса.

Для семантического синтаксиса центральной категорией выступает понятие пропозиции [Гриднева, 2009, С. 13] – аспекта предложения, отражающего структуру ситуации, имеющей отношение и к мышлению, и к языку. Значительный вклад в изучение этого направления семантического синтаксиса внес Ч. Филлмор, разработав предикатно-аргументную модель пропозиции.

Так, предикаты (выражают действия, свойства) и актанты (объекты, свойства которых выражаются), являются обязательными элементами простейшей синтаксической структуры предложения [Новиков, 2007, С. 94], при этом ядерным элементом этой структуры выступает предикат. Как отмечает Л. А. Фурс [Фурс, 2009, С. 278], предикативность выражает логическое, а не грамматическое свойство предложения, ее проявлениями можно считать значения истинности или ложности. Зачастую на лексическом уровне предикат выражается глаголом, но данное условие не является обязательным, и предикат может быть выражен и другими частями речи.

Одной из важнейших характеристик предиката, благодаря которой становится возможна реализация аргументно-предикатной модели предложения, является его валентность, т.е. способность «открывать места на актанты» [Гриднева, 2009, С. 14] или его «потенциальная сочетаемость» [Новиков, 2007, С. 94]. Ранее считалось, что валентностью обладает только глагол (Л.Теньер), однако впоследствии было доказано, что другие части речи, например, отглагольные и отадъективные существительные могут также приобретать валентные свойства глаголов и прилагательных, от которых они образованы.

Валентность предиката неоднородна: Н. Н. Гриднева указывает на разделение валентности на логико-семантическую, описывающую экстралингвистические отношения явлений окружающего мира; при такой валентности глагол может сочетаться с любыми согласующимися с ним

единицами, вне зависимости от их формы, и номинативно-семантическую, реализуемую различными разрядами имен и предложений. Следовательно, в первом случае глагол может принимать простые актанты, а во втором – предикатные актанты, также известные как сентенциональные комплементы [Гриднева, 2009, С. 24] – семантические актанты с предикатным значением, выраженные глаголом или отглагольными словами. В случаях, когда сентенциональный комплемент не обнаруживает глагольной формы, но сохраняет зависимые от нее компоненты, он называется свернутым [Гриднева, 2009, С. 24].

Актантная рамка глагола, как правило, описывается словарной статьей [Фурс, 2009, С. 283], поскольку именно в ней указано количество позиций, открываемых предикатом для актантов. Однако, как отмечает Л. А. Фурс, валентность глагола не всегда актуализируется в речи в силу включения лексики в плоскость синтаксиса, изменяющего семантику предиката. Например, это происходит в случаях, когда изначально непереходный глагол становится переходным вследствие синтаксических отношений между элементами предложения: *she smiled her thanks* [Фурс, 2009, С. 84].

Помимо обязательных актантов, описанных выше, глагол также может присоединять и факультативные актанты – сирконстанты, указывающие на время и место действия, выражающие условия и причину и не входящие в обязательную валентность глагола. Однако в некоторых случаях это значение может напрямую входить в семантическую структуру предиката: в таком случае обстоятельства становятся обязательными актантами, а не сирконстантами [Новиков, 2007, С. 94].

К отличительным чертам сирконстантов можно отнести большое количество вариантов сочетаемости с глаголом, в то время как актанты индивидуальны для каждого предиката, а также место ремы в тема-рематической конструкции предложения [Шацкая, 2008, С. 194].

Существуют различные классификации семантических падежей (Ю. Д .Апресян, В. В. Богданов, И. П. Сусов и др.), однако все они сходятся

в том, что глагол – многоместный предикат, способный принимать различные аргументы. Главное различие между классификациями заключается в количестве выделяемых ролей (от 3 до 25) [Гриднева, 2009, С. 33]. Тем не менее, основными аргументами в предложении принято считать такие его элементы, как агенс (производитель действия), объект действия, или пациенс, (в случае если объект одушевленный), инструмент, средство, адресат, реципрокант и локатив, выражающий пространственные отношения [Никитин, 2007, С. 512]. Среди локативов выделяют аблативы, директивы и транзитивы, указывающие на конкретную точку в пространстве в процессе движения объекта [Шацкая, 2008, С. 191].

В рамках семантического синтаксиса также рассматриваются вопросы соотношения формальной структуры синтаксической единицы и пропозиции – диатезы [Никитин, 2007, С. 231]. В речи многоаспектная и многомерная действительность проявляется линейно, и линейная структура предложения находится в прямой зависимости от значимости его элементов. Так, например, подлежащим становится то, что находится в зоне нашего внимания, зачастую что-либо одушевленное.

Понятие о диатезе как о простом соответствии семантических ролей синтаксическим позициям представляется в значительной степени упрощенным. Так, например, одна и та же синтаксическая роль подлежащего может соответствовать различным семантическим ролям агенса, инструмента или пациенса. Эта фундаментальная асимметрия между синтаксической формой и семантическим содержанием обусловливает имманентную неоднозначность языка. Из этого следует, что анализ поверхностной синтаксической структуры может быть недостаточным для полной семантической интерпретации, что требует обращения к более глубоким уровням представления значения [Žabokrtský, Zeman, Ševčíková, 2020, С. 649].

Таким образом, синтаксическая организация высказывания является результатом целенаправленного коммуникативного выбора, а его

формальная структура выступает как отражение глубинного пропозиционального уровня. Взаимосвязь этих уровней неразрывно связана с прагматическими параметрами коммуникации. Анализ актантно-предикатных структур, таким образом, выступает в качестве необходимого, но не исчерпывающего этапа в исследовании сложных процессов порождения и перевода текста, требуя обязательного дополнения когнитивными и коммуникативно-прагматическими моделями, особенно при работе с такими сложными объектами международного права, как аутентичные тексты международных договоров.

1.4.3. Темпоральные характеристики текстов международных документов на русском, английском и французском языках

Лингвокогнитивная эквивалентность аутентичных текстов международных договоров с точки зрения темпоральности достигается за счет создания тождественных когнитивных моделей события, которые эти тексты порождают в сознании реципиента. Русский, английский и французский языки обладают несхожими видо-временными системами со структурной точки зрения, что обусловливает различия в выборе средств с целью временной локализации юридически значимых действий в рамках международного права.

Одним из наиболее значимых элементов при сопоставлении аутентичных текстов является различный способ выражения аспектуальных значений в зависимости от языка. Аспектуальность определяет его внутреннюю временную структуру, формируя когнитивную модель процесса его совершения во времени. Как отмечает В. Райбле, «время помещает излагаемое событие по отношению к моменту речи, аспект помещает момент речи по отношению к излагаемому событию» [Raible, 1990, С. 195]. Следовательно, выбор аспектуального значения определяет перспективу наблюдателя: находится ли он «внутри» действия (имперфективность) или воспринимает его как целостный, завершенный факт «снаружи» (перфективность).

Эквивалентность в передаче характера действия достигается, судя по всему, не через формальное соответствие грамматических категорий, а через функциональную компенсацию аспектуальности. В русском языке, как и в других славянских языках, отсутствуют аспектуально немаркированные глагольные формы, что обязывает говорящего эксплицировать целостность действия или процесс его совершения. Как отмечает А. В. Бондарко, вид и время образуют единое функционально-семантическое поле, в котором аспектуальность играет доминирующую роль [Бондарко, 1971, С. 4]. Эта особенность глаголов в русском языке приводит к структурной асимметрии с английским и французским языками в выражении аспектуального значения. В частности, несовершенный вид глагола в русском языке может выражать как незавершенное, длящееся действие, так и констатировать факт совершения действия в прошлом, что сближает его с формами перфекта в английском языке.

Например, в предложении «Отец *приезжал* к нам, но вскоре уехал» [Бондарко, 1971, С. 4], глагол несовершенного вида «приезжал» означает завершенное действие, которое полностью состоялось в прошлом. Эта функция «констатации факта» отличает русский имперфектив от английского Progressive или французского Imparfait, которые в аналогичном контексте указывали бы на незавершенность действия.

Основная темпоральная функция в юридическом тексте – не столько локализация события во времени, сколько создание вневременной, обязательной к исполнению нормы. Эта перформативная функция, при которой произнесение или написание фразы равносильно совершению действия, реализуется в трех рассматриваемых языках по-разному с точки зрения структуры, но функционально эквивалентно. С точки зрения принципов лингвистического конструктивизма, развиваемых, например, в работах А. С. Дружинина, язык здесь не отражает, а конструирует правовую реальность [Дружинин, 2024, С. 83]. Исследования в области когнитивной грамматики демонстрируют, что время не является заранее

заданным условием существования, оно активно конструируется субъектом в языковом семиозисе [Дружинин, Лаврова, 2024, С. 31]. Так, например, использование модальных глаголов *shall* и *should* или конструирование обязательства с помощью французского *Futur simple* объясняется тем, что мысленное движение говорящего в сторону желаемого правового результата происходит в ситуации неопределенности. Выбор конкретной грамматической формы зависит от того, допускает ли субъект альтернативное развитие событий или конструирует безальтернативную норму через настоящее время [Там же, с. 46].

В русском юридическом дискурсе, как отмечают В. В. Виноградов и А. В. Бондарко, эта функция системно реализуется через настоящее время несовершенного вида, которое в данном контексте приобретает значение «настоящего постоянного» [Виноградов, 1986, С. 464]. В английском юридическом языке для этой цели зачастую используется модальный глагол *shall*, который в данном контексте обладает не значением будущего времени, а значением обязательства [A handbook for authors and translators in the European Commission, 2016, C. 65]. Во французском, как и в русском, используется настоящее время изъявительного наклонения (Présent de l’indicatif). Несмотря на структурные различия, все три варианта создают у носителей языка идентичную когнитивную модель установления юридически обязывающего и постоянно действующего правила.

Выбор конкретной формы прошедшего времени в международном документе часто зависит от прагматической цели высказывания: является ли оно частью повествования (например, в преамбуле) или констатацией факта (например, в решении суда).

В грамматической системе французского языка выражена оппозиция для дифференциации повествовательного и констатирующего контекстов (Passé simple и Passé composé), тогда как в русском и английском языках это различие актуализируется через аспектуальное значение или за счет использования лексических средств. Как отмечает С. Акпака, опираясь на

теорию Х. Вайнриха, Passé simple используется для описания событий «переднего плана в повествовании, в то время как Passé composé – для констатации фактов, имеющих отношение к настоящему моменту [Акраса, 2024, С. 167].

Таким образом, для выражения перформативной функции, создающей вневременную правовую реальность, русский, английский и французский языки используют системно различные, но функционально тождественные средства. Следовательно, при создании многоязычных документов происходит не перенос грамматических форм одного языка на другой, а трансформация, направленная на сохранение прагматической цели высказывания.

1.4.4. Категория модальности в установлении когнитивной эквивалентности разноязычных вариантов текста международного документа

Ключевую роль в достижении эквивалентности аутентичных текстов международных документов играет категория модальности, поскольку именно через модальные средства в языке вербализованы основополагающие для права концепты обязательства, разрешения, запрета и возможности.

Традиционно модальность в юридических текстах рассматривается как преимущественно деонтическая, то есть выражающая значения долженствования, разрешения и запрета. Как отмечает О. А. Богинская, исследуя категорию модальности на материале документов ООН, именно эти значения являются центральными, поскольку право по своей сути регулирует поведение, «предписывая, разрешая или запрещая определенные действия» [Богинская, 2022, С. 119]. По мнению С. Альмджада, в юридическом дискурсе находят вербализацию концепты, культурная и локальная обусловленность которых требует от переводчика основательного понимания стоящих за ними правовых реалий [Almjlad, 2024, С. 175].

Тем не менее для достижения такого понимания недостаточно констатировать наличие деонтических значений. Необходимо выявить

когнитивные механизмы, лежащие в основе выбора конкретных модальных средств в исходном языке. В этой связи представляется актуальным прототипический подход, предложенный Д. Н. Новиковым и Н. О. Катаевой. Так, например, когда в английском тексте соглашения используется глагол *shall*, его системное значение *to be obligated in one's image to do sth* [Новиков, Катаева, 2018, С. 41] задаёт определённую когнитивную рамку – положение не просто предписывает обязанность, а конструирует её как неотъемлемый атрибут, существующий в общем для сторон «образе» их будущего поведения.

Аналогичная сложность возникает при переводе положений с глаголом *should*. Его прототипическое значение *to be expected in one's image to do sth* [Новиков, Катаева, 2018, С. 41] указывает на иную когнитивную стратегию. В положении *States should actively enforce due diligence requirements* модальность выражает не строгую обязанность, а настоятельную рекомендацию, апеллирующую к общему представлению о должном и разумном поведении, т.е. речь идет о конструировании «ожидаемого» поведения, на разделяемых всеми участниками процесса нормах. Следовательно, достижение подлинной эквивалентности аутентичных текстов возможно на уровне функционального и прагматического соответствия используемых когнитивных моделей для выражения модальности.

Функционирование модальных средств не является универсальным. Так, Я. Ю. Курмачева в своей работе демонстрирует, что частотность и семантика модальных глаголов варьируются в зависимости от типа дискурса. В строго научных текстах модальная оценка выражена слабо, тогда как в научно-публицистических текстах, нацеленных на вовлечение читателя, она наиболее очевидна [Курмачева, 2011, С. 295]. В отношении международных договоров справедливо отметить, что такие документы, как правило, сочетают в себе черты строгого терминологического текста

и документа, имеющего персуазивную функцию, что обусловливает комлексный характер использования в нем модальных средств.

Таким образом, для достижения когнитивной эквивалентности при работе с разноязычными вариантами международных договоров необходимо понимание не только формальных соответствий, но и глубинных когнитивных, культурных и прагматических оснований, определяющих выбор тех или иных модальных средств в каждом конкретном языке.

1.4.5. Роль грамматической категории залога в обеспечении структурно-семантической эквивалентности аутентичных текстов

Категория залога является одним из фундаментальных грамматических средств структурирования субъектно-объектных отношений и играет ключевую роль в формировании семантической и прагматической структуры любого текста. В сфере юридического дискурса, где доминирующими требованиями выступают точность, объективность и однозначность, выбор залоговой конструкции перестает быть вопросом стилистического предпочтения и трансформируется в важнейшую лингвокогнитивную операцию. Именно залог определяет фокус внимания, распределяет смысловые акценты и формирует прагматическую установку правовой нормы, устанавливая отношения между действием, его исполнителем (агенсом) и объектом (пациенсом). В контексте международных договоров, аутентичность которых установлена на нескольких языках, проблема эквивалентной передачи залоговых значений приобретает особую значимость.

Как отмечают некоторые исследователи, распространенное представление о том, что в юридическом языке, в частности языке законодательных актов, избыточно и неоправданно используется страдательный залог, при более глубоком анализе оказывается заблуждением. Так, К. Фельзенфельд отмечает, что критика традиционного юридического стиля часто направлена на его избыточность и сложность, где страдательные конструкции воспринимаются как один из атрибутов

«плохого стиля письма» [Felsenfeld, 1981, С. 412]. Эмпирические данные, в том числе в рамках настоящего исследования, свидетельствуют о том, что в юридических текстах преобладает действительный залог, а страдательный используется ограниченно и выполняет четко определённые коммуникативные функции. Количественный анализ, проведённый В. Булатович на материале законодательных текстов, также демонстрирует, что доля пассивных конструкций не является преобладающей и составляет около 35-38,5% от общего числа глагольных форм [Bulatović, 2013, С. 103, 106].

Системы залоговых оппозиций в английском, французском и русском языках демонстрируют как структурное сходство, так и значительные функциональные различия, которые напрямую влияют на стратегии достижения когнитивной эквивалентности.

Несмотря на то, что формально пассивный залог в английском и французском языках образуется по схожей аналитической модели, частотность его употребления в юридических текстах кардинально различается. В английском языке пассив является основным и практически безальтернативным средством деперсонализации, тогда как во французском он используется наравне с другими конструкциями.

Так, и в английском, и во французском языках пассивный залог образуется аналитически по схеме вспомогательный глагол *to be / être* + причастие прошедшего времени [Казловская, 2017, С. 46; Алибулатова, 2009, С. 14]. Однако, как отмечает Л. П. Казловская, ключевое различие заключается в частотности: «в английском языке пассивный залог употребляется значительно чаще, чем во французском» [Казловская, 2017, С. 47]. Это объясняется наличием во французском языке функциональных альтернатив пассиву, которые практически отсутствуют в английском.

К ним относятся, прежде всего, неопределённо-личное местоимение *on* и местоименные (возвратные) глаголы с пассивным значением [Казловская, 2017, С. 47].

Категория залога в русском языке представляет собой систему, ядром которой является грамматическая оппозиция действительного и страдательного залогов, а периферию составляют разнообразные лексические и синтаксические средства.

Тем не менее категория залога в русском языке не сводится к оппозиции как таковой, а тесно связана с категориями вида и переходности, а также с многообразием значений возвратного постфикса *-ся* [Виноградов, 1986, С. 132]. Развивая эту идею, А. В. Бондарко предлагает рассматривать залоговость как функционально-семантическое поле, объединяющее разноуровневые языковые средства [Бондарко, 2007, С. 55].

Ввиду сложной структуры поля залоговости в русском языке, для актуализации эквивалентного по содержанию смысла требуется выбор соответствующих конструкций. Прямой перевод английской или французской пассивной конструкции русской страдательной формой на *-ся* часто приводит к стилистическому сдвигу в сторону книжного или канцелярского стиля. Л. С. Бархударов подчёркивает, что грамматические значения в одном языке часто передаются лексическими средствами в другом [Бархударов, 1975, С. 143]. В русском юридическом дискурсе для передачи семантики пассива часто используются более идиоматичные конструкции с периферии поля залоговости, как, например, активные неопределённо-личные конструкции (*уведомление направляют*) или конструкции с модальными предикативами *следует направить уведомление*. Такой подход позволяет сохранить семантику и прагматику оригинала, адаптировав высказывание к нормам русского юридического языка.

Таким образом, категория залога в русском, английском и французском языках, несмотря на наличие общей функциональной основы, организована в рамках различных системных и прагматических оппозиций. Для достижения когнитивной эквивалентности аутентичных текстов международных договоров необходим переход от формального

сопоставления к функциональному. Понимание лингвокогнитивных оснований функционирования категории залога в сопоставляемых языках является необходимым условием для создания не просто формально корректных, но подлинно эквивалентных и равно аутентичных текстов международных договоров, что обеспечивает их однозначное понимание и толкование в международной юридической практике. Следовательно, достижение эквивалентности в международном соглашении, судя по всему, может быть обеспечено благодаря механизму языковой компенсации [Яковлева, 2008, С. 46]: те компоненты смысла, которые в одной лингвокультуре остаются подразумеваемыми, в другой должны быть выражены явно. Только при условии, что «свернутый» смысл в английском тексте и «развернутый» смысл русского текста активируют в сознании реципиентов идентичные когнитивные модели правовых обязательств, содержание документа может быть признано эквивалентным.

1.5. Когнитивно-прагматический подход к установлению эквивалентности аутентичных текстов международных документов с инвариантным содержанием

1.5.1. Взаимосвязь эксплицитного и имплицитного компонентов высказывания и их влияние на восприятие реципиентом аутентичного текста с инвариантным содержанием

Воздействие, оказываемое адресантом на адресата текста всегда тесно связано с ситуацией взаимодействия – местом, участниками, их социальным статусом, коммуникативными и фоновыми знаниями [Гурочкина, 2019, С. 48]. Чтобы коммуникация состоялась и была успешной, Дж. Личем и Г. Грайсом были сформулированы определенные принципы, позволяющие участникам общения добиться достижения коммуникативной цели высказывания. Так, принципы кооперации, вежливости, иронии, экономии, ясности и выразительности помогают регулировать выбор средств риторического потенциала для перевода концепта с заданной иллокутивной силой в текст [Новиков, 2007, С. 14].

Для устного общения характерен больший выбор средств выражения, в отличие от письменной коммуникации, отличительной чертой которой является отсутствие субъектов, действующих в актуальной ситуации [Гурочкина, 2019, С. 48]. При восприятии письменного текста, к которым относятся, в том числе, международные договоры, реципиент информации опирается исключительно на личный опыт и знания (так как любые другие сигналы отсутствуют), которые могут не совпадать с опытом и знаниями пишущего, что приведет к трудностям в понимании.

Принципы общения зачастую нарушаются, что связывают с существованием имплицитных смыслов [Новиков, 2007, С. 24]. Эксплицитное и имплицитное значения высказывания находятся в тесной взаимосвязи, поскольку слушающий воспринимает не только прямое значение высказывания, выраженное средствами языка, но и значения, не выраженные прямо, но осознаваемые. Имплицитные значения создаются на базе эксплицитных в результате взаимодействия с контекстом и речевой ситуацией. При формировании имплицитного значения происходит значимый прирост смысла за счет импликации из эскплицитного значения – мыслительного процесса, направленного на отражение реальных связей сущностей сознанием. Имплицитное значение всегда интенционально, поскольку «отправитель программирует домысливание получателя» [Новиков, 2007, С. 25]. При восприятии высказывания, содержащего имплицитное значение, мыслительный процесс реципиента информации активизируется ввиду отсутствия значимой части сообщения. Таким образом, спонтанно в процессе мышления возникает выводное значение.

Соотношение эксплицитного и имплицитного смысла отличается в зависимости от национально-культурного дискурса и обусловлено различиями в когнитивной среде. Так, например, как отмечает А. В. Кашичкин, для английского языка характерна большая имплицитность, чем для русского, что обусловлено тесной связью значения одной языковой единицы со значениями других единиц в рамках высказывания.

Невыраженные признаки, как правило, выводятся из контекста, однако, при выражении аналогичной мысли на русском языке оформление высказывания должно подчиняться его нормам и характерным чертам.

1.5.2. Иллокутивный речевой акт как прагматический компонент анализа текстов международных документов

Основным прагматическим компонентом текста международных договоров является принятие сторонами определенных обязательств. Следовательно, глаголы, используемые в текстах международных договоров, служат для выполнения данной коммуникативной задачи.

В содержательной части международных договоров широко используются комиссивы – вид речевого акта, основная задача которого заключается в убеждении адресата в намерении говорящего совершить или не совершать определенное действие [Карасик, 2016, С. 59]. В соответствии с теорией речевых актов, все речевые действия можно разделить на перформативы и дескриптивы. Перформативы приводят к изменению обстоятельств, в то время как функцией дескриптивов является исключительно описание действий. Класс комиссивов включает в себя как дескриптивы, так и перформативы, выражающие различные типы обещаний в зависимости, например, от времени действия обязательства, способа выражения, ситуации общения и т.п.

В. И. Карасик в своей работе, посвященной коммисивам, отмечает, что русские глаголы *обещать, давать слово, сулить, клясться* направлены в будущее, противопоставляя им глаголы *ручаться* и *гарантировать*, которые ориентированы на настоящее. В английском языке автор указывает на такие глаголы как *promise, engage, pledge,* которые в свою очередь также объединены общим значением «давать слово», однако как в случае с русскими, так и с английскими глаголами, между ними есть тонкие семантические различия по обязательности выполнения обещанного, по цели говорящего, по важности обещания для участников общения, по наличию

взаимных обязательств и степени торжественности обстановки, в которой дается обещание [Карасик, 2016, С. 59].

Для юридического дискурса характерно использование коммисивов, определяющих ответственность за выполнение будущего действия и принятие на себя определенного рода обязательств. С. Е. Максимов отмечает, что в текстах международных документов на английском языке частотными являются такие глаголы, как *to acknowledge, to accept, to assume, to declare, to recognize, to pledge, to undertake, to respect* и т.п. [Максимов, 1984].

В отношении французского языка фундаментальный вклад в изучение речевых актов внес Э. Бенвенист, который подчеркивал, что использование перформативных глаголов в официальной речи само по себе является актом создания новой реальности, не подлежащим оценке в категориях «истинно/ложно» [Benveniste, 1966, С. 25]. Применительно к специфике юридического и дипломатического дискурса французский исследователь права и лингвист Ж. Корню отмечает особую институциональную силу «глаголов связывания» (*verbes d'engagement*). Во французских аутентичных текстах международных договоров иллокутивная сила комиссивов регулярно эксплицируется через такие лексические единицы, как *s'engager (à), reconnaître, accepter, convenir, déclarer*.

Таким образом, для осуществления успешной коммуникации, кодирования и декодирования эксплицитных, и особенно имплицитных смыслов, одним из основных требований к участникам коммуникации является хорошее владение языком коммуникации и общее когнитивно-прагматическое поле, позволяющее верно воспринимать и трактовать информацию, полученную в процессе общения.

В рамках когнитивно-прагматического подхода текст международного договора может быть рассмотрен как макро-речевой акт, обладающий всеми присущими ему компонентами: локуцией, иллокуцией и перлокуцией. Локутивная составляющая представляет собой сам акт вербализации –

создание физического текста на конкретных языках. Это материальная, знаковая форма документа, которая включает в себя всю совокупность лексических, грамматических и синтаксических средств и именно эта материальная сторона документа становится объектом анализа в следующем разделе.

Ключевое значение для анализа имеет иллокутивная составляющая – коммуникативное намерение, которое стоит за текстом. По своей природе договор является коммиссивным речевым актом, поскольку его главная цель – принятие сторонами на себя определенных обязательств для совершения будущих действий. Одновременно с этим он содержит элементы декларативного речевого акта, так как сам факт его заключения и вступления в силу меняет правовую реальность за счет создания новых прав и норм поведения. Таким образом, иллокутивная сила высказывания представляет собой прагматическое ядро документа, определяющее выбор языковых средств для выражения обязательства, разрешения или запрета. Перлокутивная составляющая – это ожидаемый эффект, который текст договора должен произвести на реципиентов (государства-участники). Ожидаемый перлокутивный эффект заключается в том, чтобы побудить адресатов к конкретным действиям, обеспечить согласованность их поведения и создать основу для юридической оценки их поступков.

Гарантированное достижение этого перлокутивного эффекта требует высокой степени когнитивной координации сторон. В этой связи справедливо предположить, что иллокутивная сила и прагматический потенциал договора неразрывно связаны с его знаковой формой. Для выработки успешного результирующего поведения участников коммуникации, текст договора должен функционировать не как простая последовательность слов, а как глобальное структурно-смысловое единство. Настоящий факт обусловливает необходимость перехода от прагматического анализа функций документа к исследованию его семиотической природы, в рамках которой текст предстает как сверхсложный знак.

1.6. Семиотические аспекты анализа аутентичных международных текстов

1.6.1. Текст международного договора как сверхсложный знак

В условиях глобализации и многоязычной дипломатии проблема достижения эквивалентности аутентичных текстов международных договоров приобретает особую важность. Традиционные подходы, основанные на поиске лексических и синтаксических соответствий, оказываются недостаточными для передачи всей полноты правового смысла. Это обусловлено тем, что текст международного договора является не просто набором предписаний, а представляет собой сверхсложный знак – целостную семиотическую систему, функционирующую на разных уровнях и представляющую собой инструмент конструирования правовой реальности.

Проблема природы значения неразрывно связана с вопросом о знаке, к которым принято относить естественные языковые знаки и вторичные искусственные знаки [Никитин, 2007, С. 20]. При взаимодействии людей значение «сообщается» именно благодаря знаку, однако при этом передачи самого значения посредством знака не происходит, поскольку значение порождается сознанием и всегда остается в нем. Роль знаков сводится к актуализации одинаковых или близких значений у людей, вступающих в общение.

Значение представляет собой более широкое понятие, чем знак. Ни один знак не может существовать без значения – каждый знак предназначен специально для индуцирования значения – в то время как значение может существовать без знака. М. В. Никитин, рассуждая о значении на дознаковом уровне сознания, относит его к тем же категориям, что и память, воображение, планирование действий. В рамках когнитивного подхода к языку значение языкового знака рассматривается как результат опыта, поскольку человек все время вступает во взаимодействие с окружающей средой [Кравченко, 2008, С. 116]. В рамках биокогнитивного подхода,

развиваемого А. В. Кравченко, язык рассматривается не как конвенциональная знаковая система для передачи информации, а как неотъемлемое свойство человека как биологического вида. Языковые выражения, с этой точки зрения, служат прежде всего для ориентации и адаптации индивида в окружающей среде. Как справедливо утверждает автор, «знак, значение, знание» представляют собой единый когнитивный комплекс, где значение – это не изолированное понятие, передаваемое знаком, а когнитивная функция, аргументом которой является опыт. При взаимодействии людей не происходит передача самого значения, поскольку оно порождается сознанием и всегда остается в нем. Роль знаков сводится к тому, чтобы служить «ориентирующим воздействием», актуализируя схожие концептуальные структуры у участников коммуникации на основе их общего опыта или, как определяет это У. Матурана, «консенсуальной области взаимодействий».

На настоящий момент на вопрос о наличии знакового статуса у текста однозначного ответа нет. Однако О. Б. Степанец отмечает, что за текстом может быть признан знаковый статус несмотря на то, что он является совокупностью актуализированных языковых единиц, уже признаваемых знаками, и рассматривает текст международного договора как сверхсложный знак. Отмечается, что для текста характерна сложность плана содержания и многокомпонентность плана выражения, а также полный набор семиотических компонентов. В то же время план содержания и план выражения в тексте соотносятся между собой более свободно, чем в языковом знаке ввиду большого круга вопросов и комплексности суждений, выражаемых текстом.

В соответствии с классификацией знаков, предложенной Ч. Пирсом, текст международного договора можно отнести к знакам-символам, поскольку видимая связь между означаемым и означающим устанавливается произвольно. Тем не менее, благодаря жестко унифицированной форме

и структуре международного договора, реципиенту не составляет труда соотнести означаемое с означаемым.

Статус международного договора как сверхсложного знака определяется его уникальной онтологией и функциональной нагрузкой, которые не могут быть описаны в рамках классической семиотики, рассматривающей знак как статичное единство означающего и означаемого. В рамках биокогнитивного подхода договор может быть рассмотрен как инструмент для координации действий сторон и адаптации в динамичной среде международных отношений. Его основная функция – не передача информации, а конструирование общей правовой реальности и ориентирование субъектов права внутри нее. Текст договора действует как совокупность «ориентирующих воздействий», запускающих комплексные когнитивные процессы толкования, основанные на всем предшествующем опыте, включая знание прецедентов, доктрин и политического контекста. Взгляд на текст договора как на макро-стимул, а не как на контейнер с готовым смыслом, находит все большее подтверждение в современной науке. В частности, как убедительно доказывает А. А. Кутузов, семиозис предстает не как извлечение информации из «слов-контейнеров», а как динамическое ориентирующее взаимодействие коммуникантов, в ходе которого слова выступают в качестве аффордансов (ориентиров). Соответственно, значение – это не статичная данность, а воспринимаемое субъектом (Наблюдателем) изменение состояния с учетом факторов среды [Кутузов, 2025, С. 826-828].

Кроме того, сверхсложность международного договора как знака заключается в его перформативной и когнитивной природе, поскольку он способствует созданию новой правовой реальности – прав, обязательств и институтов. С другой стороны, международный договор функционирует как средство синхронизации концептуальных систем и поведенческих моделей множества независимых акторов (государств), принадлежащих к разным языковым и правовым культурам. Эквивалентность аутентичных текстов на разных языках достигается не за счет тождества языковых знаков,

а за счет их способности вызывать функционально эквивалентные когнитивные процессы и поведенческие реакции, создавая ту самую «консенсуальную область взаимодействий», которая и составляет основу международного правопорядка.

Следуя соссюровской традиции в лингвистике, международный договор как сверхсложный знак можно представить как ассоциативную совокупность означающего и означаемого, где означающим выступает не сам физический текст, а идеализированный «психический отпечаток» его структуры – целостный образ структуры правового документа, воспринимаемый как формальное единство вне зависимости от языковой субстанции. Означаемым же является содержательный инвариант, лежащий в основе системы обязательств, дозволений и запретов, реализующих волю субъектов (государств, правительств и проч.)

Сверхсложность такого знака определяется двумя ключевыми факторами. Во-первых, его внутренней иерархией: договор представляет собой макрознак, состоящий из многочисленных взаимосвязанных элементов (терминов, статей, разделов и пр.), которые формируют жесткий композиционный каркас. Во-вторых, его перформативной природой: функцией этого знака является конструирование новой правовой реальности и обязательных рамок поведения для субъектов международного права. В условиях многоязычия сверхсложность функционирования этого знака заключается в необходимости сохранить прочность связи между единой формой и единым содержанием, что становится возможным за счет достижения лингвокогнитивной эквивалентности – независимо от того, на каком языке реципиент воспринимает означающее, в его сознании «активируется» строго идентичное означаемое, что исключает возможность смысловых разночтений.

Рассмотрение текста аутентичного международного договора в качестве сверхсложного знака, функционирующего как макро-стимул для координации действий субъектов международного права, приводит к вопросу

о механизмах достижения межъязыковой тождественности таких документов. В биокогнитивной лингвистике признается, что знак лишь индуцирует когнитивные процессы в сознании реципиента, строго детерминированные спецификой его лингвокультурной среды. Диалектическое взаимодействие между необходимостью сохранения единого смыслового ядра и объективной вариативности языковых форм обусловливает целесообразность детального рассмотрения проблемы содержательного инварианта аутентичного текста.

1.6.2. Содержательный инвариант аутентичного текста международного договора и вариативность средств его выражения

Вопрос лингвокогнитивной эквивалентности аутентичных текстов заключается в разрешении диалектического противоречия между необходимостью обеспечить единое смысловое и правовое поле для всех сторон договора и неизбежной асимметрией языковых и правовых систем, в рамках которых эти тексты создаются и интерпретируются. Ключевой вопрос заключается в том, что именно является ядром, подлежащим сохранению при переходе от одной языковой версии к другой, и какие модификации не только допустимы, но и являются необходимым условием для сохранения этого ядра.

В связи с этим представляется необходимым переосмыслить понятие содержательного инварианта в контексте международного договора. В рамках традиционной лингвопереводческой парадигмы инвариант зачастую трактуется как неизменный объем информации, подлежащий «переносу» из одного текста в другой. Однако с позиций биокогнитивного подхода подобная «кодовая модель» признается несостоятельной, поскольку смысл не содержится в знаках и не передается ими, а конструируется реципиентом в процессе взаимодействия со средой [Кравченко, 2008]. Следовательно, под межъязыковым содержательным инвариантом следует понимать не сумму лексических значений или формальных синтаксических структур, а динамический когнитивно-прагматический комплекс. В теории

перевода данный подход коррелирует с высшим уровнем эквивалентности – сохранением цели коммуникации [Комиссаров, 1990, С. 233]. В юридическом дискурсе такой инвариант представляет собой тот набор прав, обязанностей, запретов и правовых последствий, который должен быть абсолютно идентичным для всех участников договора, вне зависимости от языка, на котором он применяется.

Для теоретического обоснования природы инварианта представляется целесообразным обращение к теории познания У. Матураны и Ф. Варелы. В терминах рассматриваемой концепции искомый инвариант представляет собой достижение «структурного сопряжения» (*structural coupling*) [Матурана, Варела, 2019, С. 78]. Текст международного договора не «содержит» правовую реальность, а выступает в качестве сложного макро-стимула, воздействующего на аутопоэтические системы (в данном случае – национальные правовые системы государств-участников). Содержательный инвариант признается сохраненным тогда, когда различные разноязычные текстовые стимулы индуцируют изоморфные (структурно схожие) когнитивные реакции и вызывают скоординированные действия субъектов права.

Таким образом, посредством аутентичных текстов создается единая консенсуальная область взаимодействий. В рамках этой области достигается такое состояние, при котором государства, функционирующие в различных лингвокультурных контекстах, реализуют тождественные правовые реакции на предписания договора.

Исходя из этого положения, именно для сохранения инварианта требуется лексико-грамматическая вариативность средств выражения. Языковые системы представляют собой результат исторически сложившегося опыта адаптации конкретного социума к окружающей среде. Вариативность, таким образом, рассматривается не как «погрешность», а как фундаментальный стратегический инструмент и необходимое условие достижения подлинной эквивалентности, онтологическое свойство самих

языковых систем. Инвариант возникает не как переданный смысл, а как согласованная структура, которую каждая система (языковая и когнитивная) воспроизводит по-своему, но с одинаковым результатом.

Таким образом, возможно предположить, что достижение подлинной эквивалентности аутентичных текстов подтверждается не структурным тождеством семиотических единиц, а успешным конструированием идентичной правовой реальности. Содержательный инвариант считается обеспеченным в том случае, когда благодаря вариативным, но когнитивно соразмерным текстовым стимулам достигается согласованное понимание норм и гарантируется их единообразное применение всеми сторонами международного договора.

Выводы по Главе 1

В результате теоретического исследования лингвокогнитивных оснований эквивалентности аутентичных текстов международных соглашений могут быть сформулированы следующие обобщающие положения:

- В условиях глобализации и усложнения международных отношений аутентичный текст многостороннего договора приобретает статус уникального объекта лингвистического анализа. С одной стороны, разноязычные версии таких текстов признаются тождественными по смыслу (согласно Венской конвенции). Однако согласно положениям лингвокогнитивистики, за каждым социумом, говорящим на определенном языке, закрепляется уникальная для него картина мира [Курганова, 2024]. Следовательно, установление эквивалентности аутентичных текстов требует выхода за рамки формально-грамматического сопоставления и обращения к лингвокогнитивным механизмам, обеспечивающим единство правового воздействия и интерпретации.
- В результате анализа структуры и стилистических особенностей международных соглашений выявлено наличие четкого структурного «каркаса» (преамбула, диспозитивная часть, заключительные положения)

и набора лексико-грамматических средств (использование клише, номинализация, деперсонализация), детерминированных прагматической задачей стандартизации правовых норм.

- Теоретическое обоснование проблемы эквивалентности базируется на понятии межъязыкового содержательного инварианта – глубинной когнитивной структуры (смыслового ядра), которая должна оставаться неизменной при вариативности языковых репрезентаций.
- Важнейшим инструментом обеспечения когнитивной когерентности разноязычных текстов выступает концептуальная метафора (ориентационная, онтологическая, структурная), позволяющая структурировать абстрактные правовые понятия через универсальные образы физического опыта, тем самым преодолевая межкультурные различия в восприятии действительности.
- Достижение эквивалентности на семантическом уровне предположительно обеспечивается совпадением лексических прототипов ключевых терминов, а на синтаксическом – сохранением глубинной пропозициональной структуры (актантно-предикатных связей).
- Аутентичный текст представляет собой инструмент координации совместной деятельности государств в «консенсуальной области взаимодействий» (по У. Матуране, А. В. Кравченко). Прагматическая эквивалентность достигается через согласование иллокутивной силы высказывания (преимущественно комиссивов и директивов). Ключевую роль играет баланс эксплицитных и имплицитных смыслов: то, что в одной языковой культуре выражено явно, в другой может выводиться из контекста, что требует от переводчика и юриста учета когнитивно-прагматического фона коммуникации.
- Текст международного договора характеризуется как сверхсложный семиотический знак, обладающий двойственной природой: он одновременно является результатом речемыслительной деятельности (лингвистический аспект) и инструментом конструирования социальной

реальности (правовой аспект). Эквивалентность таких знаков в разных языковых системах возможна благодаря сохранению их функционального ядра (инварианта), которое активирует тождественные когнитивные модели и поведенческие реакции у реципиентов, независимо от языка изложения.

Глава 2. Когнитивно-прагматическая и лексико-грамматическая эквивалентность аутентичных документов на примере текстов международных договоров, репрезентирующих экологический дискурс на русском, английском и французском языках (в период с 2000 по 2024 гг.)

Настоящая работа посвящена лингвистическому изучению аутентичных текстов международных договоров на примере семи международных соглашений, репрезентирующих экологический дискурс: Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии (2000 г.); Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях (2001 г.); Протокол по стратегической экологической оценке (СЭО) к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (2003 г.); Протокол о регистрах выбросов и переноса загрязнителей (РВПЗ) к Конвенции 1998 года о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Орхусская конвенция] (2003 г.); Протокол о гражданской ответственности и компенсации за ущерб, причиненный трансграничным воздействием промышленных аварий на трансграничные воды к Конвенции 1992 года по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер и к Конвенции 1992 года о трансграничном воздействии промышленных аварий (2003 г.); Международное соглашение по тропической древесине (2006 г.); Парижское соглашение об изменении климата – итоговый документ 21-й Конференции сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИК ООН) (2015 г.).

2.1. Метафорическая концептуализация положений разноязычных текстов международных документов в сфере защиты окружающей среды как показатель их лингвокогнитивной равнозначности

В рамках настоящего исследования тексты семи соглашений, репрезентирующих экологический дискурс, на русском, английском и французском языках были также проанализированы на предмет соответствия концептуальных метафор в текстах договора на всех трех языках. Хотя метафоричность концептуальной системы зачастую не осознается, метафоры являются структурной основой восприятия и повседневной деятельности. Следовательно, в процессе мышления осуществляется перенос когнитивных структур с более познанной области на менее познанную и более абстрактную. Таким образом, последней придаются «очертания», подобные уже существующим в его сознании применительно к более познанной области, что позволяет человеку лучше понимать мир вокруг себя. Особенно актуален настоящий аспект в связи с тем, что изменение климата является проблемой, с которой человечество столкнулось относительно недавно [Лакофф, Джонсон, 2004, С. 26]. Следовательно, использование в качестве основы базовых структур для концептуализации более сложных, недавно появившихся понятий, может способствовать более глубокому и быстрому осмыслению новых реалий. Так, в рамках настоящего раздела будет рассмотрено соответствие онтологических, структурных и ориентационных концептуальных метафор, являющихся способом организации одной системы концептов относительно другой системы.

Поскольку наше мышление метафорично, что находит отражение в языке, анализ соответствия концептуальных метафор в текстах документов на трех вышеуказанных языках необходим для понимания значения, которое стороны придают как возложенной на них задаче предотвращения потепления климата в целом, так и отдельным ее аспектам в частности.

2.1.1. Ориентационные метафоры как инструмент структурирования правового поля международных соглашений

Анализ эквивалентности аутентичных текстов международных документов целесообразно начать с рассмотрения ориентационных метафор. Этот фундаментальный когнитивный механизм структурирует абстрактные понятия в терминах пространственной ориентации (например, ВВЕРХ–ВНИЗ), основываясь на базовом физическом опыте человека. В контексте юридического и дипломатического дискурса данные метафоры выполняют ключевую функцию, проецируя такие категории, как количество, качество или статус, на интуитивно понятные пространственные шкалы. Цель данного раздела – выявить, как эти универсальные когнитивные модели вербализуются в текстах соглашений на трех языках и как расхождения в их использовании влияют на степень концептуальной эквивалентности документов.

Ориентационные метафоры являются неотъемлемой частью юридического и дипломатического языка на всех трех языках. Они служат для структурирования абстрактных понятий в терминах ориентации в пространстве, основанной на физическом опыте взаимодействия индивида с окружающей средой.

Наиболее частотной ориентационной метафорой во всех документах является метафора БОЛЬШЕ/ЛУЧШЕ – ВВЕРХ, МЕНЬШЕ/ХУЖЕ – ВНИЗ. Увеличение количества, усиление амбициозности или улучшение качества концептуализируются как движение вверх, а уменьшение – как движение вниз. С точки зрения биокогнитивного подхода эти метафоры основаны на базовых сенсомоторных паттернах, сформированных в онтогенезе через повторяющийся физический опыт взаимодействия со средой.

К такого рода паттернам, например, относится вертикальная ориентация тела в пространстве. Вертикальное положение соотносится с состоянием здоровья, активности и контроля, тогда как горизонтальное положение – с болезнью, пассивностью или смертью. Накопление также

концептуализируется как вертикальный рост: увеличение материальных объектов в физическом пространстве приводит к буквальному увеличению высоты стопки или контейнера. Следовательно, устанавливается прямая перцептивная связь между концептами БОЛЬШЕ и ВВЕРХ на основе базового визуального и сенсомоторного опыта. Концепт доминирования через физическое превосходство также обусловлен сенсомоторным опытом: как известно в животном мире и в ранних человеческих обществах более высокие особи чаще занимают доминантные позиции в социальной иерархии. Следовательно, понимание абстрактных концептов через ориентационные метафоры осуществляется не на уровне произвольных символических операций, а через активацию глубинных сенсомоторных механизмов.

Так, например, в статье 1 Протокола по СЭО эта ориентационная концептуальная метафора последовательно применяется в текстах на трех языках для концептуализации абстрактной цели – охраны окружающей среды:

*… обеспечение **высокого уровня** охраны окружающей среды...*

*...provide for a **high level** of protection of the environment...*

*...assurer un **degré élevé** de protection de l'environnement...*

Качество защиты проецируется на вертикальную шкалу, что позволяет концептуализировать абстрактное качество как измеримую величину, у которой есть «верхний» и «нижний» показатели. Таким образом появляется возможность сравнивать показатели на разных стадиях защиты и стремиться к улучшению результата. Такого рода конвергенция метафорической концептуализации свидетельствует об изоморфизме когнитивных структур, основанном на универсальности сенсомоторного аппарата вне зависимости от принадлежности к конкретной лингвокультуре.

Встречаются случаи, когда концепт КАЧЕСТВО вербализован по-разному в текстах на трех языках. Так, например, в статье 2b) Парижского соглашения эта ориентационная концептуальная метафора ХОРОШО –

НАВЕРХ, ПЛОХО – ВНИЗ отражена в текстах на английском и русском языках и отсутствует в тексте на французском языке:

*...развитию при **низком уровне** выбросов парниковых газов...*

*...and **low** greenhouse gas emissions development...*

*...et un développement à **faible émission** de gaz à effet de serre...*

Таким образом, во французском тексте в отличие от английского и русского вариантов, использована структурная метафора ВОЗДЕЙСТВИЕ – ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА: абстрактное понятие (воздействие выбросов) структурируется в терминах более конкретного физического опыта (сила). Тем не менее, оба варианта (русский и английский vs французский) основаны на сенсомоторном опыте взаимодействия со средой, что обеспечивает функциональную эквивалентность текстов. Настоящее положение представляет собой случай неполной концептуальной эквивалентности на трех языках, когда при сохранении общего юридического смысла акценты в когнитивном восприятии явления расходятся.

В статье 7.1 Парижского соглашения вербализованы обе грани ориентационной концептуальной метафоры БОЛЬШЕ/ЛУЧШЕ – ВВЕРХ, МЕНЬШЕ/ХУЖЕ – ВНИЗ на всех трех языках:

*...укреплении адаптационных возможностей, **повышении** сопротивляемости и снижении уязвимости к изменениям климата...»*

*...enhancing adaptive capacity, **strengthening** resilience and reducing vulnerability to climate change...*

*...renforcer les capacités d'adaptation, à **accroître** la résilience et à réduire la vulnérabilité…*

В данном случае позитивно окрашенная цель, такая как *повышение сопротивляемости* (*strengthening resilience, accroître la résilience*) концептуализируются как движение вверх по вертикальной шкале, указывая на рост, увеличение, подъем, что соответствует базовому опытному представлению, где рост и сила ассоциируются с вертикальным положением. Одновременно негативное понятие *уязвимость* получает противоположный

вектор: его необходимо снизить (*reduce, réduire*), что соответствует движению вниз. Таким образом, многомерная и абстрактная политическая задача по адаптации к изменению климата сводится к интуитивно понятной и легко воспринимаемой двунаправленной схеме: необходимо «поднимать» позитивные показатели и *понижатъ* негативные.

В контексте ориентационной метафоры БОЛЬШЕ/ЛУЧШЕ – ВВЕРХ, глаголы *повышать*, *strengthen* и *accroître* выступают как функциональные, но не полные семантические эквиваленты. Их функциональная эквивалентность заключается в том, что все три лексемы успешно вербализуют концепт улучшения абстрактного понятия *сопротивляемость* как движение вверх по условной шкале, что позволяет передать одну и ту же прагматическую установку в трех юридически равнозначных текстах: позитивные показатели необходимо увеличивать. Об этом свидетельствуют результаты компонентного анализа, приведенные ниже.

повышать (1) – Осуществить сдвиг к более высокой отметке на шкале количества или интенсивности (цену, зарплату, голос).

повышать (2) – Поднять на более высокую ступень на шкале качества или мастерства (квалификацию, уровень знаний).

повышать (3) – Обеспечить переход на более высокую позицию в социальной или служебной иерархии (в должности, в звании).

Результаты компонентого анализа позволяют выявить системное значение (СЗ): Увеличивать количественный или качественный показатель чего-либо, делать более высоким.

accroître (1) – Provoquer un déplacement vers une position supérieure sur une échelle de quantité ou de valeur.

accroître (2) – Provoquer un déplacement vers une position supérieure sur une échelle d'intensité ou de qualité.

accroître (3): Subir un déplacement vers une position supérieure sur une échelle

СЗ: Rendre plus grand, plus considérable (en quantité, en valeur).

strengthen (1) – To increase the inherent capacity of a physical object to resist force.

strengthen (2) – To increase the inherent capacity of an abstract entity (e.g., an argument, a relationship) to resist challenge or decay.

strengthen (3) – To increase the inherent capacity or intensity of a quality or force (e.g., a currency, a signal).

strengthen (4) – To undergo a process of increasing inherent capacity (intransitive form, e.g., *the wind is strengthening*).

СЗ: To make something stronger or more able to resist force.

В результате компонентного анализа может быть выявлена неполная семантическая эквивалентность, которая заключается в способе концептуализации вербализуемого «движения вверх». Русский глагол *повышать* и французский *accroître* являются близкими с точки зрения семантики. Их общая доминирующая сема – перемещение на более высокую позицию на условной шкале – описывает прежде всего количественное или позиционное изменение (БОЛЬШЕ – ВВЕРХ), представляя *сопротивляемость* как некий уровень, который нужно поднять. Английский глагол *strengthen*, напротив, описывает качественное, внутреннее изменение (ЛУЧШЕ – ВВЕРХ) концептуализируя *сопротивляемость* не просто как уровень, а как внутреннее свойство, которое необходимо сделать более прочным и надежным. Тем не менее, несмотря на семантическую асимметрию, в этом случае возможно говорить о функциональной эквивалентности положений за счет изоморфизма, в том числе изоморфизма (схожей структурной организации) концептуально-метафорических образований, основанных на сенсомоторном опыте взаимодействия со средой. Так, в рассматриваемом примере очевидна корреляция между такими признаками как вертикальное положение и сила – выпрямленная поза тела ассоциируется с готовностью к физическому действию; высотой и устойчивостью – высокие конструкции должны обладать достаточной прочностью для сохранения вертикального положения; ростом и

укреплением – биологическое развитие организма представляет собой одновременное увеличение размера и укрепление структуры.

Пример из статьи 3.5 Протокола о РВПЗ служит яркой иллюстрацией того, как одна и та же юридическая норма может быть обрамлена посредством принципиально разных концептуальных метафор, что ведет к неполной когнитивной эквивалентности при сохранении функциональной:

*В целях **уменьшения** дублирования...*

*To **reduce** duplicative reporting...*

*Afin d'**éviter** que les mêmes données soient communiquées plusieurs fois...*

В русском и английском текстах проблема избыточной отчетности концептуализируется как ориентационная метафора МЕНЬШЕ – ВНИЗ, представляя дублирование как измеримое количество, которое необходимо сократить, тем самым акцентируя внимание на количественном результате. В тексте на французском языке, напротив, вербализована структурная метафора ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ДВИЖЕНИЕ ПО ПУТИ, где дублирование осмысляется не как количество, а как неэффективное действие, препятствие на пути, которого следует «избежать». Использование структурной метафоры приводит к смещению фокуса с результата на сам процесс, подчеркивая необходимость его оптимизации. Тем не менее достигается функционально эквивалентный результат благодаря общей логике целеполагания: избегание препятствий и уменьшение негативных факторов представляют собой разные, но биологически связанные стратегии адаптивного поведения.

Анализ семи представленных соглашений показывает, что наибольшая частотность ориентационных концептуальных метафор, в частности БОЛЬШЕ/ЛУЧШЕ – ВВЕРХ и МЕНЬШЕ/ХУЖЕ – ВНИЗ, наблюдается в документах, устанавливающих долгосрочные, рамочные и программные цели, прежде всего в Парижском соглашении и Стокгольмской конвенции. Этот показатель обусловлен самой природой языка как системы ориентации биологического организма в окружающей среде [Кравченко, 2008, С. 69]. Ориентационные метафоры являются непосредственным языковым

проявлением основных структур физического опыта, которые человек проецирует на абстрактные сферы мышления.

Частотной в текстах соглашений также является концептуальная метафора ВЛАСТЬ ОРИЕНТИРОВАНА НАВЕРХ, как, например в статье 6 Международного соглашения по тропической древесине:

Высшим органом *Организации является Международный совет по тропической древесине...*

The ***highest authority*** *of the Organization shall be the International Tropical Timber Council...*

*L'****autorité suprême*** *de l'Organisation est le Conseil international des bois tropicaux...*

Во всех трех аутентичных текстах абстрактная концепция верховной власти получает прямое выражение за счет использования лексем с явной пространственной семантикой, тем самым проецируя базовую схему физического опыта на структуру социальной иерархии. Таким образом, ориентационная метафора выступает как когнитивная основа, на которой строится и концептуализируется система субординации и управления в рамках настоящего международного соглашения.

Пример из Статьи 9.3 Парижского соглашения служит иллюстрацией смещение акцента в метафорической концептуализации понятия «лидерство» в трех языках, несмотря на юридическую эквивалентность положений документа:

Сторонам, являющимся развитыми странами, следует и впредь ***играть ведущую роль****...*

Developed country Parties should continue ***to take the lead****...*

Les pays développés Parties devraient continuer de ***montrer la voie****...*

В русском и английском текстах лидерство концептуализируется через ориентационную концептуальную метафору ВЛАСТЬ/СТАТУС – ВВЕРХ/ВПЕРЕДИ. Напротив, во французском тексте вербализована структурная метафора ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, в рамках

которой лидерство осмысляется не как обладание более высоким статусом, а как выполнение функциональной роли проводника, указывающего направление движения [Курганова, Новиков, 2024, С. 3235]. Несмотря на различия в активируемых признаках, относительно настоящего примера возможно говорить об изоморфизме концептуально-метафорических образований, основанного на универсальном телесном опыте передвижения группы в пространстве: положение «впереди», статус «ведущего» и «указание пути» представляют собой не отдельные феномены, а аспекты единого поведенческого паттерна. С точки зрения целеполагания это функционально эквивалентные действия в контексте координации группового движения.

2.1.2. Роль онтологических метафор в концептуализации абстрактных понятий в аутентичных текстах международных договоров

Вслед за анализом ориентационных метафор, структурирующих действительность в терминах пространственных координат, настоящий раздел посвящен исследованию онтологических метафор. Данный тип метафор представляет собой фундаментальный когнитивный механизм, посредством которого абстрактные и недискретные сущности (такие как события, состояния, идеи) концептуализируются как дискретные физические объекты, субстанции или контейнеры.

В основе этого процесса лежит проекция базового сенсомоторного опыта взаимодействия с материальным миром (исходная область) на сферу абстрактного (целевая область). Наделяя абстракции онтологическим статусом, онтологические метафоры позволяют осуществлять с ними ментальные операции, аналогичные физическим манипуляциям: их можно выделять, группировать и квантифицировать. Таким образом, аморфные по своей природе концепты обретают четкие границы и структуру, что делает их когнитивно обозримыми и доступными для дальнейшего логического анализа.

Рассмотрим универсальную для текстов соглашений метафору СОГЛАШЕНИЕ – КОНТЕЙНЕР. Телесный опыт взаимодействия с вместилищами формирует у человека нейрокогнитивную модель, включающую следующие инвариантные элементы: (а) ограниченное пространство с четко определенными границами, (б) возможность помещения объектов внутрь этого пространства, (в) возможность извлечения объектов из него, (г) существование двух дискретных состояний – «внутри» и «снаружи». При метафорическом переносе на юридическую сферу данная модель воспроизводится систематически: юридический документ концептуализируется как ограниченное пространство (сфера действия), субъекты права и регулируемые объекты – как содержимое, а границы юрисдикции – как физические пределы контейнера.

Этот тезис подтверждается следующим примером из статьи 20.1 Парижского соглашения:

Настоящее Соглашение ***открыто*** *для подписания и подлежит ратификации…*

This Agreement shall be ***open*** *for signature and subject to ratification…*

Le présent Accord est ***ouvert*** *à la signature et soumis à la ratification…*

Как любой контейнер, Соглашение может быть открыто (для наполнения субстанцией содержимым) или же закрыто.

В статье 28.1 текста документа на русском и английском языках также можно наблюдать, что Соглашение рассматривается как контейнер, которое не только можно закрыть или открыть, но в которое можно войти и из которого можно выйти:

…эта Сторона может ***выйти*** *из настоящего Соглашения, направив письменное уведомление Депозитарию*

that Party may ***withdraw*** *from this Agreement by giving written notification to the Depositary…*

Тем не менее, в тексте на французском языке такого рода переноса не происходит:

*… cette Partie peut, à tout moment, le **dénoncer** par notification écrite adressée au Dépositaire.*

В настоящем примере документ рассматривается не как контейнер, а как объект, который можно принять или от которого можно отказаться: активируются разные компоненты опыта физического взаимодействия со средой, связанные соответственно с ориентацией в пространстве и социальным актом передачи прав. Способ актуализации в тексте соглашения на французском языке основывается на метафоре СОГЛАШЕНИЕ – ОБЪЕКТ ВЛАДЕНИЯ, где прекращение участия концептуализируется не как физическое перемещение (выход из пространства), а как юридический акт отречения от обладания. Настоящий пример иллюстрирует сохранение эквивалентности на функциональном уровне при допущении концептуально-метафорической вариативности.

В статье 7.2 Протокола по СЭО вербализована онтологическая концептуальная метафора ДОКУМЕНТ – КОНТЕЙНЕР:

*В докладе **содержится** такая... информация…*

*The report **shall contain** such information...*

*Le rapport **comprend** les informations...*

Во всех трех аутентичных текстах – русском, английском и французском – юридический документ осмысляется не как лингвистический объект (последовательность знаков), а как физический контейнер. Соответственно, нематериальная сущность «информация» концептуализируется как материальное содержимое, которое помещается внутрь этого контейнера.

Онтологическая концептуальная метафора СФЕРА ПРАВА – КОНТЕЙНЕР также репрезентирована в статье 18.1 Картахенского протокола по биобезопасности на русском и английском языках:

*...живые измененные организмы... являющиеся объектом… подпадающие в рамках **сферы действия** настоящего Протокола...*

*...living modified organisms... **within the scope** of this Protocol...*

...organismes vivants modifiés qui ***font l'objet*** *d'un mouvement transfrontière intentionnel* ***relevant du présent Protocole...***

В английском и русском текстах используется классическая онтологическая метафора контейнера. Протокол создает ограниченное трехмерное пространство, и живые измененные организмы, как объекты, могут либо физически находиться внутри него, либо за его пределами. Эта метафора делает юридическую норму интуитивно понятной и визуальной: она имеет четкие границы, которые можно пересечь. Во французском тексте вместо метафоры контейнера использована метафора ПРАВО – АКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ ВЛАСТИ. Глагол *relever de* (находиться в ведении, относиться к юрисдикции) лишен пространственной семантики вместилища. Во французской версии документа Протокол выступает не как пассивное пространство, а как активный субъект, обладающий полномочиями.

Пример из Преамбулы Стокгольмской конвенции является показательным случаем того, как онтологическая метафора НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ – ЭТО ФИЗИЧЕСКИЙ УДАР используется для концептуализации вреда от химического загрязнения на французском и английском языках:

...охрану здоровья человека и окружающей среды от вредного ***воздействия*** *стойких органических загрязнителей...*

...to protect human health and the environment from the harmful ***impacts*** *of persistent organic pollutants...*

...protéger la santé humaine et l'environnement contre les ***incidences néfastes*** *des polluants organiques persistants...*

Инвариантными элементами данной модели выступают: (а) наличие внешнего агента воздействия, (б) направленность воздействия на пассивный объект, (в) нарушение целостности или функциональности объекта в результате контакта, (г) внезапность и интенсивность воздействия. В английском тексте лексема *impact* и во французском *incidence* наиболее эксплицитно вербализуют эту метафорическую проекцию. С точки зрения

семантики русская лексема «воздействие» является более нейтральным выбором:

impact (1): The forceful change produced by the collision of one object with another.

impact (2): The forceful change exerted on a system, situation, or person by a powerful influence or effect.

impact (3): The forceful change in a narrative or artistic work, measured by its powerful effect on an audience.

СЗ: The action or moment of one object striking another; a collision.

incidence (1): Décrit l’impact physique et l'orientation d'un phénomène (rayon) lorsqu'il frappe un système (surface).

incidence (2): Mesure l'impact statistique d’un phénomène (maladie, événement) sur un système (population).

incidence (3): Évalue l'impact conséquentiel d’un phénomène (décision) sur un système (contexte social, économique).

СЗ: Manière dont un phénomène externe frappe un système et l'affecte.

воздействие (1) – Процесс активного влияния, вызывающий изменение физических, химических или функциональных свойств объекта.

воздействие (2) – Целенаправленное оказание влияния, направленное на изменение сознания, поведения или эмоционального состояния субъекта.

воздействие (3) – Факт или результат влияния одного явления на другое, приводящий к изменению его характеристик или траектории развития.

СЗ: Целенаправленное действие, оказываемое на кого-либо или что-либо с целью вызвать изменение.

Компонентный анализ показывает, что в текстах на французском и английском языках вред от загрязнителей концептуализируется не просто как негативное влияние, а как резкий, агрессивный и разрушительный удар, что

придает высказыванию максимальную прагматическую силу. Здоровье человека и окружающая среда представлены как объекты, подвергающиеся серии «ударов» со стороны загрязнителей, что создает ощущение непосредственной опасности и легитимизирует необходимость принятия срочных и решительных защитных мер, о которых говорится в документе.

Русская лексема «воздействие», напротив, является семантически более нейтральной и широкой. Ее доминирующая сема – *направленное силовое влияние, приводящее к изменению* – описывает причинно-следственную связь, но не содержит обязательного компонента *удара*. Следовательно, хотя все три лексемы указывают на вредные последствия, угроза конструируется с разной степенью интенсивности.

Пример из Статьи 4.15 Парижского соглашения демонстрирует, как онтологическая метафора НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ – ЭТО ФИЗИЧЕСКИЙ УДАР используется для концептуализации побочных эффектов климатической политики:

*...экономика которых наиболее **пострадала** от воздействий мер реагирования...*

*...Parties with economies most **affected** by the impacts of response measures...*

*...des Parties dont l'économie est particulièrement **touchée** par les effets des mesures de riposte...*

В данном случае абстрактные экономические последствия мер реагирования осмысляются через опыт физического контакта и причинения вреда. Во французском тексте эта метафора вербализована наиболее очевидным образом через глагол *toucher*, который в контексте означает «быть задетым», «пораженным», что является смягченной версией физического удара. Английское *affected* (подвергшийся воздействию) и русское *пострадала* также несут в себе семантику негативного внешнего влияния, которое привело к ущербу. Эта метафорическая проекция

превращает экономики стран в пассивные, уязвимые объекты, а меры реагирования – в активную силу, способную нанести им вред. Таким образом, сложная причинно-следственная связь в экономике представляется как простое и интуитивно понятное событие, что позволяет легитимизировать необходимость оказания помощи «пострадавшим» и подчеркнуть реальность, а не гипотетичность побочных эффектов.

В рамках анализа международных документов также представляется важным определить, каким образом стороны концептуализируют обязательства. Так, на примере проанализированных документов четко прослеживаются такие онтологические метафоры, как ОТВЕТСТВЕННОСТЬ/ОБЯЗАТЕЛЬСТВО – ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ/ОБЯЗАТЕЛЬСТВО – ФИЗИЧЕСКОЕ БРЕМЯ и ОТВЕТСТВЕННОСТЬ/ОБЯЗАТЕЛЬСТВО – ФИЗИЧЕСКИЕ УЗЫ/СВЯЗИ.

Пример из Преамбулы Стокгольмской конвенции иллюстрирует базовую онтологическую метафору, которая концептуализирует абстрактные обязательства как осязаемые объекты. Глаголы физического действия, такие как *брать* (*take, assumer*), структурируют юридический акт принятия обязательств как волевое действие по вступлению во владение неким внешним предметом:

*Стороны...**приняли** на себя ответственность…*

*The Parties...**taking** responsibility...*

*Les Parties...**assument** la responsabilité...*

Пример из Статьи 13 Стокгольмской конвенции является конкретизацией предыдущей метафоры, добавляя к объекту атрибут веса. Финансовые обязательства здесь – это не просто объект, а тяжелый груз (*burden, charge*), который необходимо нести. Эта метафора выполняет важную риторическую и концептуальную функцию: она подчеркивает затратность и сложность выполнения обязательств, переводя экономические абстракции в плоскость физически ощутимых усилий:

*...совместного несения финансового **бремени**...*

*...**burden** sharing...*

*...partage des **charges**...*

Пример из Статьи 2 Стокгольмской конвенции использует другую мощную онтологическую метафору для концептуализации юридической силы соглашения. Обязательства здесь – это физические узы, веревки или цепи (*bound, tenu*), которые связывают стороны. Эта метафора акцентирует внимание на ограничивающем и непреложном характере обязательств. Если метафора ОБЪЕКТА подчеркивает возможность владения и передачи, а метафора БРЕМЕНИ – тяжесть исполнения, то метафора УЗ обрамляет обязательство как ограничение свободы действий. Вступив в соглашение, сторона добровольно соглашается быть «связанной» его правилами, что делает любое последующее отклонение от них нарушением этих физических уз:

*...государство или региональную организацию...которые не дали свое согласие быть **связанными** обязательствами настоящей Конвенции...*

*...a State or regional economic cooperation organization… that has not agreed to be **bound** by this Convention...*

*…tout État ou organisation régionale d'intégration économique qui n'a pas accepté d'être **tenu** par les dispositions de la Convention…*

Примеры вербализации настоящей онтологической метафоры также выявлены в статьях 30.2 и 24.6 Соглашения по тропической древесине, а также в статье 13.3 Парижского соглашения:

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО – БРЕМЯ/УЗЫ	ОБЯЗАТЕЛЬСТВО – БРЕМЯ	ОБЯЗАТЕЛЬСТВО – УЗЫ
участник **освобождается от такого обязательства**...	и при недопущении возложения **чрезмерного бремени** на Стороны.	...государствам и... которые **согласились быть связанными** положениями Протокола...
the member is **relieved of such obligation**...	and avoid placing **undue burden** on Parties.	...States and … that have
dispenser un membre d'une		

obligation...	...et qui évite d'imposer une **charge excessive** aux Parties.	**consented to be bound by** the Protocol... ...États et … qui ont **accepté d'être liés par** le Protocole...

Во всех проанализированных соглашениях регулярно вербализована онтологическая метафора ЗДОРОВЬЕ – ЭТО ЦЕННЫЙ ОБЪЕКТ/СОСТОЯНИЕ, что позволяет перевести абстрактное биологическое состояние в юридическую плоскость, представив его как осязаемый актив или ценность, которую можно и нужно защищать, сохранять и которой можно нанести ущерб.

Пример из Преамбулы Парижского соглашения, *закрепляющий право на здоровье* (*right to health, droit à la santé*), иллюстрирует конституирующую роль онтологической метафоры ЗДОРОВЬЕ – ЭТО ЦЕННЫЙ ОБЪЕКТ. Юридическая конструкция «право на...» концептуализирует абстрактное биологическое состояние как осязаемый объект, которым можно юридически обладать, что является когнитивной предпосылкой для интеграции здоровья в правовое поле, превращая его в актив, подлежащий защите и правовому регулированию.

Пример из Статьи 1 Стокгольмской конвенции демонстрирует, как онтологическая метафора ЗДОРОВЬЕ – ЭТО ЦЕННЫЙ ОБЪЕКТ служит для формулирования основной цели документа. Во всех трех аутентичных текстах – русском, английском и французском – здоровье концептуализируется как ценный, но уязвимый объект, нуждающийся в активной защите.

*...цель настоящей Конвенции заключается в **охране** здоровья человека...*

*...the objective of this Convention is to **protect** human health...*

*...l'objectif de la présente Convention est de **protéger** la santé humaine...*

Выбор глаголов с семантикой физической защиты (*protect, protéger*) от внешней угрозы концептуализирует отношения между человеком

и загрязнителями как конфронтацию, где здоровье выступает в роли ценного актива, который необходимо оберегать от враждебного вторжения. Эта метафора превращает абстрактную цель общественного блага в интуитивно понятную задачу, обосновывая тем самым ограничительные и запретительные меры, предусмотренные Конвенцией, как необходимые действия по «охране» этого «объекта».

Системной также является онтологическая метафора ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, что подтверждается, например, положением преамбулы Парижского соглашения на трех языках:

*...отмечая важность обеспечения **целостности** всех экосистем...*

*...noting the importance of ensuring the **integrity** of all ecosystems...*

*...Notant qu'il importe de veiller à l'**intégrité** de tous les écosystèmes...*

Использование термина «целостность», заимствованного из биологии и этики, концептуализирует экосистемы не как механические совокупности видов, а как сложные, саморегулирующиеся организмы, чье здоровое функционирование зависит от сохранения всех их компонентов и взаимосвязей. Эта метафорическая проекция имеет важные юридические и риторические следствия: она переводит понятие экологического ущерба из экономической плоскости в биологическую, представляя его как нарушение телесной целостности или нанесение ранения. Такое обрамление не только усиливает аргумент в пользу превентивной защиты, но и определяет цель экологической политики как поддержание здоровья и функциональной полноты природных систем.

Пример из Статьи 2.2g) Протокола о гражданской ответственности демонстрирует, как онтологическая метафора ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ структурирует юридическое понятие экологической реабилитации:

***...восстановление** или **воссоздание** поврежденных или уничтоженных компонентов трансграничных вод...*

...measures aiming to ***reinstate*** *or* ***restore*** *damaged or destroyed components of transboundary waters...*

...mesures jugées raisonnables visant à ***remettre en état*** *ou* ***restaurer*** *des éléments des eaux transfrontières endommagés ou détruits...*

Использование глаголов с семантикой восстановления концептуализирует процесс ликвидации последствий не как исключительно техническую очистку, а как возвращение к исходному, здоровому состоянию. Такая метафорическая рамка устанавливает юридическую цель, которая предписывает восстановление функциональной целостности природной системы, по аналогии с процессом реабилитации живого организма.

2.1.3. Структурная метафора и ее влияние на степень когнитивной эквивалентности разноязычных документов

Вслед за анализом ориентационных и онтологических метафор, придающих абстрактным понятиям пространственную координату и статус объекта, данный раздел посвящен структурным метафорам. Этот наиболее сложный тип метафорического переноса обеспечивает систематическое структурирование одной концептуальной области (целевой) в терминах другой (исходной). Анализ этих метафор позволяет выявить, как одни и те же правовые концепты по-разному осмысляются в аутентичных текстах, что напрямую влияет на степень их когнитивной и прагматической эквивалентности.

Наиболее распространенной во всех семи соглашениях является метафора СОГЛАШЕНИЕ – ЭТО ЗДАНИЕ. Пример из Преамбулы Парижского соглашения, определяющий основной документ как *Рамочную конвенцию* (*Framework Convention, Convention-cadre*), является яркой иллюстрацией того, как структурная метафора СОГЛАШЕНИЕ – ЭТО ЗДАНИЕ/СТРУКТУРА используется для концептуализации иерархии и функции международных правовых актов. Использование лексем *рамка/каркас (framework, cadre)* обрамляет Конвенцию как несущую основу здания – фундаментальную, но намеренно не детализированную

конструкцию. Такая концептуализация имеет важные юридические и прагматические следствия. Во-первых, она устанавливает структурную иерархию: Рамочная конвенция является основой, на которой будут «надстраиваться» последующие, более конкретные протоколы и решения, которые, в свою очередь, должны соответствовать этому общему каркасу. Во-вторых, она подчеркивает процессуальный и эволюционный характер соглашения, подразумевая, что «стены» и «внутренние перегородки» (т.е. конкретные обязательства и механизмы) будут возведены позже. Таким образом, данная структурная метафора служит не просто для описания, а для конструирования особого юридического статуса документа, представляя его как прочную основу для будущего международного сотрудничества.

Пример из Статьи 10.2 Картахенского протокола иллюстрирует, как фундаментальная юридическая концепция обоснованности решения структурируется через различные, хотя и функционально схожие, метафоры:

*...доводы, лежащие в **основе** решения…*

*...the reasons on which it is **based**…*

*...les raisons qui les ont **motivées**…*

Пример из Статьи 10 Картахенского протокола демонстрирует, как в рамках общей структурной метафоры СОГЛАШЕНИЕ – ЭТО ЗДАНИЕ функционирует более частная модель АРГУМЕНТАЦИЯ – ЭТО ФУНДАМЕНТ. В русском (*доводы, лежащие в основе решения*) и английском (*the reasons on which it is based*) текстах юридическое решение концептуализируется как элемент сооружения, а доводы и причины (*reasons*) – как его фундамент или основание. Эта метафорическая проекция делает логическую связь физически осязаемой: решение должно прочно «стоять» на своих основаниях, чтобы быть устойчивым и юридически действительным. Французский текст (*les raisons qui les ont motivées*), напротив, использует агентную метафору, где причины выступают как активная сила, побуждающая к действию. Таким образом, при общей юридической эквивалентности, когнитивное обрамление различается: в русско-английской

модели акцент делается на статичной, структурной поддержке, а во французской – на динамичном, каузальном импульсе.

Примеры из статьи 7 Парижского соглашения демонстрируют продуктивность структурной метафоры СИСТЕМА – ЭТО ЗДАНИЕ/СТРУКТУРА, которая применяется для концептуализации процесса улучшения абстрактных понятий:

*…**укреплении** адаптационных возможностей.../**укрепления** институциональных механизмов...*

*...**strengthening** resilience... / **strengthening** institutional arrangements...*

*...**renforcer** les capacités d'adaptation... / de **renforcer** les dispositifs institutionnels...*

В данном случае *адаптационные возможности, сопротивляемость и институциональные механизмы* осмысляются как несущие элементы конструкции международного соглашения. Соответственно, процесс их улучшения получает осмысление не как количественный рост, а как структурное укрепление. Глаголы *укреплять, strengthen* и *renforcer* во всех трех языках напрямую апеллируют к опыту строительства, где структуру делают прочнее и надежнее. Эта метафора позволяет представить сложный процесс развития потенциала как понятное инженерное действие – усиление фундамента и несущих стен всего «здания» соглашения, что риторически подчеркивает важность этих мер для общей стабильности и долговечности международного правового режима.

Структурной метафорой для всех соглашений также является ПРЕОДОЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА – ЭТО БОРЬБА**.**

Пример из Преамбулы Парижского соглашения служит яркой иллюстрацией того, как метафора УГРОЗА – ПРОТИВНИК используется для конструирования политической реальности и коллективных действий в рамках обозначенной выше структурной метафоры:

*...**реагировании** на срочную угрозу...*

*...**response** to the urgent threat...*

...riposte*... à la menace pressante...*

Сложное, многоаспектное и распределенное во времени явление, такое как изменение климата, концептуализируется во всех трех аутентичных текстах осязаемая и враждебная сущность. Эта метафора объективирует проблему, превращая абстрактный процесс в конкретного «врага», с которым необходимо бороться.

Кроме того, она позволяет определить рамки возможных действий. Так, в зависимости от версии на конкретном языке необходимо *реагировать* или давать *ответ* (*response*) и даже наносить *ответный удар* (*riposte*), что различается по степени силы воздействия:

реагирование (1) – Ответное действие или изменение в поведении живого существа, инициированное внешним стимулом.

реагирование (2) – Изменение состояния или функционирования биологической или технической системы, инициированное внешним фактором.

реагирование (3) – Комплекс ответных мер, предпринимаемых организацией или структурой, инициированный внешним событием (кризисом, запросом).

СЗ: Ответное действие или изменение состояния в ответ на внешнее воздействие.

response (1) – A communicative act that serves as a resultant entity (an answer) initiated by the stimulus of a question or statement.

response (2) – A behavioral or emotional change representing a resultant entity (a reaction) initiated by the stimulus of an event or action.

response (3) – An organized set of actions constituting a resultant entity initiated by the stimulus of a crisis or request.

response (4) – A functional alteration within a system, viewed as a resultant process initiated by an external stimulus.

СЗ: A verbal, written, or behavioral reaction made by a conscious entity in direct reply to a communicative or social stimulus.

riposte (1) – L'acte de lancer une contre-offensive immédiate dans le domaine de l'escrime, portée juste après avoir paré une attaque.

riposte (2) – Une manœuvre de contre-attaque rapide dans un contexte de confrontation physique ou stratégique (militaire, politique).

riposte (3) – Une réplique verbale incisive et rapide, en réponse à une attaque ou une critique.

СЗ: Une contre-action vive et immédiate en réponse à une attaque ou une agression

В рамках сопоставительного компонентного анализа лексем *реагирование, response и riposte* выявлена их функциональная эквивалентность при семантических и прагматических различиях. В рамках онтологической метафоры УГРОЗА – ПРОТИВНИК эти существительные не являются семантически эквивалентными, но выступают как функциональные аналоги с различной степенью силы воздействия. Если русский текст конструирует реальность, требующую системной адаптации, английский – реальность, требующую сформулированного ответа, то французский – ситуацию, требующую немедленного контрудара.

Пример из Статьи 1 Международного соглашения по тропической древесине демонстрирует, как метафора УГРОЗА – ПРОТИВНИК используется для концептуализации такой социально-экономической и правовой проблемы, как незаконные лесозаготовки:

… укрепления возможностей участников для улучшения применения лесного законодательства и рационального управления и ***борьбы*** *с незаконными лесозаготовками и связанной с этим торговлей тропической древесиной…*

…Strengthening the capacity of members to improve forest law enforcement and governance, and ***address*** *illegal logging and related trade in tropical timber…*

…Renforçant la capacité des membres d'améliorer l'application du droit forestier et la gouvernance et de ***lutter*** *contre l'abattage illégal de bois tropicaux et le commerce lié…*

Во всех трех аутентичных текстах это явление обрамляется через парадигму физического конфликта. Русский и французский варианты наиболее эксплицитно активируют данную метафору, используя лексемы с прямой семантикой сражения. Это превращает сложную деятельность, имеющую множество причин, в единого, персонифицированного «врага», которому необходимо дать отпор. Английский глагол *address* в данном контексте, хотя и является более полисемантичным, также приобретает значение прямого столкновения и необходимости решительных ответных действий. Такое метафорическое обрамление имеет важные прагматические следствия: оно не только определяет проблему как антагонистическую, но и имплицитно предписывает определенный тип решений – силовые, запретительные и карательные меры, характерные для *борьбы*, отодвигая на второй план более комплексные подходы, такие как решение социальных проблем или экономическое стимулирование. Таким образом, данная структурная метафора не просто описывает проблему, но и активно конструирует ее, задавая рамки для ее восприятия и определяя предпочтительный набор инструментов для ее решения в рамках международного сотрудничества.

Пример из Статьи 8.1 Парижского соглашения показывает, как юридический термин *потери и ущерб* (*loss and damage, pertes et préjudices*) функционирует в рамках более широкой структурной метафоры ПРЕОДОЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА – ЭТО БОРЬБА:

...решения вопросов ***потерь и ущерба...***

...addressing loss and damage...

...éviter les ***pertes et préjudices...***

Хотя сам термин является устоявшимся в праве и страховании, в контексте противодействия *неблагоприятным воздействиям* и *угрозе* изменения климата он может приобретать дополнительные коннотации, связанные с последствиями конфликта. Эта метафорическая модель служит для осмысления *потерь и ущерба* не просто как нейтральных экономических

или материальных издержек, а как результата воздействия враждебной силы. Такая концептуализация позволяет осмыслить последствия изменения климата как нечто более серьезное, чем просто финансовые убытки, приближая их по своей значимости к ущербу, понесенному в результате вынужденного противостояния, что усиливает аргументы в пользу необходимости оказания поддержки и компенсации «пострадавшим».

Пример из Преамбулы Стокгольмской конвенции демонстрирует предельную степень реализации структурной метафоры ПРЕОДОЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА – ЭТО ВОЙНА, концептуализируя загрязнители как врага, подлежащего полному уничтожению:

*...сократить и/или **ликвидировать** выбросы...*

*...reduce and/or **eliminate** emissions...*

*...réduire, voire **éliminer**, les émissions...*

Использование во всех трех текстах глаголов *ликвидировать*, *eliminate* и *éliminer* выходит за рамки простой борьбы или сдерживания. Эти лексемы, имеющие значение полного и окончательного устранения, обрамляют цель конвенции в терминах тотальной войны, конечной целью которой является не компромисс или сдерживание, а полное уничтожение противника. Такая радикальная риторика выполняет важную функцию: она представляет стойкие органические загрязнители как абсолютное зло, не имеющее права на существование, что легитимизирует самые строгие и бескомпромиссные меры, предусмотренные соглашением. Таким образом, метафора не просто определяет проблему, но и задает максималистский, бескомпромиссный подход к ее решению.

Структурная метафора ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ/ПРОЦЕСС – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ является одной из самых мощных и продуктивных в юридическом и политическом дискурсе. Она позволяет осмыслить сложные, абстрактные и растянутые во времени процессы (такие как реализация соглашения, достижение целей, проведение процедур) в терминах

понятного физического опыта – путешествия, у которого есть начало, маршрут, этапы и конечный пункт назначения.

Пример из Статьи 2 Парижского соглашения демонстрирует, как структурная метафора ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ используется для концептуализации сложного процесса экономического перехода. Устойчивое развитие здесь осмысляется как пункт назначения, а процесс его достижения – как целенаправленное движение по маршруту:

> *...приведения финансовых потоков в соответствие с **траекторией** в направлении развития...*
>
> *Making finance flows consistent with a **pathway** towards low greenhouse gas emissions development...*
>
> *Rendant les flux financiers compatibles avec un **profil** d'évolution vers un développement...*

В английском тексте *pathway towards development* и в русском «траектория в направлении развития» эта метафора вербализована наиболее прямо, представляя экономическую трансформацию как прокладывание и следование определенному пути. Французское выражение *profil d'évolution vers un développement* (*профиль эволюции в направлении*) также поддерживает эту модель, акцентируя внимание на предсказуемой и направленной траектории движения. Эта метафорическая рамка позволяет структурировать долгосрочную и многофакторную экономическую политику в терминах понятной навигационной задачи, где *финансовые потоки* выступают в роли путешественников, чей маршрут должен быть скорректирован для достижения желаемой цели.

Анализ семи международных соглашений показывает, что тексты этих документов структурированы несколькими ключевыми концептуальными метафорами, обеспечивающими когнитивную основу для осмысления абстрактных правовых и политических реалий. Доминирующими являются структурные метафоры СОГЛАШЕНИЕ – ЭТО ЗДАНИЕ и ПРЕОДОЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА – ЭТО ВОЙНА, которые задают

фундаментальные модели для понимания иерархии документов, обоснованности решений, а также характера угроз и способов реагирования на них. Хотя аутентичные тексты на трех языках достигают функциональной юридической эквивалентности, часто наблюдаются случаи неполной концептуальной эквивалентности, когда одна и та же норма представляется через разные метафорические модели, например, АРГУМЕНТАЦИЯ – ЭТО ФУНДАМЕНТ в русском и английском языках против АРГУМЕНТАЦИЯ – ЭТО МОТИВИРУЮЩАЯ СИЛА во французском.

Анализ семи соглашений показывает, что плотность и разнообразие концептуальных метафор напрямую зависят от цели документа и особенностей языковой картины мира. Наибольшая концентрация метафор наблюдается в Парижском соглашении и Стокгольмской конвенции. Это обусловлено их рамочным и программным характером: для конструирования таких масштабных и абстрактных понятий, как глобальная угроза и устойчивое развитие, язык неизбежно прибегает к мощным метафорическим моделям (ПРЕОДОЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА – ЭТО ВОЙНА, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ), чтобы сделать эти концепции понятными и операциональными.

Что касается языковой специфики, то английский текст зачастую демонстрирует наибольшую плотность и разнообразие метафор, активно используя как пространственные, так и структурные модели (СИСТЕМА – ЭТО ЗДАНИЕ). Французский язык, в свою очередь, часто тяготеет к более динамичной концептуализации. Русский язык занимает промежуточную позицию, часто следуя за структурной моделью английского, но сохраняя свои идиоматические особенности. Эти расхождения свидетельствуют о том, что юридическая эквивалентность достигается не через тождество когнитивных моделей, а через функциональное соответствие, которое допускает существование различных, культурно обусловленных способов осмысления одной и той же реальности.

2.2. Языковая модальность и средства ее выражения в международных соглашениях, репрезентирующих экологический дискурс

2.2.1. Прагматическая эквивалентность при передаче модальности обязательства в разноязычных документах

Выражение модальности обязательства и рекомендации является ключевым аспектом юридического дискурса, особенно в сфере многоязычных международных соглашений, где достижение полной эквивалентности между аутентичными текстами представляет собой сложную лингвистическую и юридическую задачу. Настоящий раздел посвящен сопоставительному анализу средств выражения деонтической модальности в текстах ключевых международных соглашений, формирующих современный экологический дискурс, на русском, английском и французском языках. В центре внимания находятся английские модальные глаголы *shall* и *should*, а также их структурные эквиваленты в русском и французском языках.

Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии

В результате сопоставительного анализа текстов Картахенского протокола к Конвенции по биобезопасности на русском, английском и французском языках установлено, что значение обязательства в тексте на русском языке в большинстве случаев (92) вербализовано глаголом в настоящем времени (в значении предписания). В тексте на английском языке ему соответствует конструкция *shall* + инфинитив, во французском – глагол в настоящем времени изъявительного наклонения (*Présent de l’indicatif*).

Таким образом, например, выражено предписание для сторон, касающееся необходимых мер для выполнения взятых на себя обязательств в статье 2.1:

*Каждая Сторона **принимает** необходимые […] меры для выполнения своих обязательств, предусмотренных в рамках настоящего Протокола.*

*Each Party **shall take** necessary […] measures to implement its obligations under this Protocol.*

*Chaque Partie **prend** les mesures […] nécessaires […] pour s'acquitter de ses obligations au titre du Protocole.*

Русское нормативное настоящее время активирует когнитивный паттерн ОБЪЕКТИВНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ, при котором предписание концептуализируется не как навязанное извне требование, а как имманентное свойство правовой реальности. Конструкция опирается на телесный опыт восприятия физических законов природы как неизменных и не зависящих от воли субъекта, что минимизирует возможность альтернативной интерпретации и создает эффект деонтической безальтернативности.

Английская конструкция *shall* + инфинитив, восходящая к древнеанглийскому глаголу долженствования (первоначально выражавшее задолженность и обязанность) [Новиков, Катаева, 2018, С. 41], активирует более сложный концепт ОБЯЗАТЕЛЬСТВА КАК ДОЛГА. Модальный глагол эксплицирует наличие деонтической силы, воздействующей на субъект, что соответствует метафоре ОБЯЗАТЕЛЬСТВО – ЭТО НОША, укорененной в телесном опыте физического давления.

Во французском языке *Présent de l’indicatif* функционирует аналогично русскому варианту, реализуя когнитивную стратегию презентации нормы как установленной реальности. Несмотря на различие формальных средств, все три варианта активируют единый концептуальный инвариант – БЕЗУСЛОВНОСТЬ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, опирающийся на телесно-ориентированную схему отсутствия выбора траектории движения.

Положения Картахенского протокола регулируют взаимодействие человека с живыми измененными организмами, и, следовательно на языковом уровне можно наблюдать попытку создания стабильной и предсказуемой правовой экосистемы, что отражает цель документа –

стабилизировать и обезопасить физическое взаимодействие человека с биотехнологиями. Доминирующая модель выражения обязательства является попыткой представить юридические нормы не как продукт соглашения, а как объективные, вневременные характеристики среды, что способствует минимизации двусмысленности реципиентом и активирует базовую схему «установленного порядка» при восприятии текста.

В положениях Протокола модальность обязательства также может быть выражена настоящим временем в русском языке, конструкцией *shall*+инфинитив в английском языке и глаголом *devoir* в изъявительном наклонении во французском. Настоящий вариант не является частотным, однако встречается в тексте, например, в статье 9.3. Случаи отклонения от доминирующей модели представляют собой не нарушение эквивалентности, а когнитивное перепрофилирование – акцентирование различных аспектов единой деонтической ситуации:

Национальная регламентационная база […] ***соответствует*** *положениям настоящего Протокола.*

The domestic regulatory framework […] ***shall be*** *consistent with this Protocol.*

Le cadre réglementaire national […] ***doit être*** *conforme au Protocole.*

При структурной асимметрии сохраняется инвариант ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СООТВЕТСТВИЯ. Французский модальный глагол *devoir* эксплицирует деонтическую силу, активируя схему ВНЕШНЕГО ПРИНУЖДЕНИЯ более явно.

Кроме того, встречается также вариант, при котором предписание сторонам выражено временем Futur simple во французском языке, как, например, в статье 29.7:

Последующие очередные совещания Конференции Сторон… ***проводятся*** *вместе с очередными совещаниями Конференции Сторон...*

Subsequent ordinary meetings of the Conference of the Parties... ***shall be held*** *in conjunction with ordinary meetings of the Conference of the Parties...*

Par la suite, les réunions ordinaires de la Conférence des Parties... ***se tiendront*** *en même temps que les réunions ordinaires de la...*

В отличие от единоразовых обязательств, в настоящем положении вербализована циклическая нормативная структура, что отражается в специфике языкового оформления во всех трех языках. Модель активирует сложную когнитивную структуру, объединяющую несколько модальных компонентов, таких как обязательность проведения совещаний в указанном формате, неизбежность и предсказуемость события. Французский вариант опирается на телесно-ориентированную схему НАБЛЮДАЕМОЙ РЕГУЛЯРНОСТИ природных циклов (смена времен года, суточные ритмы), метафорически проецируемую на институциональные процедуры). Futur simple подчеркивает неотвратимость наступления очередного цикла.

Несмотря на структурную грамматическую асимметрию, все три варианта демонстрируют концептуальный изоморфизм, реализуя единый когнитивный инвариант: [ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ] + [ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ] + [РЕГУЛЯРНАЯ ИТЕРАТИВНОСТЬ] + [ТЕМПОРАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ В БУДУЩЕЕ]

В некоторых случаях модальность долженствования выражается в русском языке кратким прилагательным должен+инфинитив, во французском – *devoir*+инфинитив, в то время как в тексте на английском языке по-прежнему используется конструкция *shall*+инфинитив. В качестве примера можно привести статью 10.4, касающуюся обоснования решений:

...в решениях, принимаемых в рамках пункта 3, ***должны приводиться*** *доводы, лежащие в основе решения.*

...a decision under paragraph 3 above, ***shall set out*** *the reasons on which it is based.*

...les décisions visées au paragraphe 3 ci-dessus ***doivent indiquer*** *les raisons qui les ont motivées.*

Таким образом, в русском и французском языках для акцентирования требований и устранения двусмысленности употребляется не просто

перформативное настоящее время, а краткое прилагательное с модальным значением *должен* и модальный глагол *devoir*. Обязательность обоснования решений концептуализируется как критически важная норма, обеспечивающая прозрачность и подотчетность за счет грамматического выделения в русском и французском языках и контекстуального выделения в английском (положение в структуре статьи о процедуре принятия решений; связь с принципом транспарентности; потенциальное усиление через лексику *shall set out* – акцент на детальном изложении).

Тем не менее для выражения долженствования в статье 30.1, в которой речь идет о функциях вспомогательного органа, в тексте на русском языке употреблено краткое прилагательное с модальным значением *должен*+инфинитив, в то время как в английском и французском текстах употребляются наиболее частотные *shall*+инфинитив и глагол в настоящем времени:

...в этом случае Совещание Сторон определяет те функции, которые ***должен выполнять*** *данный орган.*

...in which case the meeting of the Parties shall specify which functions that body ***shall exercise.***

...auquel cas la Réunion des Parties spécifie les fonctions ***exercées*** *par cet organe.*

Таким образом, в положениях текста на английском языке наблюдается бóльшая грамматическая унификация, в то время как в русском и французском вариантах очевидна вариативность при выражении модальности долженствования. Использование различных средств для установления обязательной нормы хотя и не влияет на ее выполнение с юридической точки зрения, но свидетельствует о неполной стилистической эквивалентности трех текстов. Несмотря на структурную асимметрию тексты на трех языках являются функционально эквивалентными за счет сохранения инвариантной ментальной модели [СОВЕЩАНИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ] →

[ОРГАН ОБЯЗАН ВЫПОЛНЯТЬ] → [ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ].

Тем не менее в положениях, носящих рекомендательный характер, в русском тексте также используется краткое прилагательное с модальным значением *должен*, в то время как в английском языке употреблены конструкции *should*+инфинитив и *devoir* (в форме условного наклонения) + инфинитив (5). Несмотря на то, что краткое прилагательное *должен* в русском языке является семантически гибким и может выражать как обязательство, так и рекомендацию [Курганова, Новиков, 2026, С. 1764], варианты выражения рекомендации в конкретном случае в английском и французском языках носят более мягкий характер, как, например, в статье 17.3:

Любое уведомление, направляемое в соответствии с пунктом 1 выше, ***должно содержать…***

Any notification arising from paragraph 1 above, ***should include****…*

Toute notification donnée en vertu du paragraphe 1 ci-dessus ***devrait comporter*** *les éléments suivants…*

Следует также отметить, что прямой эквивалент английского *should* и французского *devoir* (в условном наклонении) – глагол *следует* – для выражения рекомендации в тексте соглашения не встречается ни разу. В статье 21.1 он употреблен наравне с конструкцией *to be to*+инфинитив в английском и *il faut que* во французском для выражения обязательного способа рассмотрения той или иной информации:

Сторона импорта разрешает уведомителю указать, какую информацию из представленной... по данному Протоколу ***следует рассматривать*** *в качестве конфиденциальной.*

The Party of import shall permit the notifier to identify information submitted... that ***is to be treated*** *as confidential.*

*La Partie importatrice autorise l'auteur de la notification à indiquer quelles sont, parmi les informations communiquées... celles qu'**il faut considérer** comme confidentielles.*

Хотя все три языковые версии устанавливают юридически эквивалентную норму, они делают это с разной степенью деонтической силы. Русская версия использует модальность, близкую к процедурной рекомендации, в то время как английская и французская прибегают к более категоричным формам долженствования.

Модальность может быть выражена не только конструкциями с модальными глаголами, но и лексическими средствами, как, например, в статье 8.1:

*Сторона экспорта уведомляет или **требует, чтобы** экспортер **обеспечил** уведомление в письменном виде национального компетентного органа Стороны импорта...*

*The Party of export shall notify, or **require the exporter to ensure** notification to, in writing, the competent national authority of the Party of import...*

*La Partie exportatrice adresse, ou **exige que** l'exportateur **veille à adresser**, par écrit, à l'autorité nationale compétente de la Partie importatrice, une notification...*

В результате анализа были выявлены следующие способы выражения модальности в текстах Картахенского протокола на трех языках.

Таблица 1 – Способы выражения модальности в текстах Картахенского протокола.

RU	**EN**	**FR**	**итого**
настоящее время	shall + инфинитив	présent de l’indicatif	92
настоящее время	shall + инфинитив	devoir (в изъявительном наклонении + инфинитив)	4
настоящее время	shall + инфинитив	futur simple	4
должен + инфинитив	should + инфинитив	devoir (в условном накл.) + инфинитив	5
должен + инфинитив	shall + инфинитив	devoir (в изъявительном	3

		наклонении + инфинитив)	
следует + инфинитив	to be + инфинитив	il faut que	1
требует, чтобы	require + [объект] + to + инфинитив	exige que + сослагательное наклонение	3

Источник: Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии (2000 г.)

Таким образом, анализ позволяет установить наличие системных различий в способах выражения модальности долженствования, отражающих особенности различных правовых и языковых традиций.

В тексте на английском языке применяется унифицированный подход, основанный на последовательном использовании грамматической конструкции *shall* + инфинитив. Эта конструкция служит стандартным средством для выражения любого юридического обязательства, обеспечивая стилистическое единство документа и формальную равнозначность всех предписаний. При таком подходе определение степени важности отдельной нормы требует анализа ее содержания и контекста.

В текстах на русском и французском языках, напротив, наблюдается вариативность. Для установления стандартных процедурных норм, как правило, используется глагол в форме настоящего времени. В случаях, когда необходимо акцентировать обязательный характер требования или его качественные аспекты, вводятся краткое прилагательное с модальным значением *должен* и модальный глагол *devoir*. Такое разграничение позволяет установить смысловую иерархию правовых норм непосредственно на языковом и прагматическом уровне, выделяя ключевые обязательства.

Вместе с тем в результате анализа выявлены случаи неполной эквивалентности, в частности, при передаче рекомендательного значения. Семантическое различие между русским *должен* и его английскими и французскими функциональными эквивалентами (*shall/should,devoir/devrait*) определяется их грамматическим статусом. В английском и французском языках речь идет о модальных глаголах

с грамматикализованными оппозициями, позволяющими формально разграничивать категоричное обязательство и рекомендацию. Русский *должен*, напротив, представляет собой краткое прилагательное, не обладающее видо-временной парадигмой и не имеющее специальной формы для выражения ослабленной деонтической силы. Именно эта грамматическая недифференцированность обусловливает его семантическую гибкость: одна и та же форма может передавать как строгое обязательство, так и рекомендательное значение.

С позиций биокогнитивного подхода это означает, что в русском языке точная степень деонтической силы не извлекается непосредственно из грамматической формы, а конструируется реципиентом на основе контекста. В английском и французском юридическом дискурсе, напротив, различия между обязательством и рекомендацией чаще получают эксплицитное грамматическое выражение, что снижает зависимость интерпретации от контекста. Данное различие соотносится и с более широкой типологией коммуникативных культур: для русской традиции в большей степени характерна опора на имплицитную информацию, тогда как для английской и французской – стремление к формальному маркированию семантических различий.

Такая структурная асимметрия имеет значение для интерпретации аутентичных юридических текстов. В тех случаях, когда русскому *должен* соответствуют английское *should* и французское *devrait*, русскоязычный реципиент может по умолчанию воспринимать норму как более категоричную, чем это следует из англо- и франкоязычных версий. Следовательно, в случае с русским текстом необходим более широкий контекстуальный анализ, позволяющий установить фактическую степень деонтической силы. Вместе с тем различие между эксплицитной грамматической стратегией в английском и французском языках и имплицитной контекстной стратегией в русском не разрушает содержательного инварианта, поскольку функциональная эквивалентность

в многоязычных юридических текстах обеспечивается на уровне прагматического эффекта.

Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях

В Стокгольмской конвенции наиболее частотным вариантом выражения модальности долженствования, как и в случае с Картахенским протоколом, является использование глагола в настоящем времени в русском тексте, конструкции *shall*+инфинитив – в английском и настоящего времени (Présent de l'indicatif) во французском (116).

Одним из способов выражения модальности является вариант, при котором во французском языке употреблена конструкция *devoir* (в форме изъявительного наклонения) + инфинитив, а не настоящее время (6), как, например, в статье 3.2:

Такой сертификат ***определяет*** *предполагаемое использование химического вещества и* ***включает*** *заявление...*

Such certification ***shall specify*** *the intended use of the chemical and* ***include*** *a statement...*

Cette certification ***doit préciser*** *l'utilisation prévue de la substance chimique et* ***comprendre*** *une déclaration...*

С точки зрения установления категоричного, неоспоримого обязательства настоящее положение является эквивалентным во всех трех вариантах, однако с точки зрения прагматического воздействия на реципиента очевидны расхождения за счет более эксплицитного выражения модальности во французском тексте.

Чаще можно встретить случай употребления, когда русскому *должен* соответствует Présent de l'indicatif во французском языке при сохранении *shall* в английском (5), например, в Приложении B, Часть II:

Производство и применение ДДТ ***должно быть прекращено...***

The production and use of DDT ***shall be eliminated...***

La production et l'utilisation du DDT ***sont éliminées****…*

Встречаются также и лексические способы выражения модальности долженствования, как, например, конструкции *обязываться* + инфинитив и эквиваленты в английском и французском языках *to undertaks (to)* + инфинитив, *s'engager (à)* + инфинитив (ст. 13.1):

*Каждая Сторона **обязуется оказывать**, в рамках своих возможностей, финансовую поддержку и содействие...*

*Each Party **undertakes to provide**, within its capabilities, financial support and incentives...*

*Chaque Partie **s'engage à fournir**, dans la mesure de ses moyens, un appui et des incitations d'ordre financier...*

В настоящем примере наблюдается высокая степень структурной и семантической эквивалентности, а способ выражения долженствования представляет собой перформативный акт, что подчеркивает субъектность и активную роль сторон в создании правового режима Конвенции.

Одним из способов лексического выражения модальности является конструкция *необходимо* + инфинитив в русском тексте Приложения F. В то время как в русском тексте подчеркивается настоятельная необходимость предоставления конкретного типа информации, в текстах на английском и французском языках настоящее положение вербализовано в качестве рекомендации посредством конструкций *should*+инфинитив и *devoir* (в условном наклонении) + инфинитив:

*Для этой цели **необходимо обеспечить** соответствующую информацию, касающуюся социально-экономических соображений...*

*For this purpose, relevant information **should be provided** relating to socio-economic considerations...*

*À cette fin, des informations pertinentes **devraient être fournies** sur les incidences socioéconomiques...*

При анализе более широкого контекста выявлено, что в случае с русским текстом по сравнению с английским и французским вариантами можно говорить о прагматическом усилении в рамках настоящего

положения. Для выполнения обязательного условия принятия решения Конференцией Сторон требуется информация. Следовательно, рекомендация по ее предоставлению в настоящем контексте становится функционально эквивалентной требованию, поскольку в случае невыполнения реализация основного обязательства также становится невозможной. Имплицитное, но необходимое с логической точки зрения условие для достижения результата в тексте на русском языке выражено эксплицитно.

Тем не менее, настоящее положение документа на трех языках, являющееся результатом разного опыта взаимодействия со средой, создает разные когнитивные ориентиры для деятельности. В рамках русскоязычной версии ситуация конструируется как безальтернативная. В языковой и, соответственно, когнитивной картине мира в рамках текстов на английском и французском языках очевидно наличие выбора.

Однозначный рекомендательный характер положений выражен в русском варианте модальными конструкциями *следует*+инфинитив и *должен*+инфинитив. В английском и французском текстах им соответствуют конструкции *should*+инфинитив и *devoir* (в условном наклонении) + инфинитив. Обратимся к рассмотрению примеров из статей 13.2 и преамбулы документа:

...Кроме того, ***следует поощрять*** *взносы из других источников.*

...*Contributions from other sources* ***should*** *also* ***be encouraged.***

...Les contributions d'autres sources ***devraient*** *également* ***être encouragées.***

...национальные власти ***должны стремиться*** *содействовать интернализации экологических издержек...*

...*national authorities* ***should endeavour*** *to promote the internalization of environmental costs...*

...les autorités nationales ***devraient s'efforcer*** *de promouvoir l'internalisation des coûts...*

Положение статьи 13.2 носит рекомендательный характер, точно так же, как и преамбула. Однако в русском тексте средства выражения различаются, на примере преамбулы становится очевидна полисемия русского краткого прилагательного с модальным значением *должен*. В отличие от английского языка, где есть четкая пара *shall* (обязан)/ *should* (следует), или французского, где есть пара *doit* (обязан)/ *devrait* (следует), в русском языке краткое прилагательное с модальным значением *должен* служит для выражения как обязательства, так и рекомендации в зависимости от контекста. Следовательно, в конкретном случае только сопоставление с аутентичными текстами на английском и французском языках позволяет однозначно разрешить эту двусмысленность.

В то же время, настоящее положение является цитатой Принципа 16 Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде 1992 года, которая имеет официальный перевод на русский язык. Краткое прилагательное с модальным значением *должен* в большей степени соответствует декларативному характеру заявления, в котором провозглашаются фундаментальные ценности и принципы.

Ниже представлены способы выражения модальности в текстах на трех языках.

Таблица 2 – Способы выражения модальности в Стокгольмской конвенции.

RU	**EN**	**FR**	**итого**
настоящее время	shall + инфинитив	présent de l'indicatif	115
настоящее время	shall + инфинитив	devoir (в изъявительном наклонении + инфинитив)	8
следует + инфинитив	should + инфинитив	devoir (в условном накл.) + инфинитив	6
должен + инфинитив	should + инфинитив	devoir (в условном накл.) + инфинитив	2
должен + инфинитив	shall + инфинитив	présent de l'indicatif	5
обязуется + инфинитив	undertakes to + infinitive	s’engage à + infinitif	1
необходимо + инфинитив	need for / necessary to	il est nécessaire de / nécessité de	4

Источник: Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях (СОЗ) (2001 г.)

Проведенный сопоставительный анализ способов выражения модальности долженствования в аутентичных текстах Стокгольмской конвенции на русском, английском и французском языках позволяет сделать вывод о прагматической эквивалентности положений документа. Выявленные случаи ассиметричной модальности в текстах являются прямым следствием различных способов концептуализации одной и той же проблемы в разных языковых картинах мира.

Как и в Картахенском протоколе, основным инструментом для установления строгой, юридически обязывающей нормы является соответствие: глагол в настоящем времени в русском тексте, конструкция *shall* + инфинитив в английском и Présent de l'indicatif во французском. Оно является наиболее частотным (116 случаев), что свидетельствует о наличии устоявшегося межъязыкового стандарта для кодификации категорических предписаний. При этом в тексте на французском языке наблюдается стилистическая вариативность в большей степени, чем в английском и русском: для той же цели периодически используется более эксплицитная модальная конструкция *devoir* + инфинитив (8 случаев), что указывает на стремление к максимальной однозначности.

Значение русского краткого прилагательного с модальным значением *должен* может быть однозначно определено либо через анализ более широкого контекста в рамках документа, либо через сопоставительный анализ. В случаях, когда краткое прилагательное *должен* соответствует английскому *shall* и французскому Présent de l'indicatif (5 случаев), он однозначно трактуется как выражение строгого обязательства. И наоборот, когда ему соответствуют *should* и *devoir* в условном наклонении (2 случая), он выражает рекомендацию.

Наряду с грамматическими средствами, в Конвенции используются лексические способы выражения модальности. Конструкция *обязуется* / *undertakes to* / *s'engage à* при высокой степени межъязыковой эквивалентности выполняет перформативную функцию, представляя

обязательство как акт волеизъявления Сторон. Особый интерес представляет случай асимметричной модальности в Приложении F, где русская конструкция *необходимо обеспечить* выражает строгую необходимость, в то время как английская и французская версии (*should be provided / devraient être fournies*) с грамматической и прагматической точек зрения являются рекомендацией.

Протокол по стратегической экологической оценке к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте

В Протоколе по СЭО в сравнении с двумя документами, проанализированными выше, наблюдается большая структурная эквивалентность в способах выражения модальности и меньшая грамматическая и лексическая вариативность.

В результате сопоставительного анализа выявлено, что наиболее частотным способом, как и в случае с Картахенским протоколом и Стокгольмской конвенцией является следующее соответствие: глагол в настоящем времени в русском тексте, конструкция *shall* + инфинитив в английском и Présent de l'indicatif во французском (54 случая).

Модальность долженствования в тексте документа также может быть выражена конструкцией *должен*+инфинитив в русском тексте, *shall* + инфинитив – в английском и глаголом в настоящем времени (Présent de l'indicatif) во французском, например, в статье 12.2, в которой речь идет о строгом юридическом обязательстве по информированию:

Результаты мониторинга ***должны доводиться*** *[…] до сведения органов […] и общественности.*

The results of the monitoring […] ***shall be made available*** *[…] to the authorities […] and to the public.*

Les résultats des activités de suivi […] ***sont communiqués*** *[…] aux autorités […] ainsi qu'au public.*

Также краткое прилагательное с модальным значением *должен* употребляется и для выражения рекомендации в Приложении IV:

*Такие последствия **должны включать** побочные, кумулятивные […] последствия.*

*These effects **should include** secondary, cumulative […] effects.*

*Ces effets **devront englober** les effets secondaires, cumulatifs...*

Таким образом, в русском тексте Протокола конструкция *должен* + инфинитив используется для передачи разных оттенков долженствования. Определить точное значение – строгий приказ или настоятельная рекомендация – можно только с помощью контекста и, в данном случае, благодаря сопоставлению с английской и французской версиями.

Ниже представлена таблица, иллюстрирующая способы выражения модальности долженствования в текстах на трех языках:

Таблица 3 – Способы выражения модальности в Протоколе по СЭО.

RU	EN	FR	итого
настоящее время	shall + инфинитив	présent de l'indicatif	54
должен + инфинитив	should + инфинитив	devoir (в условном накл.) + инфинитив	1
должен + инфинитив	shall + инфинитив	devoir (в futur simple) + инфинитив	1
должен + инфинитив	shall + инфинитив	présent de l'indicatif	2

Источник: Протокол по стратегической экологической оценке (2003 г.)

Структурная унификация текста документа на трех языках и низкая степень вариативности в способах выражения обязательства и рекомендации прагматически оправдана целью документа – стандартизировать сложный процесс экологической оценки.

Протокол о регистрах выбросов и переноса загрязнителей к Конвенции 1998 года о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды

В Протоколе о регистрах выбросов и переноса загрязнителей преобладающим способом выражения строгого предписания также является соответствие в трех языках, при котором в русском тексте глагол употреблен

в настоящем времени, в английском использована конструкция *shall*+инфинитив, а во французском – глагол во времени Présent de l'indicatif (67).

В трех случаях во французском тексте русскому глаголу в настоящем времени и английскому *shall* соответствует глагол во времени Futur simple, как, например, в статье 20.8:

...после чего эта поправка к приложению ***вступает*** *в силу для этой Стороны.*

...whereupon the amendment to an annex ***shall enter*** *into force for that Party.*

...après quoi l'amendement à une annexe ***entrera*** *en vigueur à l'égard de cette Partie.*

Употребление будущего времени во французском тексте используется для описания действий, которые гарантированно и неизбежно произойдут в будущем как следствие выполнения определенных юридических процедур (например, вступление в силу поправки).

В статье 12.1 настоящему времени в русском языке и конструкции *shall*+инфинитив в английском соответствует французский модальный глагол *devoir* в изъявительном наклонении, что подчеркивает строгость предписания:

Вышеупомянутые основания для сохранения конфиденциальности ***толкуются*** *ограничительно...*

The aforementioned grounds for confidentiality ***shall be interpreted*** *in a restrictive way...*

Les motifs susmentionnés de préservation de la confidentialité ***doivent être interprétés*** *de manière restrictive...*

В статье 17.1 содержится предписание относительно проведения внеочередной сессии Совещания Сторон. Тем не менее во французском тексте использован глагол *pouvoir*, что приводит к смещению фокуса с самого субъекта, на его действия и полномочия:

...Совещание Сторон ***проводит*** *внеочередную сессию, если оно принимает соответствующее решение...*

...The Meeting of the Parties ***shall hold*** *an extraordinary session if it so decides...*

...La Réunion des Parties ***peut tenir*** *une session extraordinaire si elle en décide ainsi...*

Таким образом, в настоящем примере можно говорить о неполной прагматической эквивалентности французского текста относительно русской и английской версий. Хотя в более широком контексте документа глагол *pouvoir* частично отражает прескриптивный характер нормы, основной акцент сделан на определенную компетенцию, которой обладает Совещание Сторон.

Таблица 4 – Способы выражения модальности в Протоколе о РВПЗ:

RU	**EN**	**FR**	**итого**
настоящее время	shall + инфинитив	présent de l’indicatif	67
настоящее время	shall + инфинитив	devoir (в изъявительном наклонении + инфинитив)	1
настоящее время	shall + инфинитив	futur simple	3
настоящее время	shall + инфинитив	pouvoir + инфинитив	1
следует + инфинитив	should + инфинитив	devoir (в условном накл.) + инфинитив	2

Источник: Протокол о регистрах выбросов и переноса загрязнителей (2003 г.)

В результате анализа способов выражения модальности долженствования в трех языковых версиях Протокола о регистрах выбросов и переноса загрязнителей выявлена четкая иерархия структурных соответствий. Установлено, что основной и статистически преобладающей моделью (67 случаев) для передачи строгого предписания является конструкция, при которой глаголу в настоящем времени в русском тексте соответствуют английский модальный глагол *shall* и французский глагол в Présent de l’indicatif.

Вместе с тем в ходе исследования выявлен ряд стилистически и семантически мотивированных отклонений от этой модели, особенно во французской версии документа. Так, для описания неизбежных юридических последствий, наступающих в будущем, используется Futur simple, а для эксплицитного усиления модальности долженствования – глагол *devoir* в изъявительном наклонении.

Наиболее существенным с точки зрения прагматики является уникальный случай употребления глагола *pouvoir* (1) в качестве эквивалента английскому *shall* и русскому глаголу в форме настоящего времени. В контексте положения документа во французской версии фокус смещается с прямого предписания на наделение субъекта права соответствующей компетенцией или полномочиями. Такой подход приводит к неполной прагматической эквивалентности, поскольку в английской и русской версиях норма сформулирована как прямой императив, в то время как в случае с французским текстом обязательство представлено через наделение субъекта юридическими полномочиями.

Международное соглашение по тропической древесине

Преобладающим способом выражения модальности долженствования в Международном соглашении по тропической древесине, как и в остальных проанализированных в рамках настоящего исследования текстов, выступает такое соответствие, как глагол в настоящем времени в русском тексте, конструкция *shall*+инфинитив в английском и Présent de l’indicatif во французском (106).

Тем не менее в ходе исследования были выявлены и иные способы выражения прескриптивного характера нормы.

Так, в пяти случаях во французском тексте использовано время Futur simple. Как уже отмечалось выше, в настоящем контексте глагол в форме будущего времени указывает на неоспоримый и неизбежный характер результата действия правовой нормы, как, например в статье 36.1 или 44.1:

Настоящее Соглашение ***открыто*** *для подписания...*

*This Agreement **shall be** open for signature...*

*Le présent Accord **sera** ouvert à la signature...*

*Настоящее Соглашение **остается** в силе в течение десяти лет...*

*This Agreement **shall remain** in force for a period of 10 years...*

*Le présent Accord **restera** en vigueur pendant une période de 10 ans…*

В двух примерах, представленных выше, будущее время использовано для обозначения определенных этапов жизненного цикла Соглашения, как, например, подписание и срок действия, и выполняет при этом декларативную функцию, подчеркивая неизбежность наступления указанных событий.

Одним из способов выражения модальности долженствования в Соглашении по тропической древесине на английском языке является конструкция *to be* + to-infinitive, которой соответствует модальная конструкция *être* + *de* + инфинитив во французском тексте. В русском языке в этом случае предписание выражается настоящим временем (статья 1):

*Цели Международного соглашения по тропической древесине 2006 года... **заключаются** в поощрении расширения и диверсификации международной торговли...*

*The objectives of the International Tropical Timber Agreement, 2006... **are to promote** the expansion and diversification of international trade...*

*Les objectifs de l'Accord international de 2006 sur les bois tropicaux... **sont de promouvoir** l'expansion et la diversification du commerce international…*

С юридической точки зрения расхождений в положении этой статьи не выявлено. Во всех трех вариантах отражено, что цели соглашения представляют собой *поощрение расширения и диверсификации*. Тем не менее конструкции *to be* + to-infinitve (выражена в тексте сочетаниями *are to promote* и *ê*tre + инфинитив (выражена в тексте через *sont de promouvoir*) выполняют не дескриптивную, а прескриптивную функцию. Следовательно, они служат стимулом для имплицитной актуализации более высокой степени деонтической модальности, которая подчеркивает неотвратимость

исполнения положения документа. В русской версии прагматический аспект директивности основной задачи выражен слабее, выполняя скорее констатирующую, а не предписывающую функцию.

Как уже было отмечено относительно рассмотренных ранее документов, в русском и французском вариантах настоящего Соглашения наблюдается большая вариативность при выражении модальности в сравнении с английским текстом. Так, в статье 40.2 речь идет об установлении срока принятия поправок:

*Совет устанавливает срок, к которому участники ... **уведомляют** депозитария о принятии ими поправки.*

*The Council shall fix a date by which members **shall notify** the depositary of their acceptance of the amendment.*

*Le Conseil fixe la date à laquelle les membres **doivent avoir notifié** au dépositaire qu'ils acceptent l'amendement.*

Во французской версии наблюдается четкое грамматическое разграничение двух типов действий. Действие *Совет устанавливает / Le Conseil fixe* выражено глаголом в настоящем времени (Présent de l'indicatif), что указывает на его регулярную процедурную функцию. В то же время, вытекающее из этого действия обязательство участников *участники должны уведомить / les membres doivent avoir notifié* выражено через модальную конструкцию, что подчеркивает императивный характер. В английском тексте использована конструкция *shall* для обоих действий *The Council shall fix... members shall notify....* В русском языке использован глагол в форме настоящего времени.

Использование инфинитива в прошедшем времени (infinitif passé) во французском тексте вносит завершенность в общий контекст. Эта форма выражает не просто обязательство совершить действие в будущем, а обязательство «иметь действие совершенным» к наступлению установленного срока. С юридической точки зрения такая конструкция служит цели устранения любой двусмысленности: недостаточно просто

начать процесс уведомления до наступления обозначенного срока; к этому моменту стороны должны завершить процесс уведомления.

Описанное ниже регулярное соответствие (3) представляет собой случай, когда обязательство, выраженное эксплицитно в русском и английском языках, во французском актуализируется посредством «предписывающего настоящего» (Présent prescriptif). В юридическом контексте настоящее время во французском языке приобретает силу закона или строгого предписания, как, например, в статье 14.6, в которой говорится о нейтралитете персонала:

*Они **должны воздерживаться** от любых действий, которые могут отрицательно отразиться на их положении...*

*They **shall refrain** from any action which might reflect adversely on their positions...*

*Ils **s'abstiennent** de tout acte susceptible d'avoir des incidences défavorables sur leur situation...*

В отличие от случая, представленного выше, когда русскому *должен* соответствует французское *devoir*, предписывающее ситуативное, конкретное действие, в настоящей статье отражен постоянный принцип поведения, и предписывающее настоящее отражает это значение непреложного правила.

Модальность долженствования также может быть выражена лексически посредством следующего соответствия: *обязуется* + инфинитив/ *undertakes to + infinitive/ s'engage à + infinitif.* Такой случай лексического выражения обязательства встречается в тексте один раз в статье 29.2:

*В соответствии с положениями настоящего Соглашения участники **обязуются признавать** и выполнять решения…*

*Members **undertake to accept** and carry out the […] under the provisions of this Agreement...*

*Les membres **s'engagent à accepter** et à appliquer les décisions […] en vertu des dispositions du présent Accord…*

Ни одно из положений документа не носит рекомендательного характера в текстах на русском и французском языках. Глагол *следует* или краткое прилагательное *должен* в значении рекомендации не употреблены ни разу, как и глагол *devoir* в форме условного наклонения. Тем не менее в статье 24.2, посвященной программной работе, наблюдается явная грамматическая и юридическая асимметрия в английском тексте по сравнению с русским и французским. Обязательство, выраженное в русском и французском текстах наиболее однозначным и прямым способом – *должен* и *devoir* соответственно – не отражено в английском тексте. В нем положение носит рекомендательный характер, выраженный конструкцией *should* + инфинитив**:**

Программная работа Организации ***должна вносить*** *вклад в достижение целей настоящего Соглашения для членов МОТД в целом.*

The policy work of the Organization ***should contribute*** *to achieving the objectives of this Agreement for ITTO members broadly.*

Les activités de politique générale de l'Organisation ***doivent contribuer*** *à la réalisation des objectifs du présent Accord pour tous les membres de l'OIBT.*

Это семантическое расхождение создает юридическую неоднозначность: если в рамках английского текста допускается более гибкое толкование степени обязательности, то в русском и французском вариантах требуется его неукоснительное исполнение. Подобная асимметрия в выражении модальности также основана на различиях воплощенного опыта, который служит для концептуализации модальности в языковой и когнитивной картине мира определенного социума. В английском варианте документа обязательство конструируется как свободный выбор и партнерство, в то время как в русском и французском – как жесткое ограничение и безальтернативный путь для дальнейших действий. Поскольку мышление и язык неразрывно связаны с физическим опытом, реципиенты текста документа по-разному воспринимают норму в зависимости от языка, на котором он составлен, что создает препятствие для достижения

подлинного консенсуса. Участники соглашения, читая формально аутентичные документы, на самом деле концептуализируют его положения в рамках разных моделей взаимодействия.

Ниже представлены системные соответствия выражения модальности долженствования в тексте документа на трех языках.

Таблица 5 – Способы выражения модальности в Международном соглашении по тропической древесине.

RU	EN	FR	итого
настоящее время	shall + инфинитив	présent de l'indicatif	106
настоящее время	shall + инфинитив	futur simple	5
настоящее время	to be + инфинитив	être + de + инфинитив	1
должен + инфинитив	shall + инфинитив	devoir (в изъявительном наклонении + инфинитив)	4
должен + инфинитив	shall + инфинитив	présent de l'indicatif	3
обязуется + инфинитив	undertakes to + infinitive	s'engage à + infinitif	1
должен + инфинитив	should + инфинитив	devoir (в изъявительном наклонении + инфинитив)	1

Источник: Международное соглашение по тропической древесине (2006 г.)

Сопоставительный анализ способов выражения долженствования в трех текстах Международного соглашения по тропической древесине показывает, что, несмотря на наличие одного доминирующего способа выражения обязательства, наблюдаются отклонения от этого соответствия.

Например, во французском тексте отмечается наиболее точная передача временных аспектов за счет использования будущего времени (Futur simple) для установления ключевых сроков действия документа и инфинитив в прошедшем времени для подчеркивания необходимости завершить действие к определенной дате. В русском и французском текстах также проводится четкое разграничение описания регулярных процедур (через настоящее время) и конкретных, строгих обязательств, для которых используются более императивные конструкции (*должен*, *devoir*) в отличие от английской версии, где использование *shall* имеет более универсальный

характер, а точный характер нормы зачастую интерпретируется с опорой на контекст.

Наиболее значимым результатом анализа конкретного документа представляется выявление случаев неполной эквивалентности между текстами, обладающего потенциальными юридическими последствиями. Так, например, в русской формулировке основной цели Соглашения ослаблена ее директивная сила. Однако еще более наглядный пример встречается в статье 24.2: в английском тексте глаголом *should* норма формулируется как рекомендация, в то время как в русском и французском (должна и *doivent*) – как категорическое обязательство.

Протокол о гражданской ответственности и компенсации

В рамках проведенного анализа можно прийти к выводу, что наибольшая структурная симметрия способов выражения модальности и наименьшая степень вариативности в способах ее выражения наблюдается в Протоколе о гражданской ответственности и компенсации. Основным для выражения обязательного предписания является стандартное соответствие, при котором используется глагол в настоящем времени в русском тексте, конструкция *shall* + инфинитив в английском и Présent de l'indicatif во французском (39). В двух случаях модальность долженствования выражена временем Futur simple во французском языке при сохранении настоящего времени в русском и конструкции *shall*+инфинитив в английском.

Таблица 6 – Способы выражения модальности в протоколе о гражданской ответственности.

RU	EN	FR	итого
настоящее время	shall + инфинитив	présent de l'indicatif	39
настоящее время	shall + инфинитив	futur simple	2

Источник: Протокол о гражданской ответственности и компенсации за ущерб, причиненный трансграничным воздействием промышленных аварий на трансграничные воды к Конвенции 1992 года о трансграничном воздействии промышленных аварий (2003 г.)

В тексте документа выявлено одно положение рекомендательного характера, что отражено в текстах на английском и французском языках

глаголами *should* и *devrait*, однако в русском тексте рекомендательный характер этого положения (Приложение III, 16) остается невыраженным:

Арбитражный суд выносит свое решение […] если только он не сочтет необходимым продлить этот срок на период, ***не превышающий*** *пяти месяцев.*

The arbitral tribunal shall render its award […] unless it finds it necessary to extend the time limit for a period which ***should not exceed*** *five months.*

Le tribunal arbitral rend sa sentence […] à moins qu'il ne juge nécessaire de prolonger ce délai d'une durée qui ne ***devrait pas excéder*** *cinq mois.*

С одной стороны, использование причастия *не превышающий* в большей степени соответствует узусу русского официально-делового языка с целью установления четкого предела. С другой стороны, выбор причастия в этом случае приводит к утрате важного юридического нюанса. В английской версии использован модальный глагол *should* и его французский эквивалент *devrait* для обозначения не абсолютного запрета, а настоятельной рекомендации. В результате употребления формы причастия смысл *should not* фактически сближается со смыслом *shall not*. При этом стирается иерархическое разграничение нормы, отраженное в текстах на английском и французском языках.

Парижское соглашение

В результате сопоставительного анализа текстов Парижского соглашения на русском, английском и французском языках выявлено, что наиболее частотными способами выражения строгого обязательства, возложенного на стороны, является настоящее время для глаголов в русском и французском языках и конструкция *shall*+инфинитив в английском языке [Курганова, Новиков, 2024, С. 299].

Настоящий вариант выражения модальности долженствования представлен в статье 4.2:

Each Party ***shall prepare****, communicate and maintain […] nationally determined contributions... Parties* ***shall pursue*** *domestic mitigation measures...*

*Каждая Сторона **подготавливает**, сообщает и сохраняет […] определяемые на национальном уровне вклады... Стороны **принимают** внутренние меры...*

*Chaque Partie **établit**, communique et actualise les contributions déterminées au niveau national... Les Parties **prennent** des mesures internes pour l'atténuation...*

Наиболее частотным способом выражения рекомендации в текстах на русском языке является конструкция *следует*+инфинитив, *should*+инфинитив – для английского языка и *devoir* (в условном наклонении) + инфинитив во французском языке, как, например, в преамбуле документа:

*Acknowledging that […], Parties **should** […] respect, promote and consider their […] obligations on...*

*признавая, что […], Сторонам **следует** […] уважать, поощрять и принимать во внимание свои […] обязательства в области...*

*Conscientes que […] les Parties **devraient** respecter, promouvoir et prendre en considération leurs obligations […] concernant...*

Кроме того, для передачи рекомендательного характера положения документа в варианте на русском языке также используется конструкция *должен*+инфинитив. Настоящее положение может быть проиллюстрировано примером из статьи 9.3:

*Такая мобилизация финансовых средств для борьбы с изменением климата **должна представлять собой** продвижение вперед сверх предыдущих усилий…*

*Such mobilization of climate finance **should represent** a progression beyond previous efforts…*

*Cette mobilisation de moyens de financement de l'action climatique **devrait représenter** une progression par rapport aux efforts antérieurs…*

Краткое прилагательное с модальным значением *должен* в русском языке обладает более гибкой семантикой, его значение может варьироваться в зависимости от контекста и указывать как на обязательство, так и на

рекомендацию. Значение прилагательного в каждом конкретном случае может быть определено в зависимости от контекста. В случае с настоящим положением Парижского соглашения краткое прилагательное с модальным значением *должен* выражает не приказ, а констатирует принципиальную необходимость. Следовательно, способы выражения модальности в текстах на трех языках можно назвать функционально эквивалентными. Тем не менее, в отличие от форм *should* и *devrait* в английском и французском языках, в форме *должен* нет смягчения, она звучит более категорично и прямолинейно, сила выражения необходимости смягчается лишь в рамках общего контекста.

В ходе анализа также была выявлена модель соответствий в использовании форм модального глагола, при которой в русском варианте употреблена форма настоящего времени, в английском – *shall*, а во французском – глагол в форме будущего времени (Futur simple), как, например, в статье 11.5

The Conference of the Parties […] ***shall*** *[…] consider and adopt a decision on the initial institutional arrangements for capacity-building.*

Конференция Сторон […] ***рассматривает*** *и* ***принимает*** *решение о первоначальных институциональных механизмах для укрепления потенциала.*

La Conférence des Parties […] ***examinera*** *и* ***adoptera*** *une décision sur les dispositifs institutionnels initiaux relatifs au renforcement des capacités.*

В юридическом дискурсе французского языка Futur simple зачастую используется для выражения строгого обязательства или предписания (Futur prescriptif). В этом значении по силе прагматического воздействия такое использование будущего времени эквивалентно английскому *shall* и русскому нормативному настоящему времени. Тем не менее, во французском языке основной акцент направлен на неизбежный характер реализации положения Соглашения. Действие преподносится как предопределенное и гарантированное будущее событие.

Таким образом, в результате анализа текстов Парижского соглашения были выявлены следующие способы выражения модальности долженствования в трех языках.

Таблица 7 – Способы выражения модальности в текстах Парижского соглашения.

RU	**EN**	**FR**	**Итого**
настоящее время	shall + инфинитив	présent de l'indicatif	80
настоящее время	shall + инфинитив	devoir (в изъявительном наклонении + инфинитив)	2
настоящее время	shall + инфинитив	futur simple	4
следует + инфинитив	should + инфинитив	devoir (в условном накл.) + инфинитив	15
должен + инфинитив	should + инфинитив	devoir (в условном накл.) + инфинитив	5
должен + инфинитив	to be + инфинитив	il incombe à + инфинитив	1

Источник: Парижское соглашение (2015 г.)

В результате сопоставительного анализа текстов Парижского соглашения на трех языках удалось установить, что функциональная эквивалентность в передаче модальности долженствования и, следовательно, достижение равнозначного прагматического воздействия, возможны через систему последовательных, однако стилистически вариативных соответствий.

Выявлено, что строгие юридические обязательства системно выражаются через конструкцию *shall*+инфинитив в английском тексте и нормативное настоящее время в русском и французском, что составляет основу юридической силы документа. В то же время, для рекомендаций последовательно используется модель *should*+инфинитив/*следует*+ инфинитив/*devoir* в условном наклонении. Такое системное и последовательное разграничение строгого обязательства и рекомендации формирует у языковых личностей в рамках разных культур схожую когнитивную картину мира в том, что касается правовых норм, обеспечивая взаимопонимание и создавая консенсуальную область для дальнейших взаимодействий.

Ключевым результатом исследования является выявление стилистических расхождений, тем не менее не нарушающих общей эквивалентности. Так, к ним относятся использование в русском языке более категоричной формы *должен* для передачи рекомендательного значения (*should/devrait*), что отражает семантическую гибкость краткого прилагательного с модальным значением, однако одновременно придает высказыванию более категоричный характер. Кроме того, прослеживается применение во французском тексте «предписывающего будущего времени» с целью усиления непреложности обязательства и его гарантированного исполнения в будущем.

Таким образом, тексты Парижского соглашения служат ярким примером того, как в многоязычном юридическом документе достигается баланс между необходимостью семантической и юридической точности и соблюдением грамматических и стилистических норм каждого из языков аутентичных текстов. Все три версии документа успешно выполняют свою коммуникативную и юридическую функцию, при этом в них используются для этой цели различные, но функционально эквивалентные средства.

Сопоставительный анализ языковых средств выражения деонтической модальности обязательства и рекомендации в аутентичных текстах семи международных соглашений, репрезентирующих экологический правовой дискурс, на русском, английском и французском языках позволил установить наличие как регулярных структурно-функциональных эквивалентов, так и асимметрий в передаче модальности, основанных на лингвокультурной и юридической специфике сопоставляемых текстов.

Статистический анализ частотности выявляет четкую иерархическую структуру используемых модальных средств. Абсолютно доминирующей является модель, при которой глаголу в настоящем времени в русском тексте соответствует английская конструкция *shall* + инфинитив и французский Présent de l’indicatif. Эта модель, составляющая более 85% (см. Приложение) вербализации всех предписаний, содержащихся в тексте документа, является

универсальной языковой моделью для кодификации строгих юридических обязательств. Ее последовательное преобладание во всех семи документах свидетельствует о ее функции стилистически нейтральной основы, обеспечивающей базовую эквивалентность.

Вторым ключевым компонентом в системе выражения модальности являются рекомендательные конструкции. Несмотря на их значительно меньшую общую частотность по сравнению с формами строгого предписания, их функциональная значимость не подлежит сомнению. Важность этой модальной конструкции становится особенно очевидна при анализе более поздних документов. Так, в Парижском соглашении зафиксировано 20 случаев употреблений данных конструкций. Такая статистическая динамика позволяет сделать вывод об эволюции международного юридического дискурса в сторону более гибких, координационных механизмов регулирования.

Третью по значимости группу модальных средств образуют стилистические и грамматические вариации, чья основная функция – прагматическое усиление строгого обязательства. Их несистемное применение, зависящее от целей конкретного документа, подтверждает функцию инструмента для акцентирования определенной нормы. Наибольшая вариативность свойственна французскому юридическому дискурсу, в котором активно используется глагол *devoir* в изъявительном наклонении для выделения ключевых норм, как, например, в Картахенском протоколе и Стокгольмской конвенции, а также *Futur simple* для придания предписанию характера неизбежного будущего события, что наиболее очевидно на примере в Картахенского протокола, Соглашения по тропической древесине и Парижского соглашения. В русском языке для аналогичных целей используется конструкция с *должен*, что наиболее ярко выражено в Стокгольмской конвенции.

Наименьшей частотностью обладают лексические способы выражения модальности (*необходимо, требует, обязуется*) и уникальные

грамматические формы (*pouvoir, to be, il incombe à*), что свидетельствует об их исключительно узкоспециализированной функции. Эти конструкции не являются частью системных соответствий, а служат окказиональными инструментами, которые составители документов используют для решения конкретных локальных задач, требующих особого прагматического усиления.

Исследование выявляет системную структурную неэквивалентность в выражении модальности, обусловленную как семантической гибкостью отдельных языков (полисемия русского *должен*), так и прямыми концептуальными расхождениями. Наиболее показателен пример Соглашения по тропической древесине, где рекомендация (*should*) становится категорическим обязательством (*должна*/*doivent*), что является юридически значимым расхождением. Это доказывает, что формальная аутентичность не гарантирует функциональной эквивалентности, а многоязычные документы могут содержать правовые нормы, различные по своей обязывающей силе.

2.2.2. Выражение модальности разрешения в текстах международных соглашений

В результате анализа семи текстов международных соглашений, репрезентирующих экологический дискурс, выявлено несколько ключевых способов выражения модальности разрешения, которые различаются по частотности, стилистической окраске и юридической силе. На основе количественного анализа можно сделать однозначный вывод, что наиболее частотным и универсальным средством выражения разрешения во всех семи соглашениях является модальный глагол «мочь» и его английский и французский эквиваленты *may* и *pouvoir* (см. Приложение).

Преобладающая позиция этого глагола и эквивалентов объясняется его семантической емкостью и юридической точностью. Он предоставляет Стороне право или возможность действовать определенным образом, не налагая при этом обязательства, что создает гибкость, необходимую для

имплементации международных норм в различных национальных контекстах.

Для иллюстрации настоящего тезиса рассмотрим примеры из Картахенского протокола по биобезопасности (Статья 12.2) и Стокгольмской конвенции (Статья 8.5):

*Сторона экспорта или уведомитель **может** обратиться с просьбой к Стороне импорта пересмотреть решение...*

*A Party of export or a notifier **may** request the Party of import to review a decision...*

*Une Partie exportatrice ou l'auteur d'une notification **peut** demander à une Partie importatrice de reconsidérer la décision...*

*Любая Сторона **может** вновь представить Комитету предложение...*

*Any Party **may** resubmit a proposal to the Committee...*

*Toute Partie **peut** présenter de nouveau au Comité une proposition...*

В обоих случаях глагол предоставляет субъекту (Стороне, уведомителю) дискреционное право инициировать процедуру, оставляя само действие на его усмотрение.

Для выражения модальности разрешения в текстах на английском языке также возможно использование глагола *can*, как, например, в статье 6.4c Парижского соглашения:

*...сокращения выбросов, которые **могут** также использоваться другой Стороной...*

*...emission reductions that **can** also be used by another Party...*

*...réductions d'émissions qui **peuvent** aussi être utilisées par une autre Partie...*

Традиционно глагол *can* обозначает возможность или способность, а не формальное разрешение. Однако в современном англоязычном юридическом дискурсе глагол *can* широко используется и для выражения модальности разрешения, особенно в случаях, когда требуется устранение

двусмысленности. Так, глагол *may* может подразумевать как разрешение, так и возможность [Tiersma, 1999, С. 110, 113]. Следовательно, составители текстов международных договоров на современном этапе стремятся к большей ясности языка формулировок, что объясняет отход от устоявшихся правил (*shall* – обязательство, *may* – разрешение) и выбор в пользу более четких и определенных грамматических конструкций [Kimble, 2006, С. 119].

Анализ использования модального глагола *can* в английской версии Парижского соглашения, в сопоставлении с русским глаголом «могут» и французским *peuvent*, позволяет сделать вывод, что данный выбор лексемы следует рассматривать не как функциональное и прагматическое несоответствие, а как отражение современных тенденций в англоязычном юридическом дискурсе. В контексте международного договора, где правовая определенность имеет первостепенное значение, выбор в пользу *can* может быть интерпретирован как сознательный шаг к обеспечению максимальной ясности нормы. Наличие аутентичных текстов на других языках, однозначно указывающих на пермиссивную модальность, дополнительно подтверждает, что все три версии являются функционально эквивалентными, а лексическое расхождение иллюстрирует эволюцию языка юриспруденции.

Несмотря на высокий уровень эквивалентности между тремя аутентичными текстами, в результате детального анализа выявлены незначительные семантические и грамматические расхождения, которые имеют потенциальное влияние на интерпретацию норм. Один из наиболее иллюстративных примеров демонстрирует выражение потенциального, или гипотетического, разрешения.

Так, например, в Протоколе о гражданской ответственности (статья 7.2) на русском языке с этой целью используется модальный глагол *мочь* в форме настоящего времени изъявительного наклонения. Конструкция выражает реальную, фактическую возможность или разрешение, т.е. право

регресса рассматривается как реально существующая опция, которой лицо может воспользоваться:

Ничто в Протоколе не наносит ущерба какому-либо праву регресса, которым ***может обладать*** *несущее ответственность лицо...*

В английском варианте текста использован модальный глагол *might*:

Nothing in the Protocol shall prejudice any right of recourse to which the person liable ***might be entitled****...*

В грамматике английского языка *might* является формой прошедшего времени от глагола *may*, но зачастую используется для выражения меньшей степени категоричности по сравнению с *may*, а также часто указывает на более отдаленную или гипотетическую возможность. В юридическом контексте использование *might* вместо *may* снижает степень категоричности. В соответствии с положением документа не утверждается, что лицо имеет право (*is entitled*), а что оно *могло бы* его иметь при определенных, возможно, еще не наступивших обстоятельствах.

Во французском тексте используется глагол *pouvoir* в форме условного наклонения настоящего времени *(*Conditionnel présent*)*. Условное наклонение во французском языке является основным средством для выражения гипотезы, предположения или действия, зависящего от неуказанного условия, которое может наступить или не наступить [Grevisse, Goosse, 2011]:

Aucune disposition du Protocole ne porte atteinte au droit de recours dont la personne responsable ***pourrait se prévaloir****...*

Следовательно, за счет использования изъявительного наклонения в русской версии право регресса представлено как реальная и безусловная возможность. В то же время английская и французская версии, благодаря использованию *might* и Conditionnel présent более точно передают потенциальный и условный характер этого права, подчеркивая, что международный договор не создает, а лишь защищает его в случае, если оно возникает на основании других правовых норм.

Более юридически акцентированным способом выражения модальности разрешения является использование конструкций, прямо констатирующих наличие у субъекта права:

имеет право / вправе; shall have the right / shall be entitled to; a le droit de / est habilité à

Подобные формулировки встречаются реже, чем модальный глагол «мочь» и его эквиваленты, однако используются в ключевых положениях, закрепляющих фундаментальные права Сторон, как, например, в статье 4.4 Протокола о гражданской ответственности:

*Истец **имеет право истребовать** полную компенсацию...*

*The claimant **shall have the right to seek** full compensation…*

*Le demandeur **a le droit de requérir** l'indemnisation...*

Эта конструкция чаще всего используется именно в Протоколе о гражданской ответственности (4 раза), что может быть объяснено содержанием документа, в котором основное внимание уделяется правам и обязанностям сторон в контексте ущерба и его компенсации.

Глаголы с прямой семантикой разрешения (*разрешать, допускать/permit, allow, authorize/ permettre, autoriser и т.п.*) также используются в текстах международных документов, хотя и значительно реже. Их функция зачастую заключается в указании на иерархическую структуру, где один субъект (например, Конференция Сторон) наделяет полномочиями другой.

Общего регулярного способа соответствий лексических способов выражения модальности для всех проанализированных текстов выявлено не было, однако для отдельных текстов документов можно отметить определенные закономерности. Так, например, в тексте Картахенского протокола (Статья 21.1) русскому глаголу «разрешить» соответствует *permit* в английском языке и *autoriser* во французском:

*Сторона импорта **разрешает** уведомителю указать, какую информацию... следует рассматривать в качестве конфиденциальной.*

*The Party of import **shall permit** the notifier to identify information... that is to be treated as confidential.*

*La Partie importatrice **autorise** l'auteur de la notification à indiquer quelles sont, parmi les informations... celles qu'il faut considérer comme confidentielles.*

Для определения степени эквивалентности лексем, вербализующих модальность разрешения на трех языках, был проведен компонентный анализ и выявлен лексический прототип:

permit (1) – to grant permission for something by virtue of one's formal *authority* (e.g., a law, a rule, a person in charge).

permit (2) – To not prevent something from happening, thereby passively exercising one's *authority* or control over a situation.

permit (3) – To make something possible (where circumstances or an object's properties metaphorically hold the *authority* to remove an obstacle).

permit (4) – To grant access or entry to a place or system, as an act of *authority*.

В качестве СЗ для лексемы permit выделяется ее первое, наиболее частотное значение, связанное с актом активного социального позволения: *to actively grant permission for something by virtue of one's formal authority.*

Таким образом, анализ лексико-семантических вариантов (ЛСВ) и ННЗ продемонстрировал, что составляющие ННЗ семы, такие как [ALLOW] (позволять) и [GIVE PERMISSION] (давать разрешение), являются основополагающими. При этом ключевым инвариантным признаком, объединяющим все значения, выступает сема *authority* (наличие полномочий, власти, контроля).

Для лексемы **разрешать** были выделены следующие ЛСВ:

разрешать (1) – *Устранить* социальное связывающее *ограничение* (запрет), дав согласие.

разрешать (2) – *Устранить* интеллектуальное связывающее *ограничение* (проблему, противоречие), найдя решение.

разрешать (3) – *Устранить* моральное или юридическое связывающее *ограничение* (обязательство).

разрешать (4) – *Устранить* физическое связывающее *ограничение* (узел), распутав его.

разрешать (5) – *Устранить* структурное связывающее *ограничение* (целостность), разложив на части.

В качестве СЗ для лексемы «разрешать» можно выделить ее первое значение: (1) дать согласие, позволить, при этом доминирующей семой для всех лексико-семантических вариантов глагола разрешать является *устранение связывающего ограничения*.

В результате анализа словарных статей для лексемы *autoriser* были выделены следующие лексико-семантические варианты:

autoriser (1) – Conférer la *légitimité* à (une action, un plan) par un acte d'autorité.

autoriser (2) – Conférer la *légitimité* au pouvoir ou au rôle de (quelqu'un).

autoriser (3) – Conférer la *légitimité* au statut de (quelque chose).

autoriser (4) – Conférer métaphoriquement la *légitimité* à (un jugement, une action) en servant de justification.

В качестве СЗ для лексемы *autoriser* выделяется ее первое, этимологически основное значение, связанное с предоставлением официального разрешения на совершение действия: *donner la permission officielle pour que quelque chose se fasse ou ait lieu*. Несмотря на то, что значения относятся к разным объектам (действия, люди, документы, выводы), все они системно объединены одной общей доминирующей семой – формальная передача легитимности от авторитетной инстанции. Эта сема является инвариантным ядром глагола *autoriser*. Она описывает формальный, часто юридический акт, посредством которого источник власти (*autorité*) наделяет объект законной силой, правом или статусом, то есть делает его легитимным.

На основе сопоставительного компонентного анализа лексем *разрешать, permit* и *autoriser* в приведенном контексте можно заключить, что данные глаголы не являются полными семантическими эквивалентами, однако выступают в роли высокоточных функциональных эквивалентов, выбор которых продиктован системными особенностями каждого языка. Все три глагола успешно вербализуют один и тот же юридический факт – наделение уведомителя правом определять конфиденциальность информации с акцентом на разные аспекты. Семантические поля этих глаголов пересекаются в зоне, описывающей акт позволения со стороны вышестоящей инстанции. В русском языке используется семантически наиболее широкая и нейтральная единица, в английском языке выбрана лексема, подчеркивающая наличие власти у субъекта, в то время как во французском языке использована лексема с максимальной степенью юридической формальности, описывающая акт придания легитимности. Таким образом, несмотря на семантические различия, в данном правовом контексте лексемы выполняют эквивалентную функцию, обеспечивая юридическую равнозначность трех текстов.

В тексте Протокола о регистрах выбросов и переноса загрязнителей русскому глаголу *разрешить* соответствуют английские эквиваленты *allow* и *authorize* и французский глагол *autoriser* (Статьи 11.4, 12.1):

*Каждая Сторона **может разрешить** своему компетентному органу взимать плату за воспроизведение и пересылку по почте конкретной информации...*

*Each Party **may allow** its competent authority to make a charge for reproducing and mailing the specific information…*

*Chaque Partie **peut autoriser** son autorité compétente à percevoir un droit pour la reproduction et l’envoi des informations...*

*Каждая Сторона **может разрешить** компетентному органу сохранять конфиденциальность информации...*

*Each Party **may authorize** the competent authority to keep information held on the register confidential...*

*Chaque Partie **peut autoriser** l'autorité compétente à préserver la confidentialité d'informations...*

Обратимся к результатам компонентного анализа лексических единиц *allow* и *authorize*.

В результате анализа словарных статей для лексемы *allow* были выделены следующие ЛСВ:

allow (1) – To grant permission by exercising social or situational *control*.

allow (2) – To refrain from using one's physical or situational *control* to stop something.

allow (3) –To designate a resource (time, money) for a purpose, by exercising *control* over its allocation.

allow (4) – To account for a variable in a plan, by exercising conceptual *control* over the planning process.

allow (5) – To concede a point or fact, by exercising *control* over one's own logical or argumentative position.

В качестве СЗ для лексемы *allow* может быть определено ее первое значение, которое наиболее явно демонстрирует акт социального контроля: *to grant permission by exercising social or situational control.*

Сема устранение (невозведение) препятствия контролирующей стороной является инвариантным ядром глагола allow. Она описывает действие субъекта, который обладает контролем над определенной системой (социальной, физической, ресурсной, концептуальной) и использует этот контроль, чтобы убрать препятствие, делая что-либо возможным.

В результате анализа словарных статей для лексемы *authorize* были выделены следующие ЛСВ:

authorize (1) –To formally confer *legitimacy* upon an action, plan, or expenditure.

authorize (2) – To formally confer *legitimacy* upon a person's role or power.

authorize (3) –To formally confer *legitimacy* upon the status of an object (e.g., a document, a text).

authorize (4) – To metaphorically confer *legitimacy* upon a conclusion or feeling, serving as its justification.

В качестве СЗ для лексемы *authorize* можно определить ее первое значение, связанное с предоставлением официального разрешения на совершение действия: *to give official permission for something to be done or to happen*.

Несмотря на то, что значения относятся к разным объектам (действия, люди, документы, выводы), все они системно объединены одной общей доминирующей семой: формальная передача легитимности от авторитетной инстанции. Эта сема является инвариантным ядром глагола *authorize*. Она описывает формальный, часто юридический акт, посредством которого источник власти (*authority*) наделяет объект законной силой, правом или статусом, то есть делает его легитимным.

На основе результата компонентного анализа лексем, использованных для вербализации модальности разрешения в контексте взимания платы за воспроизведение информации можно заключить, что глаголы *разрешить*, *allow* и *autoriser* являются функционально эквивалентными, описывая юридический факт предоставления Стороной своему компетентному органу опционального права на совершение административного действия. Тем не менее в семантическом поле каждой из лексем преобладают разные семы, что отражает различные подходы к концептуализации действия.

В статье 12.1 Протокола русскому разрешить и французскому *autoriser* соответствует глагол *authorize*, который по результатам компонентного анализа является практически полным семантическим эквивалентом французского глагола *autoriser*. Общая доминирующая сема *формальная передача легитимности* полно актуализирует суть действия – официальное

уполномочивание на совершение акта, имеющего юридические последствия. Русский глагол разрешать является более семантически нейтральным.

Английский глагол *authorize* также соответствует русскому *уполномочивать* и французскому *autoriser*. Ниже приведен пример из Статьи 27.1 Соглашения по тропической древесине:

*The Council **shall authorize** the Executive Director to establish and maintain close relationships…*

*Совет **уполномочивает** Исполнительного директора устанавливать и поддерживать тесные связи...*

*Le Conseil **autorise** le Directeur exécutif à établir et entretenir des relations...*

В результате анализа словарных статей для лексемы *уполномочивать* были выделены следующие ЛСВ, в определении каждого из которых отражен ключевой семантический компонент:

уполномочивать (1) – Осуществить формальную передачу полномочий лицу или организации.

уполномочивать (2) – Быть инструментом (документом, законом) формальной передачи полномочий.

В качестве СЗ для лексемы *уполномочивать* можно выделить ее первое, основное значение, связанное с актом наделения полномочиями. Семантический компонент 'формальная передача полномочий от легитимной инстанции' является инвариантным ядром глагола *уполномочивать*.

Сопоставительный компонентный анализ глаголов *уполномочивать, authorize и autoriser* в представленном контексте подтверждает высокую степень их семантической и функциональной эквивалентности. Доминирующий семантический компонент русского глагола *уполномочивать – официальная передача полномочий* – полностью совпадает с ЛСВ-2 глаголов *authorize и autorise*r, который описывает наделение легитимностью или властью конкретного лица.

В Стокгольмской конвенции французскому глаголу *autoriser* соответствует русский глагол *санкционировать* и английский *permit*:

*For a use or purpose which is **permitted** for that Party under Annex A or Annex B;*

*для использования или цели, которые **санкционированы** для этой Стороны согласно приложениям A или B;*

*En vue d'une utilisation ou dans un but **autorisés** pour cette Partie en vertu de l'annexe A ou de l'annexe B;*

В результате анализа словарных статей для лексемы *санкционировать* в русскоязычных словарях были выделены следующие ЛСВ:

санкционировать (1) – Придать законную силу и официальный статус действию, решению или плану.

санкционировать (2) – Придать законную силу и официальный статус документу, вводя его в действие.

санкционировать (3) – Придать законную силу и официальный статус принудительной мере (аресту, обыску).

В качестве СЗ для лексемы «санкционировать» можно выделить ее первое, основное значение, связанное с актом официального утверждения. Доминирующим семантическим компонентом для всех лексико-семантических вариантов глагола *санкционировать* является *придание законной силы и официального статуса актом высшей инстанции*. Эта сема системно объединяет все значения, четко отличая *санкционировать* от глагола с более нейтральной семантикой *разрешать*. Если *разрешать* указывает на устранение препятствия, то санкционировать – на создание легитимности.

Сопоставительный компонентный анализ глаголов *санкционировать, permit и autoriser* в представленном контексте выявляет их функциональную эквивалентность при наличии явных семантических расхождений. Все три лексемы вербализуют концепт официального одобрения, закрепленного в приложениях к Конвенции. При этом *санкционировать* и *autoriser*

выступают как близкие семантические эквиваленты. Их общий доминирующий семантический компонент – *придание/передача законной силы и легитимности* – точно отражает юридический акт утверждения, превращающий потенциальное использование в правомерное. Английский глагол *permit*, с его доминирующей семой *наличие полномочий (authority)*, является более широким по значению, акцентируя внимание не на самом акте легитимации, а на том, что разрешение исходит от авторитетного источника.

В то же время глагол *permit* в английских текстах может соответствовать как русскому *разрешать, санкционировать* так и *допускать*, что очевидно на примере Приложения I, , пункт 19 Протокола по СЭО:

*...внутренние водные пути и порты… **допускающие** проход судов...*

*...inland waterways and ports... which **permit** the passage of vessels...*

*...voies navigables et ports... **permettant** le passage de bateaux...*

В результате анализа словарных статей для лексемы допускать были выделены следующие ЛСВ:

допускать (1) – Снять социальный или физический барьер для вхождения в систему (пространство, деятельность).

допускать (2) – Снять ментальный барьер для вхождения идеи в систему возможных представлений.

допускать (3) – Пассивно не возвести барьер, позволив нежелательному элементу войти в систему (процесс, результат).

допускать (4) – Снять барьер неприятия для вхождения факта в систему приемлемого.

В качестве СЗ для лексемы *допускать* выделяется ее первое, наиболее конкретное значение, связанное с предоставлением доступа.

Несмотря на то, что значения относятся к физическому доступу, мыслительным процессам и позволению, все они системно объединены одним общим доминирующим семантическим компонентом *снятие (или невозведение) барьера* на вхождение в систему является. Она описывает действие (активное или пассивное) контролирующей инстанции, которая

убирает или не создает преграду, мешающую проникновению чего-либо или кого-либо внутрь определенной системы.

Для лексемы *permettre* выделены следующие ЛСВ:

permettre (1) – Lever un obstacle social (une interdiction) en donnant la permission.

permettre (2) – Ne pas opposer d'obstacle à une action, en exerçant son contrôle de manière passive.

permettre (3) – Lever un obstacle factuel ou physique, rendant ainsi une action possible.

permettre (4) – Lever un obstacle interne (une norme sociale, la timidité) pour s’accorder la liberté d'agir.

permettre (5) – Servir d'instrument pour lever un obstacle, ayant pour conséquence de donner accès.

СЗ: Donner la permission à quelqu'un de faire quelque chose.

Несмотря на разнообразие значений, от социального разрешения до предоставления доступа, все они системно объединены одним общим доминирующим семантическим компонентом: *устранение (или невозведение) препятствия контролирующей инстанцией (la levée ou la non-opposition d'un obstacle par une instance de contrôle)*.

В представленном контексте глаголы *допускать, permit и permettre* являются функциональными эквивалентами, однако их семантическая эквивалентность достигается различными когнитивными путями. Русский *допускать* и французский *permettre* демонстрируют высокую степень семантического сближения. Их общие доминирующие семантические компоненты – *снятие барьера на вхождение в систему* и *устранение препятствия контролирующей инстанцией* – напрямую и без метафорического переноса описывают физическую реальность: водный путь (контролирующая инстанция) по своей природе устраняет физический барьер (сушу) для прохода судов. Английский глагол *permit*, в свою очередь, достигает функциональной эквивалентности через метафорическую

реализацию своей доминирующей семы *authority*. В данном случае неодушевленный субъект (*inland waterways*) метафорически наделяется «полномочиями» или «властью» делать проход судов возможным. Таким образом, если эквивалентность *допускать* и *permettre* основана на их семантической близости, то эквивалентность *permit* является функционально-прагматической. Все три лексемы успешно вербализуют один и тот же концепт, но когнитивные механизмы, лежащие в основе их выбора, различны.

Анализ глаголов разрешения в аутентичных текстах международных соглашений позволяет прийти к выводу об их функционально-прагматической эквивалентности, направленной на выполнение единой юридической функции. Тем не менее в рамках компонентного анализа выявлено, что каждый глагол акцентирует определенный аспект разрешения. Так, *authorize* и *autoriser* фокусируются на формальном акте легитимации, *permit* – на наличии полномочий у субъекта, а *allow, permettre* и *разрешать, допускать* – на более общем значении устранения препятствия. Эти различия не являются взаимоисключающими, а скорее представляют собой разные способы концептуализации одной и той же правовой реальности и отражение взаимодействия организмов с окружающей средой. Таким образом, функциональная эквивалентность достигается за счет того, что лексические единицы «запускают» у реципиента текста сходные когнитивные процессы ориентации в сложной системе правовых взаимодействий, отражающей уникальную для каждого социума картину мира.

В результате сопоставительного анализа семи международных соглашений, репрезентирующих экологический дискурс установлено, что модальность разрешения выражается через разнообразные, преимущественно функционально эквивалентные лексико-грамматические средства. Наиболее частотным является модальный глагол *мочь* (*may/pouvoir*), при этом наблюдается использование *can* в английском тексте для устранения двусмысленности, а также применение конструкций, таких как *might be*

entitled/pourrait se prévaloir в текстах на английском и французском языках для выражения гипотетического условия права, в отличие от более категоричного изъявительного наклонения в русском языке. Лексические способы, такие как глаголы *разрешать* (*permit/autoriser*), используются реже, но с высокой юридической точностью для делегирования полномочий или установления правового статуса. Выявленные расхождения не нарушают функциональной эквивалентности, поскольку апеллируют к универсальным когнитивным моделям взаимодействия с ограничениями (устранение препятствия, признание авторитета, придание легитимности). Таким образом, несмотря на грамматическую и семантическую асимметрию, аутентичные тексты на трех языках достигают единой юридической цели, обеспечивая согласованную интерпретацию прав и возможностей Сторон в рамках каждого соглашения.

2.2.3. Выражение модальности запрета

Если способы выражения модальности разрешения в проанализированных международных соглашениях характеризуются значительной лексической и грамматической вариативностью, то для модальности запрета, напротив, характерен более строгий и ограниченный набор средств вербализации. Эта закономерность обусловлена основополагающим требованием создания юридической определенности: запрещающая норма не должна допускать двусмысленных толкований. Во всех семи соглашениях доминируют две основные модели выражения запрета, которые можно считать функционально эквивалентными во всех трех языках.

Первая модель выражает прямой запрет через модальный глагол долженствования с отрицанием, как, например, в Статье 18.2 Протокола о гражданской ответственности:

*Эти формальности **не допускают** повторного рассмотрения существа дела.*

*The formalities **shall not permit** the merits of the case to be reopened.*

Les formalités ***ne permettent pas*** *de rouvrir l'affaire au fond.*

Несмотря на высокую степень эквивалентности способов выражения модальности запрета в текстах на трех языках, встречаются также и случаи расхождений, например, в статье 27 Парижского соглашения:

Оговорки к настоящему Соглашению ***не допускаются.***

No reservations may be made *to this Agreement.*

Aucune réserve ne peut être faite *au présent Accord.*

Во всех трех версиях выражается абсолютный запрет, однако грамматическая и модальная структура различна, что ведет также и к различиям в способе конструирования запрета. В русскоязычном тексте использован модальный глагол несовершенного вида в настоящем времени. Конструкция выражает алетическую модальность, т.е. возможность или невозможность как объективного факта. Формулировка *не допускаются* указывает не на то, что Сторонам запрещено делать оговорки, а на то, что в рамках правовой системы, созданной данным Соглашением, такая процедура объективно невозможна.

В английском языке используется страдательная конструкция с модальным глаголом *may*. Отрицание вынесено в начало предложения через местоимение *no*. Настоящая конструкция выражает деонтическую модальность, которая связана с понятиями разрешения, обязанности и запрета. В отличие от русской версии, акцент сделан не на объективной невозможности, а на отсутствии юридического разрешения для Сторон. В тексте на французском языке употреблена страдательная конструкция с модальным глаголом *pouvoir*. Отрицание выражено двойной конструкцией *aucune...ne*. Глагол *pouvoir* однозначно указывает на отсутствие правовой возможности или права. Как и в случае с английской версией, в тексте на французском языке выражена деонтическая модальность.

Таким образом, пример запрета на оговорки в Парижском соглашении можно характеризовать как случай функциональной эквивалентности при

грамматической асимметрии. Во всех трех вариантах достигается одна и та же цель различными грамматическими способами.

В аутентичных текстах международных соглашений реже встречается модель, в соответствии с которой запрет выражается эксплицитным глаголом, например, в статье 3.1a) Стокгольмской конвенции:

Каждая Сторона: a) ***запрещает****...*

Each Party shall: (a) ***Prohibit****...*

Chaque Partie : a) ***Interdit****...*

Вариативности в лексических средствах выражения модальности запрета также не наблюдается: в русском языке использован исключительно глагол *запрещать*, в английском – *prohibit*, во французском – *interdire*.

В результате анализа словарных статей для лексем *запрещать*, *prohibit* и *interdire* выделены следующие ЛСВ:

запрещать (1) – Установить *безусловное ограничение* на совершение социального или физического действия.

заprещать (2) – Констатировать *безусловное ограничение*, делающее невозможным интеллектуальный вывод или суждение.

запрещать (3) – Установить *безусловное ограничение* на юридический или политический процесс (наложив вето).

запрещать (4) – Установить внутреннее *безусловное ограничение* на собственные мысли или поступки.

СЗ: Не позволять, устанавливая безусловное ограничение на действие.

prohibit (1) – To impose a formal *restriction* on an action by law, rule, or authority.

prohibit (2) – To act as a factual *restriction*, making an action or event impossible.

prohibit (3) – To render something unlawful through the imposition of a legal *restriction*.

СЗ: To formally forbid something by law, rule, or other authority.

interdire (1) – Imposer une *restriction formelle* à une action par un acte d'autorité (loi, règle).

interdire (2) – Agir comme une *restriction factuelle* qui rend une action impossible.

interdire (3) – Imposer une *restriction légale*, rendant quelque chose illicite.

interdire (4) – S'imposer une *restriction interne* (morale ou psychologique) sur ses propres pensées ou actions.

СЗ: Imposer une restriction formelle à une action par un acte d'autorité.

На основе компонентного анализа можно заключить, что глаголы *запрещать, prohibit* и *interdire* демонстрируют высокую степень как функциональной, так и семантической эквивалентности. Их общее семантическое ядро – *формальное установление безусловного ограничения контролирующей инстанцией* – обеспечивает их практически полную взаимозаменяемость в официальных и юридических контекстах. Тем не менее полная семантическая тождественность отсутствует: русский *запрещать* обладает самым широким семантическим полем, легко распространяясь на интеллектуальную и внутреннюю сферы, в то время как английский *prohibit* является наиболее узким и формально-юридическим. Французский *interdire* занимает промежуточное положение.

Анализ семи международных соглашений показал, что способы выражения модальности запрета, в отличие от разрешения, характеризуются строгой унификацией и ограниченной вариативностью, что продиктовано фундаментальным требованием юридической ясности. Доминирующей моделью является конструкция с модальным глаголом долженствования и отрицанием. Реже, но с высокой семантической согласованностью, используются эксплицитные глаголы (*запрещать/prohibit/interdire*), чье общее ядро – установление формального ограничения – обеспечивает их функциональную эквивалентность.

Более того, следует отметить, что активное использование эксплицитных запретительных конструкций является отличительной чертой

конвенций с узким и конкретным предметом регулирования, основной целью которых является строгий контроль или ликвидация определенных видов деятельности. И напротив, в современных рамочных и процедурных документах прослеживается отчетливая тенденция к минимизации прямых запретов. Вместо них предпочтение отдается более гибким обязательствам, основанным на принципах сотрудничества, транспарентности и отчетности, что свидетельствует об общей эволюции подходов в международном экологическом праве.

Выводы по разделу

Сопоставительный анализ языковых средств выражения деонтической модальности в аутентичных текстах семи международных экологических соглашений на русском, английском и французском языках позволяет сделать ряд фундаментальных выводов о структурных, семантических и прагматических особенностях современного юридического дискурса. Исследование подтвердило, что, несмотря на формальный статус аутентичности всех трех версий, достижение полной эквивалентности является сложной задачей, решение которой отражает как системные различия языков, так и когнитивные модели, лежащие в основе правовых традиций.

1. Выявлена асимметрия в степени вариативности средств выражения модальности обязательства и разрешения. Для кодификации строгого юридического обязательства во всех проанализированных документах наблюдается доминирование универсальной модели: глагол в настоящем времени в русском и французском языках (Présent de l’indicatif) и конструкция *shall* + инфинитив в английском. Эта модель, составляющая более 85% всех случаев, функционирует как устоявшийся межъязыковый стандарт, обеспечивающий базовую юридическую эквивалентность. Однако даже здесь наблюдаются стилистически и прагматически мотивированные отклонения.

В частности, французский юридический дискурс демонстрирует тенденцию к эксплицитному усилению модальности через использование глагола *devoir* или времени Futur simple для подчеркивания категоричности или неизбежности нормы.

2. Анализ подтвердил семантическую гибкость русского краткого прилагательного с модальным значением *должен* по сравнению с его более четко дифференцированными эквивалентами в английском (*shall/should*) и французском (*doit/devrait*). Если в английском и французском языках существует устойчивое грамматическое разграничение между обязательством и рекомендацией, то в русском языке конструкция *должен* + инфинитив может выражать оба значения. Как показал анализ, однозначная интерпретация такой конструкции возможна только путем сопоставления с аутентичными текстами на других языках, что подчеркивает критическую важность компаративного подхода для правоприменительной практики.
3. Исследование выявило значительное разнообразие в способах выражения модальности разрешения. Доминирующим средством является глагол *мочь* и его эквиваленты *may/pouvoir*, предоставляющие Сторонам необходимую дискреционную гибкость. При этом анализ показал, что в современном юридическом дискурсе, особенно в английском языке, наблюдается отход от прескриптивных правил в пользу прагматической ясности. Использование глагола can вместо *may* в Парижском соглашении, является не ошибкой, а сознательным шагом к устранению двусмысленности, присущей глаголу *may* (разрешение vs. возможность), как подтверждают работы Б. Гарнера и Дж. Кимбла. Этот случай иллюстрирует эволюцию юридического языка, где функциональная эквивалентность становится важнее формального следования традиционным нормам.
4. Анализ показал, что благодаря вариативности средств выражения в аутентичных текстах, несмотря на их формальную равнозначность,

становится возможным конструирование правовой реальности на основе разных когнитивных моделей. Наиболее ярко это проявляется в выражении гипотетического права и абсолютного запрета. Использование сослагательного/условного наклонения (*might/pourrait*) в английской и французской версиях для выражения условного права контрастирует с более категоричным изъявительным наклонением в русской. Аналогично, запрет на оговорки конструируется в русском тексте как объективная невозможность (алетическая модальность), а в английском и французском – как отсутствие у Сторон юридического права (деонтическая модальность). Эти расхождения, не нарушая конечной юридической цели, свидетельствуют о том, что формальная аутентичность не всегда гарантирует полную прагматическую и когнитивную эквивалентность. Как отмечает П. Тирсма, язык права не просто отражает, но и формирует юридическую реальность, и эти различия являются следствием разного опыта взаимодействия с правовой системой, закрепленного в языке.

Таким образом, исследование подтверждает, что многоязычный экологический дискурс представляет собой динамичную систему, в которой достигается баланс между необходимостью юридической точности и соблюдением грамматических и стилистических норм каждого из аутентичных языков. Выявленные асимметрии не подрывают функциональной эквивалентности документов, но подчеркивают, что их адекватное толкование требует глубокого лингво-юридического анализа и сопоставления всех аутентичных версий для выявления актуализированных в них семантических и прагматических нюансов.

2.3. Категория залога как показатель степени вовлеченности сторон в усилия по сохранению окружающей среды

Страдательный залог, будучи характерной чертой текстов международных договоров, отражает восприятие участниками степени своей

вовлеченности в общую деятельность, в частности, в решение проблем защиты окружающей среды. В связи с этим представляется значимым исследование особенностей употребления и частотности различных форм страдательного залога в таких документах.

Сравнительный анализ текстов семи документов, репрезентирующих экологический дискурс, на русском, английском и французском языках показал, что, несмотря на преобладание действительного залога, отражающего необходимость четкой фиксации субъектов и их действий, страдательный залог также играет существенную роль. Примечательно, что в случаях использования категории страдательного залога наблюдается высокая степень межъязыкового соответствия, что свидетельствует о стремлении к единообразию и точности активации идентичного смысла в трех текстах.

В текстах были выявлены следующие способы выражения страдательного залога на русском, английском и французском языках:

1. Русский язык:

- Краткие/полные страдательные причастия в сочетании с глаголом-связкой *быть* (в различных временных формах): (например, *Протокол* ***может быть передан*** *только в Международный Суд*).
- Страдательные причастия настоящего и прошедшего времени, выступающие в роли определения: (например, ***применимые*** *нормы)*.
- Возвратные глаголы (глаголы с постфиксом *-ся/-сь*), имеющие страдательное значение. Особо следует отметить, что не все возвратные глаголы в русском языке имеют страдательное значение. Проведен тщательный контекстуальный анализ для исключения случаев, когда возвратный глагол обозначает действие, направленное субъектом на самого себя; состояние или свойство субъекта; взаимное действие субъектов. Учитывались только те случаи, когда возвратный глагол выражает действие, производимое со стороны другого, не указанного агенса (например, *Протокол* ***применяется*** *к ущербу,*

причиненному в результате трансграничного воздействия промышленной аварии на трансграничные воды).

- Безличные конструкции с глаголом *быть* в сочетании с кратким страдательным причастием или инфинитивом.

2. Английский язык:

- «Классическая» конструкция страдательного залога: глагол *to be* (в соответствующей временной форме и согласовании с подлежащим) + Причастие II смыслового глагола: (например, ***shall be substituted*** *by a member to be elected by and from among the Parties to this Protocol*)
- Страдательные конструкции с модальными глаголами: модальный глагол (*can, may, must, should,*и т.д.) + *be* + Причастие II: (например, *the Protocol* ***shall be applied***)

3. Французский язык:

- «Классическая» конструкция страдательного залога: глагол *être* (в соответствующей временной форме и согласовании с подлежащим) + причастие прошедшего времени (Participe Passé) смыслового глагола: (например, *les mesures... **sont appliquées** par les Parties)*
- Конструкции страдательного залога с модальными глаголами: модальный глагол (*pouvoir, devoir*) + *être* + Participe Passé: (например, *L'indemnité peut être réduite ou supprimée).*
- Возвратные (местоименные) глаголы (verbes pronominaux) со страдательным значением. Во французском языке, как и в русском, существуют возвратные глаголы, которые могут выражать страдательное значение. Однако, как и в случае с русским языком, требуется контекстуальный анализ для разграничения страдательного значения от других значений возвратных глаголов (например, *le transport* ***se fassent*** *de manière à prévenir*).

В рамках анализа выявлено, что наиболее частотным грамматическим способом выражения категории страдательного залога в сопоставительном аспекте является следующая комбинация.

Таблица 8 – Способы выражения страдательного залога в текстах международных соглашений.

RU	EN	FR
краткое страдательное причастие	to be + причастие II	être + participe passé

Для каждого соглашения в рамках анализа также определены регулярные соответствия в выражении страдательного залога в текстах на русском, английском и французском языках, а также выявлены наиболее частотные варианты (см. Приложение 4).

Обратимся к рассмотрению конкретных примеров, иллюстрирующих случаи совпадений и расхождений при выражении страдательного значения из текстов вышеупомянутых международных соглашений на трех языках.

Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии

В рамках анализа использования страдательного залога на примере статьи 2.2 документа могут быть выявлены грамматические расхождения:

...Стороны обеспечивают, чтобы получение любых живых измененных организмов […] осуществлялись таким образом, чтобы ***не допускались или были уменьшены*** *риски …*

...The Parties shall ensure that the development […] of any living modified organisms are undertaken in a manner that ***prevents*** *or* ***reduces*** *the risks...*

...Les Parties veillent à ce que la mise au point […] de tout organisme vivant modifié se fassent de manière à ***prévenir*** *ou à* ***réduire*** *les risques…*

В русском тексте последовательно используется страдательный залог *(не допускались, были уменьшены*), при этом акцент сделан на самих рисках как на объекте воздействия [Курганова, 2026]. В противоположность этому, в английском варианте применяется действительный залог *(prevents or reduces*), где деятелем выступает абстрактный *способ* (*manner*). Во французском тексте используется инфинитивная конструкция *(à prévenir ou à*

réduire), которая описывает действие исключительно как цель, полностью избегая указания на исполнителя.

Различия в грамматическом строе скорее отражают не разницу в значении, а особенности привычных способов выражения безличных обязательств в юридических текстах, характерные для каждого языка. В русском языке в фокусе внимания находится пассивное состояние субъекта (рисков), в английском – функции метода, во французском – цель действия.

В статье 5, уточняющей юрисдикцию международных соглашений, в вариантах на русском и английском языках использован страдательный залог, выраженный возвратным глаголом *регулируются* и аналитической конструкцией *are addressed by*. Во французском тексте не используется аналитическая форма страдательного залога (*sont réglementés par*). Вместо этого употреблена действительная по грамматической форме конструкция с причастием настоящего времени *relevant d'autres accords* («относящиеся к другим соглашениям» или «подпадающие под их действие»). Таким образом, описывается не действие, совершаемое над объектом, а его статус или принадлежность к определенной юридической сфере. Если русский и английский языки фокусируются на процессе регулирования, то французский – на состоянии принадлежности к определенной юрисдикции:

...настоящий Протокол не применяется к […] перемещениям живых измененных организмов, представляющих собой фармацевтические препараты для человека, которые ***регулируются*** *другими соответствующими международными соглашениями....*

...this Protocol shall not apply to the […] movement of living modified organisms which are pharmaceuticals for humans that ***are addressed*** *by other relevant international agreements....*

...le présent Protocole ne s'applique pas aux mouvements […] d'organismes vivants modifiés qui sont des produits pharmaceutiques destinés à l'homme ***relevant d'****autres accords […] internationaux pertinents…*

В первой части статьи 32 между способами выражения страдательного значения в русском и английском языках наблюдается структурная близость: использованы безлично-страдательные конструкции (*не предусмотрено* и *as [is] otherwise provided*. Во французском языке, напротив, используется номинализированный оборот *sauf mention contraire* (*кроме противоположного упоминания*), который заменяет глагол в форме страдательного залога отглагольным существительным:

...Если в настоящем Протоколе ***не предусмотрено*** *иного, положения […], применяются...*

...Except as otherwise ***provided*** *in this Protocol, the provisions […] shall apply to…*

…Sauf mention *contraire dans le présent Protocole, les dispositions […] s'appliquent…*

Сопоставительный анализ трех текстов и статистические данные показывают, что в русском варианте страдательный залог используется гораздо чаще (35.8%), чем в английском (22%) и французском (28.1%). Можно сделать вывод, что в русском языке фокус внимания направлен на пассивный объект, в то время как в английском и французском чаще используются альтернативные конструкции – действительный залог с абстрактным субъектом, инфинитивы или номинализированные единицы.

Таблица 9 – Соотношение страдательного и действительного залога в Картахенском протоколе.

	RU	**EN**	**FR**
Действительный залог	64.2%	78%	71.9%
Страдательный залог	35.8%	22%	28.1%

Источник: Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии (2000 г.)

Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях

В преамбуле Конвенции говорится о воздействии стойких органических загрязнителей (СОЗ) на человека. В тексте на русском языке с этой целью используется страдательный залог, выраженный кратким страдательным причастием:

…осознавая наличие обеспокоенности […] в связи с тем, что местное население ***подвержено*** *воздействию…*

В текстах на английском и французском языках концепт уязвимости населения в связи с воздействием СОЗ репрезентирован существительными *exposure* и *exposition* соответственно, семантический анализ которых свидетельствует о том, что частично они выражают страдательное значение, однако с грамматической точки зрения настоящее положение сформулировано с использованием форм действительного залога:

Conscientes des préoccupations […] suscitées par ***l'exposition*** *au niveau local à…*

Aware of […] concerns […] resulting from local ***exposure*** *to…*

В статье 2 b) Конвенции даны определения основных понятий документа, в том числе определяются статус и функции ее участников. Так, например, для обозначения полномочий региональной организации экономической интеграции в русском тексте использовано краткое страдательное причастие:

…региональная организация экономической интеграции» означает организацию, […], которой ее государствами-членами ***поручено*** *заниматься вопросами, регулируемыми настоящей Конвенцией…*

В текстах на французском и английском языках употребляются формы действительного залога; таким образом, акцент сделан на передачу определенных функций государствами-членами региональным организациям, а не на том, что региональные организации эти функции получают:

...Regional economic integration organization" means an organization […] ***to which its member States have transferred competence*** *in respect of matters governed by this Convention…*

...Organisation régionale d'intégration économique s'entend d'une organisation […] ***à laquelle ses États membres ont transféré*** *leurs compétences sur les questions régies par la présente Convention…*

В статье 3.2 текстов на русском и английском языках используется действительный залог, тем самым смещается акцент на субъект (*сертификат*), в то время как в тексте на французском языке за счет использования страдательной конструкции основное внимание обращено на объект (документы, содержащиеся в сертификате):

Такой сертификат также ***включает*** *[…] документацию, например законодательные акты…*

The certification ***shall*** *also* ***include*** *[…] documentation, such as legislation…*

Les pièces justificatives voulues, telles que législation, […] ***sont jointes*** *à la certification.*

В статье 4.6 при описании правил проведения обзора в тексте на английском языке используется страдательная конструкция *to be* + Причастие II, в русском языке – возвратным глаголом со страдательным значением, во французском языке – местоименным глаголом *s'effectuer*, который также имеет страдательное значение, но с грамматической точки зрения употреблен в форме действительного залога:

Обзор регистрации ***проводится*** *на основе всей имеющейся информации.*

The review of a registration ***shall be carried out*** *on the basis of all available information.*

L'examen de la dérogation ***s'effectue*** *sur la base de toutes les informations disponibles.*

Несмотря на грамматические различия, все три варианта имеют одинаковый смысл: смещается внимание с агенса и переносится на процесс обзора. Это свидетельствует о том, что при межъязыковом конструировании смысла текста приоритет отдается семантико-прагматической эквивалентности, а не формально-грамматической.

В статье 19.6 в русском и английском текстах использован страдательный залог для обозначения крайней меры в случае, если стороны не могут прийти к консенсусу. Во французском языке для обозначения данного условия используется действительная конструкция с глаголом состояния *rester vains*:

If all efforts at consensus ***have been exhausted*** *[…] such recommendation shall as a last resort…*

Если ***исчерпаны*** *все средства для достижения консенсуса […], то в качестве последней меры такая рекомендация...*

Lorsque tous ses efforts ***restent vains*** *[…], ses recommandations sont adoptées, en dernier recours…*

Процентное соотношение форм действительного и страдательного залога в тексте Стокгольмской конвенции по стойким органическим загрязнителям может быть представлено следующим образом.

Таблица 10 – Соотношения страдательного и действительного залога в Стокгольмской конвенции.

	RU	**EN**	**FR**
Действительный залог	60.8%	64.9%	65.4%
Страдательный залог	39.2%	35.1%	34.6%

Источник: Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях (СОЗ) (2001 г.)

Протокол по стратегической экологической оценке к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте

В преамбуле протокола по СЭО в тексте на английском языке употреблена страдательная конструкция *it was decided*, когда речь идет о принятой в г. Эспо Конвенции, послужившей основой для составления положений протокола СЭО. В русском и французском языках в этом случае страдательная глагольная конструкция отсутствует, использовано существительное *решение о подготовке* и *décision concernant l'établissement*:

…памятуя о Конвенции […] и о ***решении*** *II/9 ее Сторон* ***о подготовке*** *обязательного в юридическом отношении протокола по стратегической экологической оценке…*

Bearing in mind the Convention […] and ***decision*** *II/9 of its Parties […] in which* ***it was decided*** *to prepare a legally binding protocol on strategic environmental assessment*

Gardant à l'esprit la Convention […] et la ***décision*** *II/9 des Parties […]* ***concernant l'établissement*** *d'un protocole juridiquement contraignant relatif à l'évaluation stratégique environnemental*

Несмотря на то, что в тексте на английском языке использован страдательный залог, в нем, по крайней мере употреблен глагол, что, с одной стороны, указывает на большую динамичность действия, в отличие от текстов на русском и французском языках, в которых используется номинализация. Тем не менее в английском варианте употреблена тавтологическая конструкция ***decision*** *[…] in which* ***it was decided***, в которой глагольная форма страдательного залога является лексическим повтором определяемого существительного, что приводит к семантической избыточности и стилистической неточности.

В статье 7.2 английской и французской версий активный субъект – документ (*The environmental report* и *Ce rapport*) выступает в роли агенса, который сам выполняет действия. Такая конструкция, где неодушевленный предмет становится исполнителем, представляет документ как инструмент,

обладающий определенными функциями. В русском языке, напротив, агенс в предложении отсутствует, а грамматическим подлежащим становится объект действия – *последствия*, которые подвергаются анализу (*описываются, оцениваются*). Таким образом, фокус смещается с исполнителя на содержание и сам факт наличия требуемой информации в документе:

В экологическом докладе […], ***описываются и оцениваются*** *[…] последствия…*

The environmental report ***shall****, […],* ***describe*** *and* ***evaluate*** *the […] effects...*

Ce rapport détermine, ***décrit*** *et* ***évalue****, […] les effets…*

Актуализация страдательного значения в статье 8.3 также различается в зависимости от языка документа. В текстах на английском и французском языках наблюдается практически полный структурный параллелизм, проявляющийся в использовании таких форм страдательного залога, как *is identified* и *soit identifié:*

Each Party shall ensure that the public concerned, […], ***is identified****...*

Chaque Partie veille à ce que le public concerné, […], ***soit identifié****...*

В обоих случаях подлежащее претерпевает действие, выраженное через модель вспомогательный глагол + причастие. В русском тексте, напротив, используется номинализация, и тем самым достигается максимальная степень безличности – действие по выявлению круга общественности концептуализируется как отвлеченный процесс.

Каждая Сторона ***обеспечивает выявление*** *круга заинтересованной общественности...*

В результате анализа установлено, что для достижения общей прагматической цели – деперсонализации и объективизации положений юридического текста – в рассматриваемых языках задействованы различные грамматические средства. Тем не менее, вопреки предположению о доминировании страдательных конструкций в русском юридическом

тексте, в случае с протоколом по СЭО статистические данные показывают обратный результат: именно в русском языке наблюдается наибольшая доля форм действительного залога (53,4%), в то время как в английском (50,1%) и французском (49,9%) текстах страдательные конструкции используются чаще.

Таблица 11 – Соотношение страдательного и действительного залога в Протоколе по СЭО.

	RU	**EN**	**FR**
Действительный залог	53.4%	48.8%	51.2%
Страдательный залог	46.6%	50.1%	49.9%

Источник: Протокол по стратегической экологической оценке (2003 г.)

Протокол о регистрах выбросов и переноса загрязнителей к Конвенции 1998 года о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды

В преамбуле Протокола к Орхусской конвенции наблюдается полный грамматический параллелизм русских и английских текстов, в них используется действительный залог: субъект (*Совет / the Council*) выполняет действие, выраженное глаголами *призывает* и *calls upon*:

Taking into account furthermore the work of the Organisation for Economic Cooperation and Development, […] the Council ***calls upon*** *member countries to establish…*

…принимая далее во внимание результаты деятельности Организации экономического сотрудничества и развития, в частности рекомендацию ее Совета […], в которой Совет ***призывает*** *страны-члены создать…*

Такая конструкция помещает в фокус внимания именно инициатора действия – *Совет*, тем самым подчеркивая его активную роль регулятора. Во французском тексте для активации того же смысла используется

страдательный залог: *les pays membres sont invités à* (*страны-члены приглашаются*):

Tenant compte en outre des travaux de l'Organisation de coopération et de développement économiques (OCDE), en particulier de la recommandation […], dans laquelle les pays membres ***sont invités*** *à établir…*

В этом случае получатели призыва (*страны-члены*) становятся субъектом, который претерпевает действие. Агенс (*Совет*) вынесен за пределы этого придаточного предложения, что смещает акцент с источника призыва на его адресатов и на само предписываемое им действие.

При сопоставлении части положения статьи 11.2 обнаруживается четкое расхождение в грамматических средствах, использованных для обозначения действия (*запрос был подан*). В английском тексте используется страдательная конструкция с глаголом – *the request has been submitted*, обозначающая завершенность действия, совершенного над объектом (*the request*):

… each Party shall ensure that its competent authority upon request provides that information by any other effective means, as soon as possible and at the latest within one month after the request ***has been submitted.***

В противоположность этому, в русском и французском текстах используется номинализация. В русском варианте текста она находит выражение через отглагольное существительное *после* ***получения****... запроса*, а во французском – *à compter de la date de* ***soumission*** *de la demande* (*начиная с даты подачи запроса*). В этих случаях действие не описывается как процесс, а представляется как свершившийся факт:

…каждая Сторона обеспечивает, чтобы ее компетентный орган представлял по запросу такую информацию с помощью любых других эффективных средств как можно скорее, но не позднее, чем через один месяц после ***получения*** *соответствующего запроса.*

…chaque Partie fait en sorte que son autorité compétente communique sur demande ces données par n'importe quel autre moyen efficace, aussitôt que

possible et au plus tard dans un délai d'un mois à compter de la date de ***soumission*** *de la demande.*

В результате сопоставительного анализа содержания статьи 4 f) выявлено, что в английском и русском языках используются страдательные конструкции для описания основы для регистра: в английском это «классическая» форма страдательного залога *is based on*, а в русском – возвратный глагол со страдательным значением *основывается на*. В обоих случаях фокус смещен на сам регистр как на объект, чья сущность определяется внешним принципом (*обязательной отчетностью*):

In accordance with this Protocol, each Party shall establish and maintain a publicly accessible national pollutant release and transfer register that […]:
(f) ***Is based*** *on mandatory reporting on a periodic basis…*

В соответствии с настоящим Протоколом каждая Сторона составляет и ведет доступный для общественности национальный регистр выбросов и переноса загрязнителей, который […]:
f) ***основывается*** *на обязательной отчетности, представляемой на периодической основе…*

В тексте на французском языке для индуцирования того же смысла употреблен действительный залог *qui* ***repose*** *sur* (*который опирается на*). Регистр грамматически выступает в роли активного субъекта, совершающего действие. Однако семантически этот глагол описывает статичное состояние, что функционально сближает его со страдательными конструкциями в других языках.

Conformément au présent Protocole, chaque Partie établit et tient un registre national des rejets et transferts de polluants accessible au public […] :
f) Qui ***repose*** *sur un système de notification périodique obligatoire…*

Результаты сопоставительного анализа демонстрируют, что более частотное использование страдательного залога характерно для текста на русском языке (42.8%) по сравнению с английским (40.5%) и французским (37.5%). Эти статистические данные указывают на характерную для русского

языка тенденцию акцентировать внимание на получателе действия или представлять событие как статичное через номинализацию.

Таблица 12 – Соотношение страдательного и действительного залога в Протоколе о регистрах выбросов и переноса загрязнителей.

	RU	**EN**	**FR**
Действительный залог	57.2%	59.5%	62.5%
Страдательный залог	42.8%	40.5%	37.5%

Источник: Протокол о регистрах выбросов и переноса загрязнителей (2003 г.)

Международное соглашение по тропической древесине

В результате анализа Международного соглашения по тропической древесине можно сделать вывод, что страдательный залог в значительной степени используется в текстах на всех трех языках. Настоящее положение наиболее очевидно на примере статей, имеющих декларативный характер. Так, например, в статье 35 страдательный залог используется в текстах на всех трех языках для выражения перформативного акта – официального назначения. Фокус находится на результате действия, а не на том, кто его совершает. Русский возвратный глагол на «-ся» выражает страдательное значение, что делает конструкции на трех языках грамматически и функционально эквивалентными:

Настоящим в качестве депозитария настоящего Соглашения ***назначается*** *Генеральный секретарь...*

The Secretary-General of the United Nations ***is*** *hereby* ***designated*** *as the depositary of this Agreement.*

Le Secrétaire général de l'Organisation des Nations Unies ***est désigné*** *comme dépositaire du présent Accord.*

Тем не менее, зачастую в тексте на французском языке отмечается тенденция к большей персонализации и указанию на ответственное лицо. Об этом свидетельствует положение статьи 9.5:

Уведомление […] и повестка дня […] ***направляются*** *участникам Исполнительным директором...*

Notice of any sessions and the agenda for such sessions ***shall be communicated*** *to members by the Executive Director..."*

Le Directeur exécutif ***annonce*** *les sessions aux membres et leur en* ***communique*** *l'ordre du jour...*

В английском и русском вариантах используется страдательный залог, и фокус внимания направлен на сам объект (уведомление и повестку). Во французском варианте текста на первом плане находится субъект – Исполнительный директор, который выступает активным деятелем.

Встречается и обратная ситуация, когда в тексте на русском языке, в отличие от английского и французского, используется конструкция действительного залога для большей или идиоматичности:

… если только донор ***не примет*** *иного решения...*

...unless otherwise ***decided*** *by the donor...*

…à moins qu'il n'en ***soit décidé*** *autrement par le donateur...*

В статье 20.8 в текстах на английском и французском языках используются устоявшиеся юридические формулировки с глаголом в форме страдательного залога, где действие (*decided / soit décidé*) важнее агенса, хотя он и указан. В русском языке за счет конструкции действительного залога устраняется потенциальная двусмысленность, что соответствует стилистике русского юридического языка, где в подобных оговорках зачастую наблюдается прямое указание на действие субъекта.

Однако в случае расхождения в использовании страдательных и действительных форм глагола наиболее часто наблюдается ситуация, при которой действие выражено формой действительного залога в английском и французском языках и страдательного в русском, как, например, в статье 19.9. Получение выгоды выражено формой действительного залога в английском и французском и формой страдательного в русском, тогда как

действие по установлению скидки выражено формой страдательного залога во всех языках:

...к взносу данного участника ***применяется*** *скидка, которая* ***может быть установлена*** *Советом...*

...that member's contribution ***shall receive*** *a discount as* ***may be established*** *by the Council...*

...ce membre ***bénéficie*** *d'une remise de contribution selon les modalités* ***fixées*** *par le Conseil...*

Таким образом, анализ Международного соглашения по тропической древесине 2006 г. позволяет прийти к заключению, что, несмотря на общее преобладание форм действительного залога, страдательные конструкции являются неотъемлемым стилистическим элементом всех трех языковых версий. Количественный анализ подтверждает эти наблюдения. В русском тексте страдательные конструкции используются наиболее часто (34,3%), что достигается за счет активного применения как кратких причастий, так и возвратных глаголов на *-ся* в страдательном значении. В тексте на французском языке отмечен самый низкий показатель использования страдательного залога (29%) и, соответственно, самый высокий – действительного (71%), что подтверждает тенденцию к персонализированным конструкциям действительного залога. Английский язык занимает промежуточную позицию (31,8% форм страдательного залога).

Таблица 13 – Соотношение страдательного и действительного залога в Международном соглашении по тропической древесине.

	RU	**EN**	**FR**
Действительный залог	65.7%	68.2%	71%
Страдательный залог	34.3%	31.8%	29%

Источник: Международное соглашение по тропической древесине (2006 г.)

Протокол о гражданской ответственности и компенсации

Сопоставительный анализ текста Протокола в русском, английском и французском вариантах указывает на различия в использовании страдательных и действительных конструкций. Выбор залога становится ключевым инструментом для достижения объективности, смещения акцента внимания и придания тексту официального характера.

Так, например, в статье 4.3 факт получения ущерба в тексте на русском языке описан страдательной конструкцией *которому был нанесен ущерб*, что делает лицо пассивным получателем действия. В то же время в английском и французском вариантах используется действительный залог, что подчеркивает, что лицо *претерпело* или *понесло* ущерб в роли субъекта. При этом возможное уменьшение компенсации – действие, являющееся юридическим последствием – грамматически выражено формой страдательного залога во всех трех версиях:

Если лицо, ***которому был нанесен ущерб****... по своей вине причинило ущерб..., размер компенсации* ***может быть уменьшен*** *или в ней* ***может быть отказано****...*

If the person who ***has suffered the damage****... has by his or her own fault caused the damage..., the compensation* ***may be reduced or disallowed****...*

...si, par sa faute, la personne qui ***a subi les dommages****... a causé les dommages..., l'indemnité* ***peut être réduite ou supprimée****...*

В статье 4.2 в тексте на русском языке используется возвратный глагол со страдательным значением. Эта безличная конструкция делает норму объективной и универсальной, смещая акцент с агенса (кто освобождает от ответственности) на сам правовой факт.

Никакая ответственность в соответствии с настоящей статьей ***не возлагается*** *на оператора, если это лицо докажет, что …*

В аналогичном положении на английском языке формально употреблен действительный залог. Тем не менее, по своей сути, конструкция репрезентирует пассивное состояние, описывая не действие, а возникновение

или отсутствие правовой связи, представляя собой идиоматическое выражение, характерное для юридического дискурса:

No liability in accordance with this article ***shall attach*** *to the operator, if he or she proves that…*

В тексте на французском языке использована форма действительного залога:

L'exploitant ***n'est pas responsable*** *en vertu du présent article s'il prouve que…*

В статье 27.2 в версиях на трех языках наблюдаются разные подходы к описанию передачи компетенции. В русском языке используется действительный залог, субъектом действия являются *государства-члены*, которые совершают акт наделения полномочиями. Эта конструкция подчеркивает волю государств как первоисточника компетенции организации:

…в отношении которых ее государства-члены ***наделили*** *эту организацию соответствующими полномочиями...*

В тексте на английском языке употреблен страдательный залог. В этой конструкции фокус смещается с деятеля (государств) на результат и объект действия – саму компетенцию. Такой подход делает изложение более формальным, абстрактным и деперсонализированным:

...in respect of which competence ***has been transferred*** *to that organization by its member States...*

Во французском тексте употреблена конструкция *faire l'objet de*. Глагол *ont fait* стоит в форме действительного залога, однако с семантической точки зрения настоящая конструкция имеет страдательное значение.

…les questions dont traite le Protocole qui ***ont fait l'objet d'un transfert*** *de compétence en leur faveur par leurs États membres...*

Сопоставительный анализ текста Протокола на трех языках подтверждает наличие отчетливых тенденций в использовании залога. Как

показывает статистический анализ, во французском тексте протокола действительный залог используется наиболее часто (64,9%), что отражается в субъектно ориентированных конструкциях. Напротив, составители русского текста наиболее часто используют формы страдательного залога (48,4%). Английская версия документа занимает промежуточную позицию (44,6%), в ней используются как действительные, так и страдательные конструкции.

Таблица 14 – Соотношение страдательного и действительного залога в Протоколе о гражданской ответственности и компенсации.

	RU	**EN**	**FR**
Действительный залог	51.6%	55.4%	64.9%
Страдательный залог	48.4%	44.6%	35.1%

Источник: Протокол о гражданской ответственности и компенсации за ущерб, причиненный трансграничным воздействием промышленных аварий на трансграничные воды к Конвенции 1992 года о трансграничном воздействии промышленных аварий (2003 г.)

Парижское соглашение

В результате анализа Парижского соглашения можно сделать вывод, что страдательный залог и конструкции со страдательный значением широко используются во всех трех языках для придания тексту официального, безличного и объективного характера, свойственного юридическим документам. Однако способы грамматического оформления не всегда совпадают.

Так, в статье 10.5 в русской версии документа употреблен страдательный залог, придающий конструкции более идиоматичный характер, в то время как в английской конструкции для деперсонализации использована конструкция «классического» страдательного залога.

*...Такие усилия **получают** надлежащую поддержку...*

*...Such effort **shall be... supported**...*

*...Cet effort **sera appuyé**...*

Встречается и обратная ситуация, когда во французском тексте, в отличие от русского и английского, используется действительный залог, как, например, в статье 16.6:

*...сессии... **проводятся** одновременно…*

*...sessions... **shall be held** in conjunction...*

*...sessions... **coïncideront** avec...*

Кроме того, для выражения страдательного значения не всегда используется страдательный залог, выраженный глагольной формой. В примере из преамбулы идея *мер, которые были приняты* выражена страдательными причастиями в русском и английском языках, тогда как во французском для той же цели служит более статичная номинализированная конструкция, что отражает стилистическую и грамматическую тенденцию к номинализации:

*...от воздействий мер, **принимаемых** в целях реагирования на него...*

*...by the impacts of the measures **taken** in response to it...*

*...par les effets des mesures **de riposte** à ces changements...*

Наконец, на примере статьи 11.2 очевидно, как расхождения могут проявляться даже в рамках одного предложения. Во всех трех вариантах документа положение статьи начинается со страдательной конструкции, но затем во французском языке используются глаголы в форме действительного залога, в то время как в русском и английском вариантах по-прежнему употреблены страдательные формы:

*Укрепление потенциала **должно осуществляться**... **базироваться** на...*

*Capacity-building **should be country-driven**, **based on**...*

*Le renforcement des capacités... **devrait être impulsé** par les pays, **prendre en compte** et **satisfaire**...*

Проведенный анализ Парижского соглашения демонстрирует, что, несмотря на общее преобладание форм действительного залога, страдательные конструкции играют ключевую роль в поддержании

официального стиля документа во всех трех языках. Настоящее положение подтверждено статистическими данными: в русском тексте страдательный залог используется чаще (38%), чем в английском (31,7%) и французском (30,4%) вариантах. Как показывают проанализированные примеры, страдательная конструкция в одном языке может быть «заменена» действительной в другом для сохранения идиоматичности или заменена альтернативными грамматическими формами, например, номинализированной конструкцией.

Таблица 15 – Соотношение страдательного и действительного залога в Парижском соглашении.

	RU	**EN**	**FR**
Действительный залог	62%	68.3%	69.6%
Страдательный залог	38%	31.7%	30.4%

Источник: Парижское соглашение (2015 г.)

В результате проведенного сопоставительного анализа семи текстов международных соглашений, репрезентирующих экологический дискурс, на русском, английском и французском языках удалось выявить, что выбор грамматического залога не является случайным решением, а представляет собой ключевой инструмент для конструирования реальности и достижения прагматических целей официально-делового юридического дискурса. Несмотря на различия в грамматической форме выражения действительного и страдательного значении, во всех трех языковых версиях прослеживаются общие закономерности, подчеркивающие приоритет актуализации функционального содержания, а не формальной структуры при составлении документов.

Формы страдательного залога используются во всех проанализированных текстах и выполняют ряд функций:

1. Достижение объективности и деперсонализации. Основная цель форм страдательного залога – смещение фокуса с субъекта действия (агенса)

на само действие, его объект или результат. Это придает тексту безличный, объективный и формальный характер, необходимый для юридически обязывающих документов. Агенс (*Стороны, Секретариат, конкретные органы*) часто опускается, если он может быть выведен из контекста или не имеет принципиального значения для понимания.

2. Акцент на процедурах, правилах и механизмах. Страдательные конструкции зачастую используются именно при описании нормативных и процедурных аспектов.
3. Учреждение органов. Создание комитетов, реестров и других механизмов последовательно выражается страдательным залогом в текстах на всех трех языках.
4. Установление правил. Применимость положений, принятие решений и выполнение процедур описываются также через формы страдательного залога.
5. Обработка информации. Действия, связанные со сбором, представлением и рассмотрением данных, также выражаются при помощи страдательного залога, подчеркивая сам процесс, а не его исполнителя.

Хотя общая функция страдательных форм едина, способы ее реализации в трех языках имеют свои особенности, что подтверждается как качественным, так и количественным анализом.

В текстах на русском языке наблюдается наиболее высокая частотность использования страдательных конструкций (в среднем 35-48% в зависимости от документа) за счет употребления глаголов на *-ся/-сь* со страдательным значением (регулируются, проводятся, применяются), являющихся характерной чертой официально-делового стиля в русском языке, а также кратких страдательных причастий в сочетании с глаголом-связкой «быть» (часто опускаемым в настоящем времени) (*меры приняты, доклад представлен, риски уменьшены*).

Кроме того, для русского языка характерно использование номинализации (например, *обеспечивает выявление*), что также служит цели деперсонализации, представляя действие как отвлеченный статичный процесс.

В текстах на английском языке преобладает использование классической аналитической формы страдательного залога (*to be* + Причастие II). Использование страдательных форм в английском тексте зачастую служит структурной основой для составления версий на русском и французском языках.

Анализ показал, что во французских текстах документов наблюдается наиболее высокая степень вариативности в средствах выражения страдательного значения. Наряду с классическими формами страдательного залога (*être* + Participe passé), широко используются функциональные эквиваленты, например, такие как местоименные глаголы со страдательным значением (*s'appliquer, s'effectuer, se faire*). Кроме того, в ряде случаев, где в русском и английском вариантах используется страдательный залог, во французском предпочтение отдается действительной конструкции с указанием агенса, что зачастую смещает фокус внимания на ответственное лицо/орган.

Несмотря на эти различия, между соответствующими текстами на трех языках наблюдается высокая степень функциональной эквивалентности. Страдательное по смыслу положение практически всегда актуализируется посредством конструкции со страдательным значением на всех трех языках, что свидетельствует о стремлении к единообразию и точности индуцирования юридического смысла.

Анализ всех семи документов подтвердил эти тенденции. Хотя процентное соотношение действительного и страдательного залогов варьируется от документа к документу, общая тенденция может быть четко прослежена. Выбор залога продиктован не столько тематикой конкретного

соглашения, сколько непосредственно его принадлежностью к юридическому дискурсу.

В контексте усилий по борьбе с изменением климата такой подход к использованию страдательного залога, с одной стороны, позволяет закрепить принцип общей ответственности в структуре документа, смещая акцент с усилий на уровне отдельных стран на универсальную цель, вследствие чего обязательствам придается характер объективной, неоспоримой нормы. Однако эта же грамматическая особенность текстов обладает двойственным характером. Деперсонализация и устранение агенса могут служить не только для создания объективности, но и для размывания границ прямой ответственности. Такие формулировки, как, например, *должны быть приложены усилия* (*efforts shall be made*) позволяют сторонам соглашаться с общим принципом, но при этом дистанцироваться от конкретного, измеримого вклада в общую цель, что указывает на разную степень вовлеченности. Таким образом, использование форм страдательного залога позволяет достичь компромисса: благодаря ему возможно достижение консенсуса, но в то же время реальный вклад и ответственность сторон могут оставаться неявными, что представляет собой системную проблему в рамках обсуждения климатической тематики.

Достижение семантической и прагматической эквивалентности между аутентичными текстами напрямую связано с последовательностью в использовании грамматических структур. Несмотря на формальные различия, их системное применение в аналогичных контекстах – для описания процедур, учреждения органов или установления норм – создает структурную эквивалентность, благодаря которой одно и то же положение не только индуцирует конструирование идентичного смысла, но и выполняет одинаковую коммуникативную задачу и оказывает равное юридическое воздействие на реципиента. Тем не менее именно эти различия в грамматическом оформлении приводят к смещению смысловых акцентов. Так, например, выбор формы страдательного залога во французском тексте

служит цели придания ответственности более персонализированный характер, где на передний план выходит активный субъект (*le Directeur annonce...*), тогда как при помощи страдательных конструкций в английском и русском языках (*shall be communicated, направляются*) фокус внимания направлен на сам объект и процесс, что делает изложение более безличным.

Проведенный сопоставительный анализ демонстрирует наличие концептуального изоморфизма между текстами международных экологических соглашений на русском, английском и французском языках, проявляющегося в единообразии когнитивного моделирования юридической реальности при различии формально-грамматических средств её языкового выражения. Выявленная закономерность в выражении страдательного залога свидетельствует о том, что выбор грамматических средств подчинен не произвольным стилистическим предпочтениям, а глубинной когнитивной стратегии конструирования объективированной, деперсонализированной правовой реальности, характерной для институционального дискурса в целом.

Сохранение содержательного инварианта при межъязыковой вариативности форм объясняется тем, что в основе всех трех языковых версий лежит единая концептуальная модель юридического обязательства, требующая смещения фокуса внимания с конкретного исполнителя на нормативный характер предписываемого действия. При структурной асимметрии базовая концептуальная структура остается инвариантной: действие концептуализируется как объективный процесс, существующий независимо от конкретного агенса, что создает эффект универсальности и обязательности юридической нормы для всех участников соглашения.

2.4. Равноценность актуализации категории темпоральности в разноязычных текстах международных соглашений

Принцип аутентичности многоязычных международных соглашений предполагает их полную юридическую и смысловую равнозначность. Для этой цели требуется достижение эквивалентности не только на лексико-

семантическом, но и на грамматическом уровне, ключевым элементом которого является категория темпоральности. Настоящий раздел посвящен сравнительному анализу темпоральных характеристик международных соглашений на русском, английском и французском языках с целью выявления механизма достижения функциональной темпоральной эквивалентности и определения, за счет каких именно соответствий и компенсаторных средств структурно асимметричные видо-временные формы сопоставляемых языков гарантируют актуализацию инвариантного юридического смысла.

Ниже будут рассмотрены темпоральные характеристики каждого из семи международных соглашений на русском, английском и французском языках, репрезентирующих международный экологический дискурс.

Картахенский протокол по биобезопасности

Темпоральная структура Картахенского протокола во всех трех аутентичных версиях отражает общую для юридического стиля тенденцию ограничения набора видо-временных форм. В преобладающем количестве положений использовано настоящее время, устанавливающее вневременные нормы и обязательства. В результате количественного анализа выявлено, что другие временные формы встречаются в единичных случаях. Так, в английском тексте формы времен (Present Perfect и Past Simple) встречаются суммарно 4 раза, а будущее (Future Simple) – всего один раз. Схожая картина наблюдается и во французской, и в русской версиях. Полное отсутствие грамматических времен, используемых для повествования или описания, например, таких как Present Continuous или Imparfait, и преобладающее использование форм настоящего времени обеспечивают создание общего темпорального контура, который служит основой для достижения функциональной эквивалентности текстов документов.

В рамках анализа английского текста Картахенского протокола выявлено, что конструкция Present Perfect используется всего в трех случаях, выполняя функцию связи совершенного действия с актуальными правовыми

последствиями. Сравнительный анализ конструкций в Статье 12.2 (см. Приложение) трех аутентичных вариантах текста свидетельствует о высокой степени темпоральной эквивалентности: английской конструкции *a decision it has made* в русском языке соответствует прошедшее время совершенного вида (было принято) и Passé composé (*a prise*) во французской версии. Эти конструкции выступают прямыми аналогами формы Present Perfect, подчеркивая юридически значимый результат действия [Голев, 2003, С. 146].

Однако в других случаях наблюдается грамматическая асимметрия между французской и английской/русской версиями документа для выражения того же правового смысла. Так, в статье 12.2 (b) (см. Приложение 5) английская конструкция *has become available*, выражающая динамический переход в новое состояние с акцентом на его актуальности для настоящего, в русском языке выражено формой прошедшего времени совершенного вида (*появилась*), которая, в отличие от несовершенного, подчеркивает результат завершенного действия [Бондарко, 2007, С. 26-27]. Таким образом, и в английской, и в русской версиях ситуация представлена как событие, в результате которого информация изменила свое состояние. В то же время во французском тексте для передачи этого же результата использована статическая конструкция настоящего времени *sont disponibles* (*являются доступными*), что отражает констатацию текущей правовой реальности, а не событие, которое ее породило.

В статье 12.2 (см. Приложение 5) между русским и английским языками вновь наблюдается структурная близость в выражении категории темпоральности (конструкции *has previously notified* и *уведомил*) для описания предшествующего действия. Во французском тексте тот же смысл выражен через номинативную конструкцию с атрибутивным определением*:* *notifications antérieures* (*предыдущие уведомления*), что не приводит к прямой темпоральной привязке.

Использование будущего времени в Картахенском протоколе также является показательным для анализа структурной асимметрии в выражении темпоральности. В Статье 10, пункт 3(a) (см. Приложение 5), описывается содержание будущего решения и способ его реализации. В английском (*how the decision will apply*) и французском (*comment la décision s'appliquera*) вариантах текста наблюдается высокая степень грамматической эквивалентности за счет использования Future Simple и Futur simple соответственно. Выбор *will* в английском варианте текста подчеркивает, что речь идет не о наложении обязательства на Сторону, а об описании будущего функционирования самого решения [Garner, 2011, C. 955]. Применение решения представлено как будущее следствие текущего действия. В русской версии использована форма настоящего времени несовершенного вида (*как это решение применяется*). Употребление настоящего времени для обозначения будущих событий соответствует грамматической норме в русском языке [Бондарко, 2007, С. 32], однако такое использование настоящего времени приводит к смещению темпорального акцента. Вместо описания будущего следствия, русский текст формулирует это как вневременное свойство или атрибут самого решения. То есть применение решения к будущим поставкам – это не то, что произойдет с решением, а то, что является его неотъемлемой характеристикой, устанавливаемой в момент его принятия.

Для темпоральной структуры Картахенского протокола на трех языках характерна функциональная эквивалентность, достигнутая за счет разных грамматических средств, что наиболее очевидно при ссылках на прошлые события, имеющие правовые последствия. В английской и русской версиях наблюдается использование глагольных форм прошедшего времени, что подчеркивает динамический аспект – переход в новое состояние. Напротив, во французской версии в тех же контекстах прослеживается тенденция к использованию конструкций настоящего времени или атрибутивных оборотов, которые вербализуют уже существующее, статичное состояние.

Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях

Ключевой особенностью темпоральной системы Конвенции, как и в рассмотренном выше случае с Картахенским протоколом, является преобладание настоящего времени. Во всех трех языковых версиях оно выполняет две основные юридические функции:

1. Прескриптивная функция (см. раздел 2.2.1);
2. Констатирующая функция: для определений и установления непреложных фактов в рамках документа, придавая им статус «вневременной истины». Так, в Статье 2 определение термина *Сторона* дается через настоящее время во всех трех языках:

   “Сторона” означает государство...

   ‘Party’ means a State...

   «Partie » s’entend d’un État...

Для описания действий, которые произошли в прошлом, но результат которых является юридически значимым для настоящего, в трех версиях Конвенции используются семантически эквивалентные, хотя и формально разные, временные конструкции. В ходе анализа было выявлено 13 таких случаев, демонстрирующих строгую межъязыковую корреляцию. В английской версии примечательно полное отсутствие времени Past Simple. Вместо него последовательно используется Present Perfect. Этот выбор обусловлен необходимостью подчеркнуть не сам факт действия, а его актуальный результат, который создает правовую основу для применения норм Конвенции в настоящем. Этой английской конструкции во всех 13 случаях соответствует прошедшее время совершенного вида в русском варианте и Passé composé в тексте на французском языке, как, например, в заключительной части преамбулы:

The Parties... have agreed as follows…

Стороны… договорились о нижеследующем…

Les Parties... sont convenues de ce qui suit…

Будущее время используется крайне редко – выявлено всего 5 случаев в русскоязычной версии – и только для обозначения конкретных, однократных процедурных шагов. В большинстве других контекстов, подразумевающих направленность в будущее, использовано предписывающее настоящее.

В Статье 18, пункт 6, конструкция в русской версии приложение, которое будет утверждено передается во французском языке через Futur simple (*dans une annexe que la Conférence des Parties adoptera au plus tard*), что является прямым грамматическим аналогом. Однако в английской версии для этой же цели служит более лаконичная инфинитивная конструкция (*an annex to be adopted*). Аналогичная тенденция прослеживается и в других случаях.

Так, в Статье 19.2, русскому придаточному предложению «с периодичностью, которую установит Конференция» соответствуют неличные формы в английском и французском языках: *at regular intervals to be decided* и *à des intervalles réguliers à décider*.

Выявленная грамматическая асимметрия в оформлении предстоящих событий требует более глубокого осмысления с позиций биокогнитивного подхода. Как отмечается в когнитивной лингвистике, грамматический концепт будущности не является объективной данностью, а конструируется ресурсами конкретного языка в зависимости от перспективы наблюдателя [Жулина, 2006]. В русскоязычном тексте используется форма простого будущего времени, которая с когнитивной точки зрения представляет собой настоящее время глагола совершенного вида. Наблюдателем констатируется целостное, результативное действие, которое не может «уместиться» в момент речи, вследствие чего сознание закономерно проецирует его в сферу ожидаемого будущего.

В английском языке, напротив, морфологическая категория будущего времени как таковая отсутствует [Кравченко, 1999, С. 148]. Использование глаголов *will* или *shall* рассматривается не как показатель грамматического

времени, а как проявление модальности. Как указывает А. В. Кравченко, глагол *shal* в официальном стиле несет смысл «необходимости или предопределенности» [Кравченко, 1999, С. 144]. Во избежание жесткой императивности этой формы в английском тексте используется инфинитивная конструкция (*to be decided*). С когнитивной точки зрения инфинитив репрезентирует действие как обобщенное понятие вне строгих пространственно-временных рамок [Кравченко, 1999, С. 12]. Статус объекта констатируется в настоящем моменте, а частица *to* задает вектор к его потенциальной реализации. Во французском языке в данном случае прослеживается следование структурной модели, схожей с английской, за счет использования инфинитива (*à décider*). Однако в случаях, когда во французском тексте употребляется форма Futur simple, способ репрезентации меняется. Согласно концепции Г. Гийома, в простом будущем времени событие полностью отделяется от настоящего и концентрируется на «полюсе инциденции» (в стадии неизбежного становления). Как отмечает К. С. Мочалов, в результате такого хроногенеза событие выступает в своей целостности и приобретает абсолютную категоричность утверждения [Мочалов, 2013, С. 532]. В юридическом дискурсе эта когнитивная модель функционирует как «предписывающее будущее» (Futur prescriptif), гарантирующее наступление правового последствия.

Таким образом, если в русскоязычном тексте результативность действия проецируется в будущее, то в английском и французском вариантах та же правовая реальность концептуализируется через актуальное состояние объекта в настоящем, предписанного к выполнению посредством инфинитивных конструкций.

Протокол по стратегической экологической оценке к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте

Ключевой особенностью темпоральной структуры Протокола во всех трех версиях является преобладание глагольных форм настоящего времени. Данное явление обусловлено прагматической задачей документа:

установлением вневременных, универсальных правовых норм, определений и обязательств для создания прочной и стабильной юридической основы, благодаря которой права и обязанности Сторон не зависят от времени, а носят постоянный и универсальный характер.

Употребление прошедшего времени в тексте Протокола строго функционально и употребляется либо для отсылки к событиям, предшествовавшим созданию документа (принятие решений, подписание), либо для выражения завершенности процедурного этапа к моменту, о котором идет речь.

В способах грамматического выражения этих значений в текстах на трех языках выявлены как сходства, так и различия. В русской версии последовательно используются прошедшее время глаголов совершенного вида (договорились, было решено, подписали) и краткие страдательные причастия (приняты, сделаны), подчеркивающие результативность и завершенность действия.

В английском языке для действий, результат которых непосредственно релевантен для настоящего момента используется Present Perfect (*have agreed, have signed, have been taken into account*), а для констатации фактов, произошедших в конкретный момент в прошлом (*was decided, entered into force*) – Past Simple. Во французской версии в подавляющем большинстве случаев (10 раз) применяется *passé composé*, которое служит универсальным эквивалентом для обеих английских форм, актуализируя идею завершенного в прошлом действия.

В рамках сопоставительного анализа выявляется высокая степень эквивалентности, но асимметричные способы грамматического выражения темпоральности также наблюдаются в тексте документа. Например, английскому *it was decided to prepare* в русской и французской версиях соответствуют отглагольные существительные: «о решении о подготовке»; *concernant l'établissement («касательно учреждения»).*

Использование явных форм будущего времени в Протоколе является исключительным. Так, например, следует отметить, что все три случая употребления Future Simple с глаголом *will* в английской версии находятся не в основных статьях, устанавливающих обязательства, а в преамбуле и приложениях. Они выполняют функцию выражения прогноза, описания вероятных или потенциальных последствий и результатов. В примерах из преамбулы в вариантах текста на трех языках использованы формы глагола будущего времени, что обеспечивает полную темпоральную эквивалентность.

В примере из Приложения III выявляется асимметрия: для выражения прогноза в английской и французской версиях используются формы будущего времени (*will affect / aura des retombées*). В русской же версии в этом контексте предпочтение употреблено настоящее время (*затрагивает*), что позволяет представить потенциальное воздействие как вневременную характеристику или свойство оцениваемого объекта.

Протокол о регистрах выбросов и переноса загрязнителей к Конвенции 1998 года о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды

Темпоральная организация текста Протокола о РВПЗ тесно связана с цикличностью описываемых процессов (отчетность, сбор данных), что находит отражение в использовании видо-временных форм. Доминирующей временной формой, как и в других процедурных документах, выступает настоящее время, охватывающего повторяющиеся регулярные действия. В ходе сопоставительного анализа выявлена устойчивая модель индуцирования значения периодичности. В статье 8.1, регламентирующей сроки отчетности, наблюдается грамматическая асимметрия при сохранении функционального тождества:

*Каждая Сторона **обеспечивает**, чтобы... информация **представлялась**...*

*Each Party **shall ensure** that... information is **reported**...*

Chaque Partie ***fait en sorte que****... les informations* ***soient communiquées****...*

В русском тексте используется глагол несовершенного вида (*обеспечивает*, *представлялась*), что подчеркивает процессуальность и повторяемость действия. В английском тексте конструкция *shall ensure* совмещает модальность обязательства с семантикой направленности в будущее. Во французском тексте используется конструкция *fait en sorte* (настоящее время) с последующим употреблением формы сослагательного наклонения (*soient communiquées*), что смещает темпоральный акцент с реального времени на желаемый результат.

Особый интерес представляет выражение темпоральности в положениях, касающихся вступления обязательств в силу:

...поправка ***вступает*** *в силу...*

...the amendment ***shall enter*** *into force...*

...l'amendement ***entrera*** *en vigueur...*

Так, в статье 20.3 в русском тексте используется форма настоящего времени (*вступает*), что позволяет сделать вывод о концептуализации юридического факта как вневременной нормы, которая «активируется» при наступлении условий. Во французской версии используется Futur simple (*entrera*), что четко локализует событие в будущем по отношению к моменту ратификации. Это подтверждает выявленную ранее тенденцию, характерную для французского юридического дискурса, к использованию будущего времени для обозначения гарантированных правовых последствий.

Протокол о гражданской ответственности и компенсации за ущерб, причиненный трансграничным воздействием промышленных аварий на трансграничные воды

Специфика настоящего Протокола, регулирующего последствия свершившихся фактов (нанесения ущерба), определяет его темпоральную структуру, в которой особое значение приобретает связь прошедшего действия с настоящим моментом.

В статье 8.3, описывающей условия предоставления информации использованы следующие временные формы для описания события, произошедшего в прошлом, но имеющего актуальные последствия:

*Если промышленная авария... **причинила** ущерб...*

*If the industrial accident... **has caused** damage...*

*Si l'accident industriel... **a causé** des dommages...*

В английском тексте используется Present Perfect (*has caused*), который грамматически связывает прошлое действие с моментом речи. Французский текст использует Passé composé (*a causé*), выполняющий аналогичную функцию. В русском языке для этой цели служит прошедшее время глагола совершенного вида («причинила»). Несмотря на то, что в русском языке формально отсутствует категория перфекта, совершенный вид в данном контексте функционально эквивалентен английскому Present Perfect: он обозначает не просто действие в прошлом, а факт его свершения, являющийся юридическим основанием для текущих обязательств.

В Статье 10 при описании сроков исковой давности в английском тексте используется модальная конструкция с *shall* для установления правила на будущее:

*...actions for compensation... **shall be subject** to a limitation period...*

В русском тексте используется настоящее время несовершенного вида, констатирующее факт как постоянное свойство правовой системы:

*...иски о компенсации... **погашаются** исковой давностью...*

Во французском тексте используется возвратная конструкция в настоящем времени:

*...les actions en réparation... **se prescrivent...***

Международное соглашение по тропической древесине

Темпоральная структура данного Соглашения отличается высокой степенью стандартизации. В результате анализа выявлено широкое использование форм будущего времени во французском тексте для описания статуса документа, что отличает его от русской и английской версий.

В статье 36.1, касающейся открытия для подписания, наблюдается следующее соответствие:

*Настоящее Соглашение **открыто** для подписания...*

*This Agreement **shall be open** for signature...*

*Le présent Accord **sera ouvert** à la signature...*

В данном случае во французском тексте используется Futur simple (*sera ouvert*), которое подчеркивает, что это событие наступит после принятия текста документа. В английском тексте употребляется конструкция *shall be open*, которая в юридическом контексте является маркером императива. В русском тексте использовано краткое причастие настоящего времени (*открыто*), благодаря которому доступность для подписания представляется как актуальное состояние документа.

Аналогичная картина наблюдается в статье 44.1, касающейся срока действия Соглашения:

*Настоящее Соглашение **остается** в силе...*

*This Agreement **shall remain** in force...*

*Le présent Accord **restera** en vigueur...*

В настоящем примере во французском тексте употребляется Futur simple (*restera*), что акцентирует внимание на протяженности действия договора в будущем. В русском языке, напротив, используется форма настоящего времени (*остается*), которая описывает срок действия как актуальное состояние. Это свидетельствует о различиях в концептуализации: в русскоязычной картине мира юридическая сила документа воспринимается как его постоянное свойство, существующее в момент речи, тогда как во французской традиции она осмысляется как динамическое состояние, длящееся во времени.

Сохранение содержательного инварианта при вариативности грамматического оформления свидетельствует о том, что юридическое значение международного соглашения не «содержится» в конкретных языковых формах, а возникает в процессе координированной деятельности

участников правового дискурса. Авторы аутентичных версий документов, действуя в едином поле взаимодействия в рамках международного права, ориентированы на достижение общей цели – установление вневременных, универсально применимых правовых норм. Эта общая ориентация задает функциональные ограничения на выбор грамматических средств: независимо от структурных возможностей конкретного языка, вербализованы те конструкции, которые наиболее эффективно реализуют прескриптивную и констатирующую функции, ограничивают модальную и темпоральную вариативность, создают эффект юридической определенности.

Выводы по Главе 2

На основе проведенного сопоставительного анализа семи международных соглашений в сфере экологии на русском, английском и французском языках, могут быть сформулированы следующие выводы:

1. Установлено, что правовое поле международных экологических соглашений структурируется с помощью системы универсальных концептуальных метафор. Метафорические модели «СОГЛАШЕНИЕ – ЭТО ЗДАНИЕ/СТРУКТУРА», «ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА – ЭТО ВРАГ/ВОЙНА» и «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ» обеспечивают когнитивную когерентность разноязычных текстов. Эти модели позволяют трансформировать абстрактные юридические и экологические категории в конкретные образы физического опыта, создавая единую «консенсуальную область» восприятия для всех сторон договора.
2. Выявлена системная грамматическая асимметрия при выражении модальности обязательства. В то время как английский текст демонстрирует высокую степень унификации через использование конструкции *shall + infinitive*, русский и французский языки тяготеют к использованию форм настоящего времени (*Présent de l'indicatif* / настоящее несовершенного вида), выполняющих перформативную функцию. Данное различие не препятствует достижению эквивалентности, так как во всех трех языках формируется идентичная когнитивная модель «вневременной, постоянно действующей нормы».
3. В результате анализа удалось установить, что краткое прилагательное с модальным значением *должен* в русском языке обладает высокой степенью семантической гибкости и может использоваться как для выражения строгого обязательства, так и для актуализации рекомендательного значения. В отличие от английского (*shall/should*) и французского (*doit/devrait*) языков, где эти значения строго разграничены на уровне грамматики, в русском тексте точная

интерпретация нормы часто требует сопоставительного анализа аутентичных версий на других языках, что указывает на зоны потенциальной правовой неоднозначности.

4. Категория залога в исследуемых текстах выступает механизмом деперсонализации правовой нормы. Русский юридический дискурс характеризуется наиболее высокой частотностью использования страдательного залога и возвратных глаголов (до 48%), что смещает фокус внимания на объект воздействия. В английском и французском языках чаще встречаются конструкции действительного залога с абстрактным субъектом. Тем не менее установлена функциональная равнозначность этих средств: они в равной степени обеспечивают прагматическую установку на объективность и устранение личной ответственности конкретного исполнителя.
5. Темпоральная эквивалентность текстов достигается за счет доминирования «вневременного настоящего». Установлено, что будущее время (*will / Futur simple*) используется избирательно: во французском юридическом узусе оно подчеркивает неизбежность наступления правовых последствий, в то время как в русском и английском языках те же правовые ситуации концептуализируются как уже установленный, постоянно существующий порядок.
6. Эквивалентность аутентичных текстов не сводится к формальному тождеству языковых знаков, а основывается на сохранении содержательного инварианта – смыслового ядра, которое остается неизменным вне зависимости от лингвокультуры. Вариативность лексико-грамматических средств в разных языках является не препятствием, а необходимым условием сохранения этого инварианта в условиях несовпадения языковых картин мира.

Заключение

На основе проведенного сопоставительного анализа лингвокогнитивных оснований эквивалентности аутентичных текстов международных соглашений в сфере экологии (на материале русского, английского и французского языков) разработана типология межъязыковых когнитивно-прагматических соответствий. Представляется возможным сформулировать итоговые выводы, изложенные ниже.

Проведенное исследование позволяет предположить, что достижение эквивалентности в многоязычных правовых документах является сложным процессом, который не ограничивается поиском межъязыковых соответствий.

В основе юридической презумпции идентичности текстов, по-видимому, находятся лингвокогнитивные механизмы, позволяющие нивелировать объективные несовпадения лексико-грамматических систем сопоставляемых языков. В ходе работы было обосновано положение о том, что аутентичный текст международного договора может рассматриваться как сверхсложный знак. Как представляется, его функционирование обеспечивается за счет сохранения содержательного инварианта – когнитивной структуры, остающейся неизменной вне зависимости от лингвокультуры.

На основе проведенного комплексного анализа представляется возможным выделить следующие ключевые признаки межъязыкового содержательного инварианта аутентичного текста:

- Сохранение единой коммуникативной цели и перформативного характера высказывания. Вне зависимости от лексико-грамматического оформления, формы выражения модальности в разных языках (например, модальные глаголы *shall/devoi* или прескриптивное настоящее время) должны репрезентировать строго идентичный тип речевого акта – категорическое обязательство, разрешение, рекомендацию или запрет.

- Опора на общую систему базовых концептов и универсальных метафорических моделей (например, «СОГЛАШЕНИЕ – ЭТО СТРУКТУРА/ЗДАНИЕ», «ПРОБЛЕМА – ЭТО ВРАГ»). Настоящие механизмы задают общую концептуальную базу для восприятия абстрактных правовых норм и экологических вызовов представителями разных правовых культур.
- Сохранение глубинной семантико-синтаксической структуры ситуации (ролей агенса, пациенса). При неизбежной асимметрии на синтаксическом уровне (например, при использовании страдательного залога в русском языке и действительного в английском или французском), фокус правовой ответственности и субъектно-объектные отношения остаются юридически однозначными.
- Тождество темпоральной локализации правовых последствий. Различные видо-временные формы сопоставляемых языков выполняют общую задачу – актуализацию вневременной (постоянно действующей) нормы или фиксацию завершенности перехода в новое юридическое состояние.

Наличие указанных признаков обеспечивает когнитивное и структурное сопряжение смыслов. Таким образом, с позиций биокогнитивного подхода текст договора представляется эффективным инструментом координации совместной деятельности государств, способствующим формированию единой «консенсуальной области» взаимодействия.

Анализ экологического дискурса за период 2000–2024 гг. позволяет сделать вывод, что важную роль в структурировании правовой реальности предположительно играют концептуальные метафоры. Универсальные модели («СОГЛАШЕНИЕ – ЭТО ЗДАНИЕ», «ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА – ЭТО ВРАГ/ВОЙНА», «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ») формируют единый когнитивный «каркас» документов, что может способствовать достижению схожего восприятия абстрактных юридических

категорий носителями разных языков при учете общности физического опыта. Когнитивная когерентность в данном контексте может рассматриваться как одно из условий функциональной эквивалентности.

В результате исследования выявлены определенные несовпадения в способах выражения деонтической модальности, залога и темпоральности, которые, тем не менее, представляются преодолимыми на функциональном уровне:

1. Установлено, что обязательства, выражаемые в английском языке конструкцией *shall + infinitive*, в русском и французском языках могут быть функционально эквивалентно вербализованы формами настоящего времени, выполняющими перформативную функцию.
2. Анализ употребления русского краткого прилагательного с модальным значением *должен* указывает на его значительную семантическую гибкость. Представляется, что в ряде случаев его точная интерпретация может требовать обращения к аутентичным версиям на других языках для уточнения степени императивности нормы.
3. Категория залога в текстах соглашений, по-видимому, выступает инструментом объективации изложения. Несмотря на более высокую частотность использования страдательных конструкций в русском языке в сравнении с английским и французским, общая прагматическая направленность на деперсонализацию нормы представляется схожей во всех трех версиях.

В заключение следует отметить, что полученные данные в целом согласуются с выдвинутой гипотезой: эквивалентность аутентичных текстов достигается не через формальное тождество знаков, а через способность разноязычных версий «активировать» в сознании реципиентов сопоставимые когнитивные модели. Выявленные несовпадения в выборе языковых средств могут рассматриваться как естественное проявление специфики каждой лингвокультуры, не препятствующее сохранению инварианта.

Ключевой задачей исследования выступало определение механизмов, позволяющих текстам на структурно различных языках обеспечивать единое правоприменение. Теоретическое решение данного вопроса кроется в консенсуальной природе интерпретации, где язык функционирует не как система кодирования данных, а как механизм когнитивной координации. Язык целесообразно рассматривать не как код для механической передачи информации, а как инструмент совместного конструирования смысла. Выявленная лексико-грамматическая вариативность представляет собой не препятствие, а закономерный процесс адаптации языковых стимулов к специфике конкретной лингвокультуры. Эти стимулы актуализируют единый ментальный конструкт – содержательный инвариант, что приводит к формированию реляционной консенсуальной области в рамках экологического дискурса. Благодаря этому механизму разноязычные тексты служат средством конструирования единой правовой реальности, обеспечивая единообразное понимание норм и схожее результирующее поведение государств. Таким образом, лингвокогнитивная эквивалентность представляет собой не структурную симметрию языковых единиц, а успешную когнитивную координацию.

Перспективы дальнейшего изучения проблемы заключаются в возможности расширения эмпирической базы за счет включения других официальных языков ООН, изучение документов, отражающих толкования положений МС в международных и национальных судах, а также в исследовании лингвокогнитивных оснований эквивалентности в иных типах международного институционального дискурса.

Список литературы

1. Алибулатова, М. М. Категория залога в разносистемных языках : автореф. дис. … канд. филол. наук / Алибулатова Мадина Магомедалиевна. — Махачкала, 2009. — 27 с.
2. Александров, Ю. И. Закономерности актуализации индивидуального опыта и реорганизации его системной структуры: комплексное исследование / Ю. И. Александров // Труды ИСА РАН. — 2011. — Т. 61, № 3. — С. 3–24.
3. Алонцева, Н. В. Текстовые и языковые нормы официально-деловых документов / Н. В. Алонцева, С. Б. Томашевич // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2012. — № 1. — С. 33–37.
4. Антропова, А. Е. Категория одновременности в английском и русском языках : дис. … канд. наук : 5.9.8 / Антропова Анастасия Евгеньевна. — Казань, 2025. — 225 с.
5. Апресян, Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — М. : Школа «Языки славянских культур», 2006. — 912 с.
6. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — М. : Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
7. Архипов, И. К. Язык и языковая личность : учебное пособие / И. К. Архипов. — СПб. : Книжный Дом, 2008. — 248 с.
8. Бальхаева, С. Б. Виды вступления в силу международных договоров Российской Федерации / С. Б. Бальхаева // Журнал российского права. — 2011. — № 8. — С. 56.
9. Бальхаева, С. Б. Вступление в силу международных договоров Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.10 / Бальхаева Саяна Баировна. — М., 2013. — 32 с.

10. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. — М. : Междунар. отношения, 1975. — 240 с.
11. Белоглазова, Е. В. О вариативности проявления дискурсной гетерогенности / Е. В. Белоглазова // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 324. — С. 15–19.
12. Беляевская, Е. Г. Концептуальная метафора как источник стилистических приемов в дискурсе / Е. Г. Беляевская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2013. — № 3 (36). — С. 41–48.
13. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. с англ. Е. Д. Руткевич. — М. : Медиум, 1995. — 323 с.
14. Бехтерева, Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни / Н. П. Бехтерева. — СПб. : Нотабене, 1999. — 296 с.
15. Биленко, Ж. Л. Лексико-грамматические и стилистические особенности англоязычных документов / Ж. Л. Биленко // Вестник ХНАДУ. — 2007. — № 39. — [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-grammaticheskie-i-stilisticheskie-osobennosti-angloyazychnyh-dokumentov (дата обращения: 07.03.2026).
16. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. — 204 с.
17. Богинская О. А. Теория дискурсивного взаимодействия в условиях асимметрии знания и власти: дисс. … д-ра филол. наук. Майкоп, 2020.
18. Богинская, О. А. Экспликация категории деонтической модальности в англоязычных текстах международно-правовых документов / О. А. Богинская // Верхневолжский филологический вестник. — 2022. — № 4 (31). — С. 119–126.
19. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 18–36.

20. Большакова, М. Г. Стратегии и приемы перевода международно-правовых документов / М. Г. Большакова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2023. — № 3. — С. 42–53.
21. Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление) / А. В. Бондарко. — М. : Просвещение, 1971. — 239 с.
22. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. — 4-е изд. — М. : URSS, 2007. — 206 с.
23. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер ; пер. с нем. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 232 с.
24. Вдовина, О. А. Языковая специфика научного текста по международным отношениям / О. А. Вдовина // Вестник МГИМО Университета. — 2010. — № 5. — С. 235–245.
25. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawtreat.pdf (дата обращения: 07.03.2026).
26. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — М. : Высш. шк., 1986. — 640 с.
27. Власенко, Н. А. Язык права / Н. А. Власенко. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1997. — 176 с.
28. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с.
29. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М. : Наука, 1981. — 139 с.
30. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом ; пер. с фр. П. А. Скрелина. — М. : Прогресс, 1992. — 218 с.

31. Голев, Н. Д. Юрислингвистическая экспертиза на стыке языка и права / Н. Д. Голев, О. Н. Матвеева // Сибирский филологический журнал. — 2003. — № 1. — С. 142–152.

32. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. — М. : Прогресс, 1985. — С. 217–237.

33. Гриднева, Н. Н. Основы семантики синтаксиса : учебное пособие по теоретической грамматике английского языка / Н. Н. Гриднева. — СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2009. — 48 с.

34. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. — М. : Прогресс, 1985. — 452 с.

35. Гурочкина, А. Г. Скрытые формы речевого воздействия в непрямой коммуникации / Гурочкина А.Г. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2019. — № 192. — С. 46–52.

36. Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. — 2001. — № 1. — С. 35–47.

37. Дружинин, А. С. Когнитивные основы языкового конструирования ирреальности : дис. … д-ра филол. наук : 5.9.8 / Дружинин Андрей Сергеевич. — М., 2024.

38. Дружинин, А. С. Почему прошлое ирреально и что ирреального в прошлом: когнитивный аспект типологической взаимосвязи категорий ирреалиса и прошедшего времени глагола / А. С. Дружинин, Н. А. Лаврова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2024. — № 87. — С. 23–54. — DOI: 10.17223/19986645/87/2.

39. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.efremova.info/ (дата обращения: 26.11.2022).

40. Жулина, Е. Б. Категории времени и вида в современном английском языке: когнитивный подход : дис. … канд. филол. наук / Жулина Е. Б. — СПб., 2006.
41. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. — М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1999. — 382 с.
42. Иванов, О. П. Современное мировоззрение с позиций экологии, синергетики и теории сложных систем / О. П. Иванов, М. А. Винник, В. В. Снакин // История и педагогика естествознания. — 2016. — № 3. — С. 8–15.
43. Иванова, Е. В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе : автореф. дис. … канд. филол. наук / Иванова Е. В. — Челябинск, 2007. — 24 с.
44. Иконникова, В. А. Центробежные и центростремительные тенденции в развитии англоязычных юридических терминосистем / В. А. Иконникова // Преподаватель XXI век. — 2013. — № 2, ч. 4. — С. 324–330.
45. Иовенко, В. А. Национальное мировидение в двуязычной коммуникации / В. А. Иовенко // Вестник МГИМО Университета. — 2013. — № 4 (31). — С. 302–311.
46. Казакова, Т. А. Метаязык переводоведения / Т. А. Казакова // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2016. — Вып. 4. — С. 75–85.
47. Казловская, Л. П. Функциональная значимость пассивного залога в английском и французском языках / Л. П. Казловская // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в вузе : материалы III междунар. науч.-практ. онлайн-семинара (вебинара). — Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. — С. 45–49.

48. Калина, В. Ф. Международный договор: виды и техника подготовки / В. Ф. Калина // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2013. — № 2. — С. 131–139.
49. Капустин, А. Я. Международное судебное толкование международного договора: современные тренды / А. Я. Капустин // Журнал российского права. — 2021. — Т. 25, № 8. — С. 104–117. DOI: 10.12737/jrl.2021.102.
50. Каплан, А. Я. Мы — это больше, чем наш мозг: в поисках субъективного начала / А. Я. Каплан // Теология и современные исследования сознания. — 2019. — № 2 (4). — С. 25–34. — DOI: 10.24411/2541-9587-2019-10013.
51. Карасик, В. И. Комиссив как поступок: лингвокультурные характеристики / В. И. Карасик // Жанры речи. — 2016. — № 2 (14). — С. 56–66.
52. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. — Воронеж : ВГУ, 2001. — С. 75–80.
53. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с.
54. Касимова, Д. И. Лингвокогнитивное моделирование политического дискурса России и США : дис. … канд. филол. наук : 5.9.8 / Касимова Диана Ильдусовна. — Волгоград, 2023. — 202 с.
55. Катаева, С. Г. Немецкий политический язык: основные направления и тенденции развития : на материале политической лексики : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.04 / Катаева Сталиса Гавриловна. — М., 2009. — 42 с.
56. Кашичкин, А. В. Имплицитность в контексте перевода : (На материале англо-рус. и рус.-англ. пер. публицист. и науч. текстов) : дис. … канд.

филол. наук : 10.02.20 / Кашичкин Алексей Владимирович. — М., 2003. — 172 с.

57. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский ; отв. ред. А. М. Шахнарович. — М. : Наука, 1990. — 108 с.
58. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. — М. : Высш. шк., 1990. — 253 с.
59. Конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 14.09.2025).
60. Кравченко, А. В. Английский глагол: новая грамматика для всех : учебное пособие / А. В. Кравченко [и др.]. — Иркутск : ИГЛУ, 1999. — 270 с.
61. Кравченко, А. В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка / А. В. Кравченко. — Иркутск : Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. — 261 с.
62. Кравченко, А. В. Когнитивный горизонт языкознания / А. В. Кравченко. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. — 320 с.
63. Кравченко, А. В. Экология языка и языковая политика / А. В. Кравченко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2011. — № 13. — С. 24–29.
64. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М. : Филологический факультет МГУ, 1996. — 245 с.
65. Кубрякова, Е. С. Язык и когнитивный процесс: Вопросы когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова. — М. : Наука, 1999. — 180 с.
66. Курашвили, А. Ю. Полномочия и стадии заключения международных договоров / А. Ю. Курашвили // Российский юридический журнал. — 2010. — № 6. — С. 69–76.

67. Курашвили, А. Ю. Прелиминарные международные договоры и договоры modus vivendi: проблемы применения / А. Ю. Курашвили // Право и современные государства. — 2019. — Вып. 4. — С. 20–28.

68. Курбакова, С. Н. Формирование лингвокультурных пресуппозиций в аспекте повышения уровня образованности человека / С. Н. Курбакова, С. Н. Васильева // Современное педагогическое образование. — 2023. — № 2. — С. 220–224. — DOI: 10.24412/2587-8328-2023-2-220-224.

69. Курганова, М. С. Иллокутивный речевой акт как прагматический компонент анализа текстов международных документов (на примере Парижского соглашения по климату (2015 Г.) на русском, английском и французском языках) / М. С. Курганова // Российский лингвистический бюллетень. – 2024. – № 11(59). – DOI 10.60797/RULB.2024.59.15

70. Курганова, М. С. Концептуальные метафоры в текстах международных документов, репрезентирующих экологический дискурс (на примере Протокола по стратегической экологической оценке на русском, английском и французском языках) / М. С. Курганова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2024. – Т. 15, № 3. – DOI 10.15862/28FLSK324.

71. Курганова, М. С. Метафорическая концептуализация в текстах международных документов на примере аутентичных текстов Парижского соглашения по климату (2015 г.) на русском, английском и французском языках / М. С. Курганова, Д. Н. Новиков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 9. – С. 3232-3238. – DOI 10.30853/phil20240457

72. Курганова М. С., Новиков Д.Н. Эквивалентность при передаче категории модальности в текстах международного договора на английском, французском и русском языках (на примере Парижского соглашения по климату от 2015 года) / М. С. Курганова, Д. Н. Новиков // Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении:

традиции и инновации = Language, culture, creativity in a transdisciplinary dimension: traditions and innovations : тез. докл. II Междунар. науч. конф., приуроч. к 95-летию со дня рождения проф. В. Н. Телия, Минск, 24–26 окт. 2025 г. / Белорус. гос. ун-т, Ин-т языкознания Рос. акад. наук, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; редкол.: М. С. Гутовская (гл. ред.), И. В. Зыкова, М. И. Киосе [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – С. 298–300.

73. Курганова М.С. Способы реализации инвариантного содержания в аутентичных текстах международного договора на русском, английском и французском языках (на примере Картахенского протокола по биобезопасности) / М.С. Курганова, Д.Н. Новиков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2026. – Т. 19. – Вып. 4. – С. 1759–1769. – DOI: 10.30853/phil20260222.

74. Курганова, М. С. Роль категорий модальности, темпоральности и залога в обеспечении эквивалентности аутентичных текстов международного договора (на примере Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях 2001 г.) / М. С. Курганова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2026. — Т. 17. — № 2. — URL: https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK226.pdf. DOI: 10.15862/07FLSK226

75. Курмачева, Я. Ю. Роль модальных глаголов should (shall) и ought to в предпереводческом анализе научных и научно-публицистических текстов / Я. Ю. Курмачева // Электронный научный архив УрФУ. — 2011. — С. 292–297.

76. Кутузов, А. А. Механизм семиозиса в русле теории биологии познания / А. А. Кутузов // Казанская наука. — 2025. — № 12. — С. 826–830.

77. Лабов, У. Структура денотативных значений / У. Лабов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. — М. : Прогресс, 1983. — С. 133–176.

78. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
79. Латышев, Л. К. Технология перевода : учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. / Л. К. Латышев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательский центр «Академия», 2005. — 320 с.
80. Логунова, К. А. Язык дипломатии как язык для специальных целей / К. А. Логунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2015. — № 7 (49). — Ч. I. — С. 124–126.
81. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство-СПБ, 2000. — 704 с.
82. Максимов, С. Е. Прагматические и структурно-семантические особенности текста международного договора (на материале английского языка) : дис. … канд. филол. наук / Максимов С. Е. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.dissercat.com/content/pragmaticheskie-i-strukturno-semanticheskie-osobennosti-teksta-mezhdunarodnogo-dogovora-na-m (дата обращения: 07.03.2026).
83. Мамардашвили, М. К. Эстетика мышления / М. К. Мамардашвили. — М. : Московская школа политических исследований, 2000. — 416 с.
84. Матурана, У. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. — 2-е изд., доп. — М. : УРСС ; ЛЕНАНД, 2019. — 320 с.
85. Медведева, М. С. Употребление и способы перевода модальных глаголов в юридических текстах / М. С. Медведева // Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 3. — С. 164–172.
86. Мельникова, К. А. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе (на материале англо- и русскоязычных медиаисточников) : дис. …

канд. наук : 5.9.8 / Мельникова Ксения Александровна. — Ярославль, 2024. — 224 с.

87. Мочалов, К. С. О структуре и функциональной роли настоящего времени в языковых знаковых системах (на основе концепции французского лингвиста Г. Гийома) / К. С. Мочалов // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 6 (43). — С. 529–533.
88. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. — 3-е изд., перераб. — М. : Флинта : Наука, 2003. — 318 с.
89. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики : учебное пособие / М. В. Никитин. — 2-е изд., доп. и испр. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. — 819 с.
90. Новиков, Д. Н. Когнитивно-прагматические аспекты современной англистики и общего языкознания. / Д. Н. Новиков. — М., 2007.
91. Новиков, Д. Н. Лексическая неоднозначность в когнитивном аспекте: Прототипическая база английского лексикона / Д. Н. Новиков. — М. : МГИМО Университет, 2010. — 118 с.
92. Новиков, Д. Н. Разграничение полисемии и омонимии в свете когнитивной лингвистики : на материале современного английского языка : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Новиков Д. Н. — СПб., 2001.
93. Новиков, Д. Н. Семантика модальных глаголов shall и should в современном английском языке: прототипический подход / Д. Н. Новиков, Н. О. Катаева // Филологические науки в МГИМО. — 2018. — № 13. — С. 38–45.
94. О международных договорах Российской Федерации : федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ. —[Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/9012279 (дата обращения: 08.12.2025).
95. Об утверждении порядка подготовки текстов международных договоров Российской Федерации : приказ МИДа Российской Федерации от 04.12.2020 № 25621. — [Электронный ресурс]. URL:

https://minjust.consultant.ru/documents/25621?items=1&page=2 (дата обращения: 08.12.2025).

96. Пенчева, А. И. Особенности языковой, структурной и композиционной оформленности текста международного договора (на материале дипломатических документов на русском и болгарском языке) / А. И. Пенчева // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2012. — № 4. — С. 62–70.
97. Песина, С. А. Инвариантность в когнитивной лингвистике и философии языка : учебное пособие / С. А. Песина. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2014.
98. Песина, С. А. Когнитивный подход к описанию семантики лексической единицы в современном английском языке / С. А. Песина // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. — Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2004. — Вып. 2. — С. 3–14.
99. Песина, С. А. Феноменологическая редукция и содержательное ядро значения / С. А. Песина // Вестник ВГУ. Серия: Философия. — 2010. — № 2. — С. 151–159.
100. Пирс, Ч. Логические основания теории знаков / Ч. С. Пирс ; пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. — СПб. : Алетейя, 2000. — 352 с.
101. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. — 314 с.
102. Постовалова, В. И. Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта / В. И. Постовалова; отв. ред. А. А. Леонтьев. — М. : Наука, 1982. — 222 с.
103. Проскурин, С. Г. Имплементация Венской конвенции о праве международных договоров / С. Г. Проскурин, С. Н. Слепухин // Вестник НГУ. Серия: Право. — 2010. — Т. 6, вып. 1. — С. 129–136.

104. Редакционные правки к тексту Парижского соглашения [на английском языке]. — [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/editorial_corrections_to_the_text_(l9-rev1)_english_unfccc.pdf (дата обращения: 14.09.2025).

105. Редакционные правки к тексту Парижского соглашения [на русском языке]. — [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/editorial_corrections_to_the_text_(l9-rev1)_russian__unfccc.pdf (дата обращения: 14.09.2025).

106. Редакционные правки к тексту Парижского соглашения [на французском языке]. — [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/editorial_corrections_to_the_text_(l9-rev1)_french_unfccc.pdf (дата обращения: 14.09.2025).

107. Руководство по международным договорам. — Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 2002.

108. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы / Т. Г. Скребцова. — М. : Издательский Дом ЯСК, 2018. — 391 с.

109. Словарь русского языка С. И. Ожегова. — [Электронный ресурс]. URL: https://slovarozhegova.ru/ (дата обращения: 08.04.2023).

110. Собакин, В. К. Правовые аспекты внесения на ратификацию многосторонних международных договоров / В. К. Собакин. — С. 7–19.

111. Степанец, О. Б. Структура французского международного договора : дис. … канд. филол. наук : 10.02.05, 10.02.20 / Степанец О. Б. — СПб., 1999. — 210 с.

112. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Юрий Степанов. — 2. изд., испр. и доп. — Москва : Академический проект,

2001. — 989, с. : ил., табл., портр. — (SUMMA). — ISBN 5-8291-0007-X.

113. Сусов, И. П. Семантическая структура предложения : (На материале прост. предложения соврем. нем. яз.) / И. П. Сусов. — Тула : ТГПИ, 1973. — 141 с.

114. Таушева, А. Н. Вариативность глагольных профилей текста : дис. … канд. наук : 5.9.8 / Таушева Александра Николаевна. — Пермь, 2025. — 213 с.

115. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер ; пер. с фр. — М. : Прогресс, 1988. — 656 с.

116. Толковый словарь Д. Н. Ушакова. — [Электронный ресурс]. URL: https://ushakovdictionary.ru/ (дата обращения: 26.11.2022).

117. Томашпольский, В. И. Сравнительная типология французского и русского языков: учеб. пособие / В. И. Томашпольский. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. — 288 с.

118. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие / А. В. Федоров. — 5-е изд. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. — 416 с.

119. Филлмор, Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. — М. : Прогресс, 1981. — С. 369–495.

120. Фурс, Л. А. Концептуальные аспекты синтаксиса / Л. А. Фурс // Когнитивные исследования языка. — 2009. — Вып. IV. — С. 278–301.

121. Черняховская, Л. А. Информационный инвариант смысла текста и вариативность его языковых выражений / Л. А. Черняховская. — 2-е изд., перераб. — М. : Флинта, 2022. — 384 с.

122. Шацкая, М. Ф. Функционирование актантов и сирконстантов локативного и темпорального типов в условиях языковой игры / М. Ф.

Шацкая // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 84. — С. 188–196.

123. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / Шейгал Елена Иосифовна. — Волгоград, 2000. — 431 с.

124. Шмиттгофф, К. М. Экспорт: право и практика международной торговли / К. М. Шмиттгофф ; пер. с англ. — М. : Юридическая литература, 1993. — 511 с.

125. Юдина, Н. В. Неологизмы психологической семантики русского и английского языков как компонент языковой картины мира и объект языковой политики и планирования / Н. В. Юдина, О. А. Селиверстова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, вып. 10. — С. 3351–3357. — DOI: 10.30853/phil20220558.

126. Яковлева, М. А. К вопросу о классификации различных видов компенсации / М. А. Яковлева // Вопросы филологических наук. — 2008. — № 4 (33). — С. 46–51.

127. Ярмухамедова, Ф. М. О лексических особенностях официально-делового стиля: на материале англоязычных контрактов / Ф. М. Ярмухамедова // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2013. — Т. 196. — С. 35–42.

128. Akpaca, S. M. An Epistemological Approach to The Translation of Tenses and Aspects in English-French and French-English Contexts / S. M. Akpaca // International Journal of Linguistics and Translation Studies. — 2024. — Vol. 5, № 2. — P. 167.

129. Alexander, R. J. Framing Discourse on the Environment: A Critical Discourse Approach / R. J. Alexander. — New York : Routledge, 2009. — 234 p.

130. Almjlad, S. A. Analysing Legal Discourse to Understand the Difficulties in the Translation of Legal Documents from English into Arabic

/ S. A. Almjlad // Journal of Umm Al-Qura University for Language Sciences and Literature. — 2024. — Issue 34. — P. 174–183.

131. Alontseva, N. V. Language Norms of International Treaties / N. V. Alontseva, Y. A. Ermoshin // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. — 2020. — Vol. 11, № 3.

132. Aust, A. Modern Treaty Law and Practice / A. Aust. — 3rd ed. — Cambridge : Cambridge University Press, 2013.

133. Benveniste É. Problèmes de linguistique générale, vol. 1. – Paris: Gallimard, 1966. – 356 p.

134. Berner, K. Authentic Interpretation in Public International Law / K. Berner // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht (ZaöRV). — 2016. — Vol. 76.

135. Bhatia, V. K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings / V. K. Bhatia. — London : Longman, 1993. — 246 p.

136. Bulatović, V. Legal Language: The Passive Voice Myth / V. Bulatović // ESP Today. — 2013. — Vol. 1 (1). — P. 93–112.

137. Cambridge Advanced Learner’s Dictionary. — [Электронный ресурс]. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 26.11.2022).

138. Collins Cobuild Advanced Learner’s Dictionary. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.collinsdictionary.com/ (дата обращения: 26.11.2022).

139. Cornu G. Linguistique juridique. – 3e éd. – Paris: Montchrestien, 2005. – 440 p.

140. Cowley, S. J. Distributed Language / S. J. Cowley. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2011. — 250 p.

141. Crystal, D. Investigating English Style / D. Crystal, D. Davy. — London : Longman, 1988.

142. D’Acquisto, G. The Role of SHALL and SHOULD in Two International Treaties / G. D’Acquisto, S. D'Avanzo // Critical Approaches

to Discourse Analysis across Disciplines. — 2009. — Vol. 3 (1). — P. 36–45.

143. Dico en ligne le Robert. —[Электронный ресурс]. URL: https://dictionnaire.lerobert.com/ (дата обращения: 26.11.2022).

144. Dictionnaires français Larousse. —[Электронный ресурс]. URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue (дата обращения: 26.11.2022).

145. Draft Cop27 agreement fails to call for ‘phase-down’ of all fossil fuels // The Guardian : [сайт]. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.theguardian.com/environment/2022/nov/17/draft-cop27-agreement-fails-to-call-for-phase-down-of-all-fossil-fuels (дата обращения: 12.07.2025).

146. Droit international public / N. Q. Dinh [et al.]. — 8e éd. — Paris : L.G.D.J., 2009.

147. Druzhinin, A. Biology of modeling: revisiting Humberto Maturana’s philosophy / A. Druzhinin // Chinese Semiotic Studies. — 2025. — Vol. 21 (2). — P. 173–191.

148. English Style Guide: A handbook for authors and translators in the European Commission / European Commission. — 8th ed. — 2016. — P. 130.

149. Felsenfeld, C. The Plain English Movement in the United States / C. Felsenfeld // Canadian Business Law Journal. — 1981. — Vol. 6.

150. Foreign, Commonwealth & Development Office (FCDO). Treaties and MoUs: Guidance on Practice and Procedures. — London : FCDO Legal Directorate, 2022. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.uk/government/publications/treaties-and-mous-guidance-on-practice-and-procedures (дата обращения: 08.12.2025).

151. Gamble, J. K. Choice of Language in Bilateral Treaties: Fifty Years of Changing State Practice / J. K. Gamble, C. Ku // Indiana International & Comparative Law Review. — 1993. — Vol. 3. — P. 233–264.

152. Garner, B. A. Garner's Dictionary of Legal Usage / B. A. Garner. — 3rd ed. — New York : Oxford University Press, 2011. — 991 p.

153. Garner, B. A. Legal Writing in Plain English: A Text with Exercises / B. A. Garner. — 2nd ed. — Chicago : University of Chicago Press, 2013. — 227 p.

154. Goossens, L. Metaphtonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action / L. Goossens // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / ed. by R. Dirven, R. Pörings. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2002. — P. 323–340.

155. Grevisse, M. Le Bon Usage / M. Grevisse, A. Goosse. — 15th ed. — [S. l.] : De Boeck Supérieur, 2011.

156. Hansen-Lohrey, C. Reconciling Divergent Meanings in the Interpretation of Multilingual Treaties / C. Hansen-Lohrey // International and Comparative Law Quarterly. — 2025. — Vol. 74, № 2. — P. 467–484.

157. How a 'typo' nearly derailed the Paris climate deal // The Guardian : [сайт]. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.theguardian.com/environment/blog/2015/dec/16/how-a-typo-nearly-derailed-the-paris-climate-deal (дата обращения: 12.07.2025).

158. Johnson, M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason / M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1987. — 233 p

159. Khachatryan, A. Grammatical Features of Translating Bilateral International Treaties / A. Khachatryan, M. Voskanyan // Translation Studies: Theory and Practice. — 2022. — Vol. 2, Issue 1 (3). — P. 5–16.

160. Kimble, J. Lifting the Fog of Legalese: Essays on Plain Language / J. Kimble. — Durham : Carolina Academic Press, 2006.

161. Kuner, C. B. The Interpretation of Multilingual Treaties: Comparison of Texts versus the Presumption of Similar Meaning / C. B. Kuner // International and Comparative Law Quarterly. — 1991. — Vol. 40, № 4. — P. 953–964.

162. Lakoff, G. Why it Matters How We Frame the Environment / G. Lakoff // Environmental Communication. — 2010. — Vol. 4, № 1.

163. Leech, G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. — London ; New York : Longman, 1983. — 250 p.

164. Legum, B. VCLT Article 33: Interpretation of Treaties Authenticated in Two or More Languages / B. Legum, A. Crevon-Tarassova // The Vienna Convention on the Law of Treaties in Investor-State Disputes: History, Evolution and Future / ed. by Esmé Shirlow, Kiran Nasir Gore. — Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International B.V., 2022. — P. 39.

165. Margiotta Broglio, C. Treaty interpretation, multilingualism, and the WTO dispute settlement system: Towards the comparative translation paradigm? / C. Margiotta Broglio, F. Ortino // Journal of International Dispute Settlement. — 2024. — Vol. 15, № 4. — P. 487–505.

166. Martino, L. Determining Indeterminacy: Plurilingual Treaty Interpretation Under Article 33 of the Vienna Convention on the Law of Treaties / L. Martino // Columbia Journal of Transnational Law. — 2024. — Vol. 62, № 2. — P. 461–502.

167. Merriam-Webster’s Advanced Learner’s Dictionary. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 28.04.2021).

168. Mortenson, J. D. The Travaux of Travaux: Is the Vienna Convention Hostile to Drafting History? / J. D. Mortenson // American Journal of International Law. — 2013. — Vol. 107, № 4.

169. Muravev, Y. Legal Translation Teaching Methods in Russian-English Language Pair / Y. Muravev // Proceedings IFTE-2020. — 2020. — P. 1701–1717.

170. Mursalova, V. Problems and perspectives in the linguistic study of ecological discourse in modern linguistics / V. Mursalova // V Международная научно-практическая конференция «Научно-образовательное пространство: реалии и перспективы повышения

качества образования» : сборник материалов. — Baku, 2024. — P. 542–544.

171. Nida, E. A. Toward a Science of Translating. With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating / E. A. Nida. — Leiden : Brill, 1964. — 331 p.

172. Oxford Advanced Learner’s Dictionary. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (дата обращения: 26.11.2022).

173. Palmer, F. R. Mood and Modality / F. R. Palmer. — 2nd ed. — Cambridge : Cambridge University Press, 2001. — 256 p.

174. Piszcz, A. The Role of Culture in Legal Languages, Legal Interpretation and Legal Translation / A. Piszcz, H. Sierocka // International Journal for the Semiotics of Law. — 2020. — Vol. 33. — P. 533–542.

175. Prieto, F. Interlinguistic Concordance in International Adjudication: The Translation Link in Multilingual Interpretation by the Court of Justice of the EU and the WTO’s Appellate Body / F. Prieto, A. Morales // Jurisprudence. Revue critique. — 2025. — Vol. 10. — P. 90–112.

176. Prieto Ramos, F. Comparative Interpretation of Multilingual Law in International Courts: Patterns and Implications for Translation / F. Prieto Ramos, L. Pacho Aljanati // Institutional Translation for International Governance: Enhancing Quality in Multilingual Legal Communication. — London : Bloomsbury, 2018. — P. 181–201.

177. Quirk, R. A. Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. — London : Longman, 1985. — 1779 p.

178. Raible, W. Types of tense and aspect systems / W. Raible // Toward a Typology of European Languages / ed. by J. Behert. — Berlin, 1990. — P. 195–215.

179. Regan, D. H. Sources of International Trade Law: Understanding What the Vienna Convention Says About Identifying and Using ‘Sources

For Treaty Interpretation’ / D. H. Regan // The Oxford Handbook of the Sources of International Law / ed. by Jean d'Aspremont, Samantha Besson. — Oxford : Oxford University Press, 2017.

180. Rosch, E. Principles of Categorization / E. Rosch // Cognition and Categorization / ed. by E. Rosch, B. B. Lloyd. — Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1978. — P. 27–48.

181. Shall and must // Plainlanguage.gov : [website]. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.plainlanguage.gov/guidelines/conversational/shall-and-must/ (дата обращения: 15.03.2023).

182. Searle, J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language / J. R. Searle. — Cambridge : Cambridge University Press, 1969. — 203 p

183. Stepanova, V. V. Translation strategies of legal texts (English-Russian) / V. V. Stepanova // Procedia - Social and Behavioral Sciences. — 2017. — Vol. 237. — P. 1329–1336.

184. Stibbe, A. Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live By / A. Stibbe. — 2nd ed. — London : Routledge, 2021.

185. Tabory, M. Multilingualism in International Law and Institutions / M. Tabory. — Alphen aan den Rijn : Sijthoff & Noordhoff, 1980. — 267 p.

186. Tesnière, L. Éléments de syntaxe structurale / L. Tesnière. — Paris : Librairie C. Klincksieck, 1959. — 670 p.

187. The ecolinguistics reader : language, ecology and environment / edited by A. Fill, P. Mühlhäusler. — London ; New York : Continuum, 2001. — 296 p.

188. The Chambers Dictionary. —[Электронный ресурс]. URL: https://chambers.co.uk/search/ (дата обращения: 26.11.2022).

189. Tiersma, P. M. Legal Language / P. M. Tiersma. — Chicago : University of Chicago Press, 1999. — 314 p.

190. Timofeeva, L. Main difficulties in translating contractual documentation (English/Russian) / L. Timofeeva, M. Morozova,

T. Potapova // The Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes. — 2021. — Vol. 9 (2). — P. 291–306.

191. U.S. Department of State. Foreign Affairs Manual. Vol. 11: Political Affairs. Chapter 720: Negotiation and Conclusion (11 FAM 720). — Washington, D.C. — [Электронный ресурс]. URL: https://fam.state.gov/FAM/11FAM/11FAM0720.html (дата обращения: 04.12.2025).

192. Varela, F. J. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience / F. J. Varela, E. Thompson, E. Rosch. — Cambridge, MA : MIT Press, 1991. — 308 p.

193. Vermeer, H. J. Skopos and Commission in Translational Action / H. J. Vermeer // The Translation Studies Reader. — London : Routledge, 2012. — P. 191–203.

194. Wydick, R. C. Plain English for Lawyers / R. C. Wydick. — 5th ed. — Durham : Carolina Academic Press, 2005. — 158 p.

Список принятых сокращений

КМП ООН – Комиссия международного права ООН

КС – конференция сторон

ЛП – лексический прототип

ЛСВ – лексико-семантический вариант

МВ – Меморандум о взаимопонимании

МОТ – Международная организация труда

МС ООН – Международный Суд ООН

ННЗ – номинативно-непроизводное значение

ОНУВ – определяемые на национальном уровне вклады

ООН – Организация Объединенных Наций

РВПЗ – регистры выбросов и перенос загрязнителей

РКИК ООН – Рамочная конвенция ООН об изменении климата

СЗ – системное значение

СОЗ – стойкие органические загрязнители

СФЕ – сверхфразовые единства

СЭО – стратегическая экологическая оценка

ЦТР – Цели тысячелетия в области развития

ЮНКЛОС – Конвенция ООН по морскому праву 1982 года

Приложения

Приложение 1. Анализ модальности разрешения в международных экологических соглашениях

Документ	модальный глагол (RU)	модальный глагол (EN)	модальный глагол (FR)	Количество
Картахенский протокол	мочь	may	pouvoir	20
	разрешать / допускать	permit	autoriser	1
	разрешать / допускать	permit	permettre	-
	разрешать / допускать	allow	permettre	-
	разрешать / допускать	allow	autoriser	-
Стокгольмская конвенция	мочь	may	pouvoir	32
	разрешать / допускать	permit	autoriser	2
	разрешать / допускать	permit	permettre	-
	разрешать / допускать	allow	ermettre	2
	разрешать / допускать	allow	autoriser	1
	вправе	entitle		1
Протокол о гражданской ответственности	мочь	may	pouvoir	29
	разрешать / допускать	permit	autoriser	1
	разрешать / допускать	permit	permettre	1
	разрешать / допускать	allow	permettre	-
	разрешать / допускать	allow	autoriser	-
	иметь право/ быть вправе	entitle		2
Протокол по СЭО	мочь	may	pouvoir	22
	разрешать / допускать	permit	autoriser	-
	разрешать / допускать	permit	permettre	1
	разрешать / допускать	allow	permettre	-
	разрешать / допускать	allow	autoriser	-
	иметь право/ быть вправе	entitle		-

Протокол о регистрах выбросов	мочь	may	pouvoir	11
	разрешать / допускать	permit	autoriser	1
	разрешать / допускать	permit	permettre	-
	разрешать / допускать	allow	permettre	1
	разрешать / допускать	allow	autoriser	1
	иметь право/ быть вправе	entitle		-
Древесина	мочь	may	pouvoir	23
	разрешать / допускать	permit	autoriser	-
	разрешать / допускать	permit	permettre	-
	разрешать / допускать	allow	permettre	-
	разрешать / допускать	allow	autoriser	-
	Иметь право/ быть вправе	entitle		-
	допускать/уполномачивать	authorize	autoriser	4
Гражданская ответственность	мочь	may	pouvoir	23
	разрешать / допускать	permit	autoriser	-
	разрешать / допускать	permit	permettre	1
	разрешать / допускать	allow	permettre	-
	разрешать / допускать	allow	autoriser	-
	иметь право/ быть вправе	entitle		4
	допускать/уполномачивать	authorize	autoriser	-
	допускать	permit	autoriser	1
Парижское соглашение	мочь	may	pouvoir	13
	разрешать / допускать	permit	autoriser	-
	разрешать / допускать	permit	permettre	-
	разрешать / допускать	allow	permettre	1
	разрешать / допускать	allow	autoriser	-
	иметь право/ быть вправе	entitle		1
	допускать/уполномачивать	authorize	autoriser	3
	допускать	permit	autoriser	-

Приложение 2. Иерархическая таблица частотности способов выражения деонтической модальности в семи экологических соглашениях

Общее кол-во	Способ выражения в RU	Способ выражения в EN	Способ выражения в FR	Картахен. (2000)	Стокгольм. (2001)	СЭО (2003)	ПРВЗ (2003)	Троп. древесина (2006)	Гражд. ответ.	Париж. (2015)
554	**настоящее время**	**shall + инфинитив**	**présent de l'indicatif**	**92**	**116**	**54**	**67**	**106**	**39**	**80**
24	следует + инфинитив	should + инфинитив	devoir (в условн. накл.)	-	6	-	2	-	1*	**15**
18	настоящее время	shall + инфинитив	futur simple	4	-	-	3	5	2	4
15	настоящее время	shall + инфинитив	devoir (в изъявит. накл.)	4	8	-	1	-	-	2
14	должен + инфинитив	should + инфинитив	devoir (в условн. накл.)	5	2	1	-	1	-	5
11	должен + инфинитив	shall + инфинитив	présent de l'indicatif	1	5	2	-	3	-	-
9	должен + инфинитив	shall + инфинитив	devoir (в изъявит. накл.)	3	1	1	-	4	-	-
4	необходимо + инфинитив	need for / necessary to	il est nécessaire de	-	4	-	-	-	-	-
3	требовать, чтобы	require + to + инфинитив	exiger que + сослагат.	3	-	-	-	-	-	-
2	обязывать ся + инфинитив	undertake to + infinitive	s'engage à + infinitif	-	1	-	-	1	-	-
1	настоящее время	shall + инфинитив	pouvoir + инфинитив	-	-	-	1	-	-	-
1	следует + инфинитив	to be + инфинитив	il faut que	1	-	-	-	-	-	-

1	должен + инфинитив	to be + инфинитив	il incombe à	-	-	-	-	-	-	1

Приложение 3. Универсальные модели метафорической концептуализации

Тип метафоры	*Концептуальная метафора*	*Описание и когнитивная функция*
Ориентационные	**БОЛЬШЕ / ЛУЧШЕ — ВВЕРХ МЕНЬШЕ / ХУЖЕ — ВНИЗ**	Проецирование абстрактных понятий (качество, количество, статус) на интуитивно понятную вертикальную шкалу. Увеличение и улучшение осмысляются как движение вверх, а ухудшение и уменьшение — как движение вниз.
	ВЛАСТЬ ОРИЕНТИРОВАНА НАВЕРХ	Структурирование социальной иерархии и авторитета по вертикальной оси. Более высокий статус концептуализируется как более высокая физическая позиция.
	ВЛАСТЬ / СТАТУС — ВВЕРХ / ВПЕРЕДИ	Осмысление лидерства и высокого статуса как нахождения впереди или выше других участников, что задает иерархию и направление движения.
Онтологические	**СОГЛАШЕНИЕ / ДОКУМЕНТ — КОНТЕЙНЕР**	Концептуализация юридического документа как физического контейнера, имеющего внутреннее пространство, границы и содержимое (информацию).
	СФЕРА ПРАВА — КОНТЕЙНЕР	Осмысление области правового регулирования как ограниченного трехмерного пространства, внутри которого могут находиться или не находиться те или иные объекты.
	НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ — ФИЗИЧЕСКИЙ УДАР	Наделение абстрактного вреда (от загрязнения, изменения климата) свойствами физического воздействия. Это превращает проблему в осязаемую и непосредственную угрозу.
	ОТВЕТСТВЕННОСТЬ / ОБЯЗАТЕЛЬСТВО — ОБЪЕКТ / БРЕМЯ / УЗЫ	Реификация (овеществление) абстрактных обязательств, которые осмысляются как физические объекты, которые можно взять, тяжелый груз, который нужно нести, или узы, которые связывают.
	ЗДОРОВЬЕ — ЦЕННЫЙ ОБЪЕКТ	Концептуализация здоровья как осязаемого ценного актива, который можно иметь, защищать от внешних угроз и которому можно нанести ущерб.
	ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА — ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ	Осмысление экосистем как сложных, саморегулирующихся организмов, обладающих здоровьем, целостностью и способностью к самовосстановлению.
Структурные	**СОГЛАШЕНИЕ — ЗДАНИЕ / СТРУКТУРА**	Систематическое структурирование сложного понятия «соглашение» в терминах здания, имеющего основу (фундамент), несущий каркас и элементы, которые надстраиваются со временем.
	АРГУМЕНТАЦИЯ — ФУНДАМЕНТ	Частный случай предыдущей метафоры, где доводы и причины осмысляются как физическое основание, обеспечивающее прочность и устойчивость юридического решения.

	ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ — БОРЬБА / ВОЙНА	Концептуализация сложного и многоаспектного процесса (например, противодействия изменению климата) как физического конфликта с персонифицированным врагом, что предполагает наличие угрозы и необходимость ответных действий.
	ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ / ПРОЦЕСС — ПУТЕШЕСТВИЕ	Структурирование длительных и сложных процессов (например, экономического перехода) в терминах путешествия, которое имеет начало, маршрут (траекторию), этапы и конечную цель (пункт назначения).

Приложение 4. Категория залога как средство достижения структурно-семантической и функциональной эквивалентности. Результаты количественно-статистического анализа

Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии (2000 г.)

Language	Total Sentences	Total Clauses	Active Clauses	Passive Clauses	Active Clause %	Passive Clause %
English	130	298	165	133	55.4%	44.6%
French	130	305	198	107	64.9%	35.1%
Russian	130	312	161	151	51.6%	48.4%

RU	**EN**	**FR**	**Частотность**
причастие	to be + Past Participle	être + Participe passé	61
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	être + Participe passé	19
причастие	активный залог	активный залог	12
возвратный глагол (-ся)	активный залог	активный залог	9
активный залог	активный залог	причастие (адъективное)	8
активный залог	to be + Past Participle	être + Participe passé	8
причастие	to be + Past Participle	активный залог	7
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	активный залог	4
активный залог	to be + Past Participle	активный залог	4
активный залог	активный залог	местоименный пассив	3
активный залог	to be + Past Participle	местоименный пассив	2
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	on + глагол	1
активный залог	активный залог	être + Participe passé	1
		Итого	**139**

Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях (2001 г.)

Language	Total Sentences	Total Clauses	Active Clauses	Passive Clauses	Active Clause %	Passive Clause %
English	280	618	401	217	64.9%	35.1%
French	280	595	389	206	65.4%	34.6%
Russian	280	581	353	228	60.8%	39.2%

RU	**EN**	**FR**	**Итого**
краткое причастие	to be + Past Participle	être + Participe passé	82
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	être + Participe passé	39
активный залог	to be + Past Participle	être + Participe passé	31
активный залог	активный залог	местоименный пассив	19
активный залог	активный залог	être + Participe passé	19
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	активный залог	12
возвратный глагол (-ся)	активный залог	активный залог	11
краткое причастие	активный залог	активный залог	11
краткое причастие	to be + Past Participle	активный залог	10
активный залог	активный залог	on + глагол (безличная конструкция)	5
активный залог	to be + Past Participle	активный залог	4
возвратный глагол (-ся)	активный залог	être + Participe passé	3
возвратный глагол (-ся)	активный залог	местоименный пассив	3
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	местоименный пассив	2
		Итого	251

Протокол по стратегической экологической оценке к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (2003 г.)

Language	Total Sentences	Total Clauses	Active Clauses	Passive Clauses	Active %	Passive %
English	212	385	188	197	48.8%	51.2%
French	211	389	195	194	50.1%	49.9%
Russian	209	378	202	176	53.4%	46.6%

RU	**EN**	**FR**	**итого**
краткое причастие	to be + past participle	être + Participe passé	22
краткое причастие	modal + to be + p.p.	modal + être + p.p.	3
возвратный глагол (-ся)	to be + past participle	être + Participe passé	11
возвратный глагол (-ся)	modal + to be + p.p.	être + Participe passé	1
возвратный глагол (-ся)	modal + to be + p.p.	местоименный пассив	2
возвратный глагол (-ся)	действительный залог	местоименный пассив	3
полное причастие	Past Participle (phrase)	Participe passé	71
действительный залог	to be + past participle	être + Participe passé	3
действительный залог	to be + past participle	действительный залог	6
действительный залог	действительный залог	être + Participe passé	1
возвратный глагол (-ся)	действительный залог	действительный залог	6
возвратный глагол (-ся)	действительный залог	être + Participe passé	1
возвратный глагол (-ся)	to be + past participle	действительный залог	1
возвратный глагол (-ся)	действительный залог	местоименный пассив	3
		Итого	146

Протокол о регистрах выбросов и переноса загрязнителей к Конвенции 1998 года о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (2003 г.)

Language	Total Sentences	Total Clauses	Active Clauses	Passive Clauses	Active Clause %	Passive Clause %
English	104	338	201	137	59.5%	40.5%
French	104	325	203	122	62.5%	37.5%
Russian	104	299	171	128	57.2%	42.8%

RU	**EN**	**FR**	**Частотность**
краткое причастие	to be + Past Participle	être + Participe passé	48
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	être + Participe passé	25
активный залог	to be + Past Participle	être + Participe passé	16
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	местоименный пассив	12
активный залог	действительный залог	местоименный пассив	11
краткое причастие	to be + Past Participle	местоименный пассив	5
возвратный глагол (-ся)	modal + to be + Past Participle	être + articipe Passé	4
краткое причастие	modal + to be + Past Participle	être + Participe passé	3
возвратный глагол (-ся)	modal + to be + Past Participle	modal + être + Participe passé	3
краткое причастие	to be + Past Participle	on + глагол (безличная конструкция)	2
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	on + глагол (безличная конструкция)	2
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	действительный залог	1
активный залог	to be + Past Participle	on + глагол (безличная конструкция)	1
		Итого	**133**

Международное соглашение по тропической древесине 2006 года

Language	Total Sentences	Total Clauses	Active Clauses	Passive Clauses	Active Clause %	Passive Clause %
English	185	412	281	131	68.2%	31.8%
French	179	435	309	126	71.0%	29.0%
Russian	175	388	255	133	65.7%	34.3%

RU	**EN**	**FR**	**Частотность**
полное причастие	to be + Past Participle	être + Participe passé	78
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	être + Participe passé	27
краткое причастие	to be + Past Participle	être + Participe passé	14
возвратный глагол (-ся)	действительный залог	être + Participe passé	5
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	действительный залог	4
активный залог	to be + Past Participle	être + Participe passé	3
краткое причастие	to be + Past Participle	действительный залог	2
полное причастие	to be + Past Participle	действительный залог	2
краткое причастие	активный залог	être + Participe passé	2
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	on + глагол	1
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	местоименный пассив	1
полное причастие	действительный залог	être + Participe passé	1
активный залог	to be + Past Participle	активный залог	1
		Итого	**141**

Протокол о гражданской ответственности и компенсации

Language	Total Sentences	Total Clauses	Active Clauses	Passive Clauses	Active Clause %	Passive Clause %
English	130	298	165	133	55.4%	44.6%
French	130	305	198	107	64.9%	35.1%
Russian	130	312	161	151	51.6%	48.4%

RU	EN	FR	Частотность
причастный оборот	participial phrase	participial phrase	39
краткое причастие	to be + Past Participle	être + Participe passé	18
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	être + Participe passé	16
возвратный глагол (-ся)	действительный залог	действительный залог	3
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	действительный залог	3
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	местоименный пассив	3
краткое причастие	действительный залог	действительный залог	2
активный залог	действительный залог	местоименный пассив	2
причастный оборот	действительный залог	причастный оборот	2
активный залог	to be + Past Participle	être + Participe passé	1
активный залог	to be + Past Participle	действительный залог	1
активный залог	действительный залог	on + глагол (безличная конструкция)	1
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	on + глагол (безличная конструкция)	1
краткое причастие	to be + Past Participle	местоименный пассив	1
причастный оборот	действительный залог	действительный залог	1

возвратный глагол (-ся)	действительный залог	действительный залог	1
		Итого	**95**

Парижское соглашение

Language	Total Sentences	Total Clauses	Active Clauses	Passive Clauses	Active Clause %	Passive Clause %
English	121	268	183	85	68.3%	31.7%
French	121	260	181	79	69.6%	30.4%
Russian	121	245	152	93	62.0%	38.0%

RU	EN	FR	Частотность
краткое причастие	to be + Past Participle	être + Participe Passé	39
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	être + Participe Passé	21
краткое причастие	to be + Past Participle	действительный залог	6
возвратный глагол (-ся)	действительный залог	местоименный пассив	4
действительный залог	действительный залог	on + глагол (безличная конструкция с пассивным значением)	3
краткое причастие	действительный залог	действительный залог	3
действительный залог	to be + Past Participle	être + Participe Passé	2
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	действительный залог	2
возвратный глагол (-ся)	to be + Past Participle	местоименный пассив	1
возвратный глагол (-ся)	модальный глагол + be + Past Participle	местоименный пассив	1
действительный залог	to be + Past Participle	действительный залог	1
действительный	действительный	être + Participe Passé	1

залог	залог		
возвратный глагол (-ся)	действительный залог	действительный залог	1
действительный залог	to be + Past Participle	местоименный пассив	1
		Итого	**86**

Приложение 5. Примеры, иллюстрирующие передачу категории темпоральности в аутентичных текстах на трех языках

Картахенский протокол

Ст. 12.2 b)

b) появилась соответствующая дополнительная научная или техническая информация.

(b) Additional relevant scientific or technical information has become available.

b) Que des renseignements scientifiques ou techniques supplémentaires sont disponibles.

Статья 12.1

В таком случае данная Сторона в течение тридцати дней информирует об этом любого уведомителя, который ранее уведомил о перемещениях живого измененного организма, о котором говорится в этом решении, и механизм посредничества по биобезопасности и излагает доводы, лежащие в основе ее

решения.

In such case, the Party shall, within thirty days, inform any notifier that has previously notified movements of the living modified organism referred to in such decision, as well as the Biosafety Clearing-House, and shall set out the

reasons for its decision.

En pareil cas, dans un délai de trente jours, elle en informe les auteurs de notifications antérieures de mouvements de l'organisme vivant modifié en question, ainsi que le Centre d'échange pour la prévention des risques biotechnologiques, en indiquant les raisons de sa décision.

Статья 10.3 a)

…разрешая импорт на определенных условиях или без таковых и сопровождая информацию о том, как это решение применяется к

последующим импортным поставкам того же живого измененного организма…

…Approving the import, with or without conditions, including how the decision will apply to subsequent imports of the same living modified organism…

…Autorisant l'importation, avec ou sans condition, et indiquant comment la décision s'appliquera aux importations ultérieures du même organisme vivant modifié…

Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях

Ст. 18. 6

Дополнительные процедуры, касающиеся согласительной комиссии, включаются в приложение, которое будет утверждено Конференцией Сторон не позднее чем на ее втором совещании.

The conciliation commission shall render a report with recommendations. Additional procedures relating to the conciliation commission shall be included in an annex to be adopted by the Conference of the Parties no later than at its second meeting.

La commission de conciliation présente un rapport assorti de recommandations. Des procédures supplémentaires concernant la commission de conciliation figureront dans une annexe que la Conférence des Parties adoptera au plus tard à sa deuxième réunion.

Ст. 19.2

Первое совещание Конференции Сторон созывается Директором исполнителем Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде не позднее, чем через один год после вступления настоящей Конвенции в силу. Впоследствии очередные совещания Конференции Сторон созываются с периодичностью, которую установит Конференция.

The first meeting of the Conference of the Parties shall be convened by the Executive Director of the United Nations Environment Programme no later than one year after the entry into force of this Convention. Thereafter, ordinary meetings of the Conference of the Parties shall be held at regular intervals to be decided by the Conference.

La première réunion de la Conférence des Parties est convoquée par le Directeur exécutif du Programme des Nations Unies pour l'environnement un an au plus tard après l'entrée en vigueur de la présente Convention. Par la suite, les reunions ordinaires de la Conférence des Parties se tiendront à des intervalles réguliers à décider par la Conférence.

Протокол по стратегической экологической оценке к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте

Приложение III

Степень, в которой план или программа затрагивает ценные или уязвимые районы, включая их ландшафт, имеющие признанный национальный или международный охраняемый статус.

The degree to which the plan or programme will affect valuable or vulnerable areas including landscapes with a recognized national or international protection status.

La mesure dans laquelle le plan ou le programme aura des retombées sur des zones précieuses ou vulnérables, y compris des paysages dotés d'un statut de protection reconnu au niveau national ou international.